Chto dielat'?

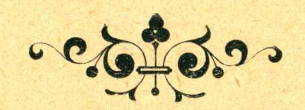
Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія

Lenin, V. I.

Н. ЛЕНИНА. pseud.

. . . „Партійная борьба придаетъ партіи силу и жизненность, величайшимъ доказательствомъ слабости партіи является ея расплывчатость и притупленіе рѣзко обозначенныхъ границъ, партія укрѣпляется тѣмъ, что очищаетъ себя“ . . . (Изъ письма Лассаля къ Марксу отъ 24 іюня 1852 г.).

STUTTGART
Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1902

Druck von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Оглавленіе.

Предисловіе.

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному развитію тѣхъ мыслей, которыя высказаны въ статьѣ „Съ чего начать?“ (Искра № 4, май 1901 г.). И мы должны прежде всего принести извиненіе читателю за позднее исполненіе даннаго тамъ (и повтореннаго въ отвѣтъ на многіе частные запросы и письма) обѣщанія. Одной изъ причинъ такого запозданія явилась попытка объединенія всѣхъ заграничныхъ соціаль-демократическихъ организацій, предпринятая въ іюнѣ истекшаго года. Естественно было дождаться результатовъ этой попытки, ибо при удачѣ ея пришлось бы, можетъ быть, излагать организаціонные взгляды Искры подъ нѣсколько инымъ угломъ зрѣнія, и во всякомъ случаѣ такая удача обѣщала бы положить очень быстро конецъ существованію двухъ теченій въ русской соціаль-демократіи. Какъ извѣстно читателю, попытка окончилась неудачей и, какъ мы постараемся доказать ниже, не могла не окончиться такъ послѣ новаго поворота Р. Дѣла въ № 10 къ экономизму. Оказалось безусловно необходимымъ вступить въ рѣшительную борьбу съ этимъ расплывчатымъ и мало опредѣленнымъ, но за то тѣмъ болѣе устойчивымъ и способнымъ возрождаться въ разнообразныхъ формахъ направленіемъ. Сообразно этому видоизмѣнился и весьма значительно расширился первоначальный планъ брошюры.

Главной темой ея должны были быть три вопроса, поставленные въ статьѣ „Съ чего начать“. Именно: вопросы о характерѣ и главномъ содержаніи нашей политической агитаціи, о нашихъ организаціонныхъ задачахъ, о планѣ построенія одновременно и съ разныхъ концовъ боевой общерусской организаціи. Вопросы эти давно уже интересуютъ автора, пытавшагося поднять ихъ еще въ „Рабочей Газетѣ“ при одной изъ неудавшихся попытокъ ея возобновленія (см. гл. V). Но первоначальное предположеніе ограничиться въ брошюрѣ

разборомъ только трехъ этихъ вопросовъ и изложить свои воззрѣнія по возможности въ положительной формѣ, не прибѣгая или почти не прибѣгая къ полемикѣ, оказалось совершенно неосуществимымъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, экономизмъ оказался гораздо болѣе живучимъ, чѣмъ мы предполагали (мы употребляемъ слово экономизмъ въ широкомъ смыслѣ, какъ оно было пояснено въ № 12 Искры въ статьѣ „Бесѣда съ защитниками экономизма", намѣтившей, такъ сказать, конспектъ предлагаемой читателю брошюры). Стало несомнѣннымъ, что различные взгляды на рѣшеніе этихъ трехъ вопросовъ объясняются въ гораздо большей степени коренной противоположностью двухъ направленій въ русской соціаль-демократіи, чѣмъ расхожденіемъ въ частностяхъ. Съ другой стороны, недоумѣніе экономистовъ по поводу фактическаго проведенія въ Искрѣ нашихъ воззрѣній показывало съ очевидностью, что мы часто говоримъ буквально на разныхъ языкахъ, что мы *не можемъ* поэтому ни до чего договориться, если не будемъ начинать ab ovo, что необходимо сдѣлать попытку возможно болѣе популярнаго, поясняемаго самыми многочисленными и конкретными примѣрами *систематическаго „объясненія"* со *всѣми* экономистами по *всѣмъ* кореннымъ пунктамъ нашихъ разногласій. И я рѣшилъ сдѣлать такую попытку, „объясниться", вполнѣ сознавая, что это очень сильно увеличитъ размѣры брошюры и замедлитъ ея выходъ, но не видя въ тоже время никакой возможности *иначе* исполнить данное мной въ статьѣ „Съ чего начать?" обѣщаніе. Къ извиненію по поводу опозданія мнѣ приходится такимъ образомъ прибавить еще извиненіе по поводу громадныхъ недостатковъ въ литературной отдѣлкѣ брошюры: я долженъ былъ работать *до послѣдней степени на спѣхъ*, отрываемый при томъ всякими другими работами.

Разборъ указанныхъ выше трехъ вопросовъ составляетъ, по прежнему, главную тему брошюры, но начать мнѣ пришлось съ двухъ болѣе общихъ вопросовъ: почему такой „невинный" и „естественный" лозунгъ, какъ „свобода критики", является для насъ настоящимъ боевымъ сигналомъ? почему мы не можемъ столковаться даже по основному вопросу о роли соціаль-демократіи по отношенію къ стихійному массовому движенію? Далѣе, изложеніе взглядовъ на характеръ и содержаніе политической агитаціи превратилось въ объясненіе разницы между трэдъ-юніонистской и соціаль-демократической политикой, а изложеніе взглядовъ на организаціонныя задачи — въ объясненіе разницы между удовлетворяющимъ экономистовъ кустарничествомъ и необходимой, на нашъ взглядъ, организаціей революціонеровъ. Затѣмъ, на „планѣ" общерусской политической газеты я тѣмъ болѣе настаиваю, чѣмъ несостоятельнѣе были сдѣланныя противъ него возраженія и чѣмъ менѣе отвѣтили мнѣ по существу на поставленный въ статьѣ „Съ чего начать?" вопросъ о томъ, какъ могли бы мы одновременно со всѣхъ концовъ приняться за возведеніе необходимой намъ организаціи. Наконецъ, въ заключительной части брошюры я надѣюсь показать, что мы сдѣлали все отъ насъ зависѣвшее, чтобы предупредить рѣшительный разрывъ съ экономистами, который оказался однако неизбѣжнымъ; — что Раб. Дѣло пріобрѣло особое, „историческое", если хотите, значеніе тѣмъ, что всего полнѣе, всего рельефнѣе выразило не послѣдовательный экономизмъ, а тотъ разбродъ и тѣ шатанія, которыя составили отличительную черту *цѣлаго періода* въ исторіи русской соціаль-демократіи; — что поэтому пріобрѣтаетъ значеніе и чрезмѣрно подробная, на первый взглядъ, полемика съ „Раб. Дѣломъ", ибо мы не можемъ идти впередъ, если мы окончательно не ликвидируемъ этого періода.

Февраль 1902 г.

Н. Ленинъ.

I.

Догматизмъ и „свобода критики“.

а) Что значитъ „свобода критики“?

„Свобода критики“ — это, несомнѣнно, самый модный лозунгъ въ настоящее время, всего чаще употребляемый въ спорахъ между соціалистами и демократами всѣхъ странъ. На первый взглядъ, трудно себѣ представить что-либо болѣе странное, чѣмъ эти торжественныя ссылки одной изъ спорящихъ сторонъ на свободу критики. Неужели изъ среды передовыхъ партій раздались голоса противъ того конституціоннаго закона большинства европейскихъ странъ, который обезпечиваетъ свободу науки и научнаго изслѣдованія? „Тутъ что-то не такъ!“ — долженъ будетъ сказать себѣ всякій сторонній человѣкъ, который услыхалъ повторяемый на всѣхъ перекресткахъ модный лозунгъ, но не вникъ еще въ сущность разногласія между спорящими. „Этотъ лозунгъ, очевидно, одно изъ тѣхъ условныхъ словечекъ, которыя, какъ клички, узаконяются употребленіемъ и становятся почти нарицательными именами.“

Въ самомъ дѣлѣ, ни для кого не тайна, что въ современной международной*) соціаль-демократіи образовались два направленія, борьба между которыми то разгорается и вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, то затихаетъ и тлѣетъ подъ пепломъ внушительныхъ „резолюцій о перемиріи“. Въ чемъ состоитъ „новое“ направленіе, которое „критически“ относится къ „старому, догматическому“ марксизму, это съ достаточной опредѣленностью *сказалъ* Бернштейнъ и *показалъ* Мильеранъ.

---

*) Кстати. Въ исторіи новѣйшаго соціализма это едва ли не единичное и въ своемъ родѣ чрезвычайно утѣшительное явленіе, что распря различныхъ направленій внутри соціализма изъ національной впервые превратилась въ интернаціональную. Въ прежнія времена споры между лассалеанцами и эйзенахцами, между гэдистами и поссибилистами, между фабіанцами и соціаль-демократами, между народовольцами и соціаль-демократами оставались чисто національными спорами, отражали чисто національныя особенности, происходили, такъ сказать, въ разныхъ плоскостяхъ. Въ настояще время (теперь это уже явственно видно) англійскіе фабіанцы, французскіе министеріалисты, нѣмецкіе бернштейніанцы, русскіе критики, — все это одна семья, всѣ они другъ друга хвалятъ, другъ у друга учатся и сообща ополчаются противъ „догматическаго“ марксизма. Можетъ быть, въ этой первой дѣйствительно международной схваткѣ съ соціалистическимъ оппортюнизмомъ международная революціонная соціаль-демократія достаточно окрѣпнетъ, чтобы положить конецъ давно уже царящей въ Европѣ политической реакціи?

Соціаль-демократія должна изъ партіи соціальной революціи превратиться въ демократическую партію соціальныхъ реформъ. Это политическое требованіе Бернштейнъ обставилъ цѣлой баттареей довольно стройно согласованныхъ „новыхъ“ аргументовъ и соображеній. Отрицалась возможность научно обосновать соціализмъ и доказать, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, его необходимость и неизбѣжность; отрицался фактъ растущей нищеты, пролетаризаціи и обостренія капиталистическихъ противорѣчій; объявлялось несостоятельнымъ самое понятіе о *„конечной цѣли“* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетаріата; отрицалась принципіальная противоположность либерализма и соціализма; отрицалась *теорія классовой борьбы*, неприложимая будто бы къ строго демократическому обществу, управляемому согласно волѣ большинства, и т. д.

Такимъ образомъ, требованіе рѣшительнаго поворота отъ революціонной соціаль-демократіи къ буржуазному соціаль-реформаторству сопровождалось не менѣе рѣшительнымъ поворотомъ къ буржуазной критикѣ всѣхъ основныхъ идей марксизма. А такъ какъ эта послѣдняя критика велась уже издавна противъ марксизма и съ политической трибуны и съ университетской каѳедры, и въ массѣ брошюръ и въ рядѣ ученыхъ трактатовъ, такъ какъ вся подростающая молодежь образованныхъ классовъ въ теченіе десятилѣтій систематически воспитывалась на этой критикѣ, — то неудивительно, что „новое критическое“ направленіе въ соціаль-демократіи вышло какъ-то сразу вполнѣ законченнымъ, точно Минерва изъ головы Юпитера. По своему содержанію, этому направленію не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено изъ буржуазной литературы въ соціалистическую.

Далѣе. Если теоретическая критика Бернштейна и его политическія вожделѣнія оставались еще кому либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстраціи „новой методы“. Франція и на этотъ разъ оправдала свою старинную репутацію „страны, въ исторіи которой борьба классовъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, доводилась до рѣшительнаго конца“ (Энгельсъ, изъ предисловія къ сочиненію Маркса: „Der 18. Brumaire“). Французскіе соціалисты стали не теоретизировать, а прямо дѣйствовать; болѣе развитыя въ демократическомъ отношеніи политическія условія Франціи позволили имъ сразу перейти къ „практическому бернштейніанству“ во всѣхъ его послѣдствіяхъ. Мильеранъ далъ прекрасный образчикъ этого практическаго бернштейніанства, — не даромъ Мильерана такъ усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейнъ и Фольмаръ! Въ самомъ дѣлѣ: если соціаль-демократія въ сущности есть просто партія реформъ и должна имѣть смѣлость открыто признать это, — тогда соціалистъ не только вправѣ вступить въ буржуазное министерство, но долженъ даже всегда стремиться къ этому. Если демократія въ сущности означаетъ уничтоженіе классового господства, — то отчего же соціалистическому министру не плѣнять весь буржуазный міръ рѣчами о сотрудничествѣ классовъ? Отчего не оставаться ему въ министерствѣ даже послѣ того, какъ убійства рабочихъ жандармами показали въ сотый и тысячный разъ истинный характеръ демократическаго сотрудничества классовъ? Отчего бы ему не принять лично участія въ привѣтствованіи царя, котораго французскіе соціалисты зовутъ теперь не иначе какъ героемъ висѣлицы, кнута и ссылки (knouteur, pendeur et déportateur)? А возмездіемъ за это безконечное униженіе и самооплеваніе соціализма передъ всѣмъ міромъ, за развращеніе соціалистическаго сознанія рабочихъ массъ — этого единственнаго базиса, который можетъ обезпечить намъ побѣду, — въ возмездіе за это громкіе *проекты* мизерныхъ реформъ, мизерныхъ до того, что у буржуазныхъ правительствъ удавалось добиться большаго!

Кто не закрываетъ себѣ намѣренно глазъ, тотъ не можетъ не видѣть, что новое „критическое“ направленіе въ соціализмѣ есть не что иное, какъ новая разновидность *оппортюнизма*. И если судить о людяхъ не по тому блестящему мундиру, который они сами себѣ надѣли, не по той эффектной кличкѣ, которую они сами себѣ взяли, а по тому, какъ они поступаютъ и что они на самомъ дѣлѣ пропагандируютъ, — то станетъ ясно, что „свобода критики“ есть свобода оппортюнистическаго направленія въ соціаль-демократіи, свобода превращать соціаль-демократію въ демократическую партію реформъ, свобода внѣдренія въ соціализмъ буржуазныхъ идей и буржуазныхъ элементовъ.

Свобода — великое слово, но подъ знаменемъ свободы промышленности велись самыя разбойническія войны, подъ знаменемъ свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается въ современномъ употребленіи слова: свобода критики. Люди, дѣйствительно убѣжденные въ томъ, что они двинули впередъ науку, требовали бы не свободы новыхъ воззрѣній наряду съ старыми, а замѣны послѣднихъ первыми. А современныя выкрикиванія „да здравствуетъ свобода критики!“ слишкомъ напоминаютъ басню о пустой бочкѣ.

Мы идемъ тѣсной кучкой по обрывистому и трудному пути, крѣпко взявшись за руки. Мы окружены со всѣхъ сторонъ врагами, и намъ приходится почти всегда идти подъ ихъ огнемъ. Мы соединились, по свободно принятому рѣшенію, именно для того, чтобы бороться съ врагами и не оступаться въ сосѣднее болото, обитатели котораго съ самаго начала порицали насъ за то, что мы выдѣлились въ особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примиренія. И вотъ нѣ-

которые изъ насъ принимаются кричать: пойдемте въ это болото! — а когда ихъ начинаютъ стыдить, они возражаютъ: какіе вы отсталые люди! и какъ вамъ не совѣстно отрицать за нами свободу звать васъ на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вамъ угодно, хотя бы въ болото; мы находимъ даже, что ваше настоящее мѣсто именно въ болотѣ, и мы готовы оказать вамъ посильное содѣйствіе къ *вашему* переселенію туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за насъ и не пачкайте великаго слова свобода, потому что мы вѣдь тоже „свободны“ идти, куда мы хотимъ, свободны бороться не только съ болотомъ, но и съ тѣми, кто поворачиваетъ къ болоту!

б) Новые защитники „свободы критики“.

И вотъ этотъ-то лозунгъ („свобода критики“) торжественно выдвинутъ въ самое послѣднее время „Раб. Дѣломъ“ (№ 10), органомъ заграничнаго „союза русскихъ социаль-демократовъ“, выдвинутъ не какъ теоретическій постулатъ, а какъ политическое требованіе, какъ отвѣтъ на вопросъ: „возможно ли объединеніе дѣйствующихъ заграницей соціаль-демократическихъ организацій?“ — „Для прочнаго объединенія необходима свобода критики“ (стр. 36).

Изъ этого заявленія вытекаютъ два совершенно опредѣленные вывода: 1. „Рабоч. Дѣло“ беретъ подъ свою защиту оппортюнистическое направленіе въ международной соціаль-демократіи вообще; 2. „Р. Дѣло“ требуетъ свободы оппортюнизма въ русской соціаль-демократіи. Разсмотримъ эти выводы.

Р. Дѣлу „въ особенности“ не нравится „склонность Искры и Зари пророчить разрывъ между *Горой* и *Жирондой* международной соціаль-демократіи“.

„Намъ вообще — пишетъ редакторъ „Р. Д.“ Б. Кричевскій — разговоръ о *Горѣ* и *Жирондѣ* въ рядахъ соціаль-демократіи представляется поверхностной исторической аналогіей, странной подъ перомъ марксиста: Гора и Жиронда представляли не разные темпераменты или умственныя теченія, какъ это можетъ казаться историкамъ-идеологамъ, а разные классы или слои — среднюю буржуазію, съ одной стороны, и мелкое мѣщанство съ пролетаріатомъ, съ другой. Въ современномъ же соціалистическомъ движеніи нѣтъ столкновенія классовыхъ интересовъ, оно все цѣликомъ, во *всѣхъ* (курс. Б. Кр.) своихъ разновидностяхъ, включая и самыхъ отъявленныхъ бернштейніанцевъ, стоитъ на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобожденіе“ (стр. 32—33).

Смѣлое утвержденіе! Не слыхалъ-ли Б. Кричевскій о томъ, давно уже подмѣченномъ, фактѣ, что именно широкое участіе въ соціалистическомъ движеніи послѣднихъ лѣтъ *слоя* „академиковъ“ обезпечило такое быстрое распространеніе бернштейніанства? А главное, — на чемъ основываетъ нашъ авторъ свое мнѣніе, что и „самые отъявленные бернштейніанцы“ стоятъ на почвѣ классовой борьбы за политическое и экономическое освобожденіе пролетаріата? Неизвѣстно. Рѣ-

шительная защита самыхъ отъявленныхъ бернштейніанцевъ ровно никакими ни доводами ни соображеніями не подкрѣпляется. Авторъ думаетъ, очевидно, что разъ онъ повторяетъ то, что говорятъ про себя и самые отъявленные бернштейніанцы, — то его утвержденіе и не нуждается въ доказательствахъ. Но можно-ли представить себѣ что либо болѣе „поверхностное“, какъ это сужденіе о цѣломъ направленіи на основаніи того, что говорятъ сами про себя представители этого направленія? Можно-ли представить себѣ что либо болѣе поверхностное, какъ дальнѣйшая „мораль“ о двухъ различныхъ и даже діаметрально противоположныхъ типахъ или дорогахъ партійнаго развитія (стр. 34—35 *Р. Д.*)? Нѣмецкіе соціаль-демократы, видите-ли, признаютъ полную свободу критики, — французы же нѣтъ, и именно ихъ примѣръ показываетъ весь „вредъ нетерпимости“.

Именно примѣръ Б. Кричевскаго — отвѣтимъ мы на это — показываетъ, что иногда называютъ себя марксистами люди, которые смотрятъ на исторію буквально „по Иловайскому“. Чтобы объяснить единство германской и раздробленность французской соціалистической партіи вовсе нѣтъ надобности копаться въ особенностяхъ исторіи той и другой страны, сопоставлять условія военнаго полу-абсолютизма и республиканскаго парламентаризма, разбирать послѣдствія коммуны и исключительнаго закона о соціалистахъ, сравнивать экономическій бытъ и экономическое развитіе, вспоминать о томъ, какъ „безпримѣрный ростъ германской соціаль-демократіи“ сопровождался безпримѣрной въ исторіи соціализма энергіей борьбы не только съ теоретическими (Мюльбергеръ, Дюрингъ*), катедеръ-соціалисты), но и съ тактическими (Лассаль) заблужденіями, и проч. и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, нѣмцы едины, потому что они пай-мальчики.

И замѣтьте, что посредствомъ этого безподобнаго глубокомыслія „отводится“ фактъ, всецѣло опровергающій защиту бернштейніанцевъ. *Стоятъ*-ли они на почвѣ классовой борьбы

*) Когда Энгельсъ обрушился на Дюринга, ко взглядамъ послѣдняго склонялись довольно многіе представители германской соціаль-демократіи, и обвиненія въ рѣзкости, нетерпимости, нетоварищеской полемикѣ и проч. сыпались на Энгельса даже публично на съѣздѣ партіи. Мостъ съ товарищами внесъ (на съѣздѣ 1877 года) предложеніе объ устраненіи статей Энгельса изъ Vorwärts'а, какъ „не представляющихъ интереса для громаднаго большинства читателей“, а Вальтейхъ (Vahlteich) заявилъ, что помѣщеніе этихъ статей принесло большой вредъ партіи, что Дюрингъ тоже оказалъ услуги соціаль-демократіи: „мы должны пользоваться всѣми въ интересахъ партіи, а если профессора спорятъ, то Vorwärts вовсе не мѣсто для веденія такихъ споровъ“ („Vorwärts“ 1877, № 65 отъ 6-го іюня). Какъ видите, это — тоже примѣръ защиты „свободы критики“, и надъ этимъ примѣромъ не мѣшало бы подумать нашимъ легальнымъ критикамъ и нелегальнымъ оппортюнистамъ, которые такъ любятъ ссылаться на примѣръ нѣмцевъ!

пролетаріата, этотъ вопросъ окончательно и безповоротно можетъ быть рѣшенъ только историческимъ опытомъ. Слѣдовательно, наиболѣе важное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи именно примѣръ Франціи, какъ единственной страны, въ которой бернштейніанцы попробовали *встать* самостоятельно на ноги, при горячемъ одобреніи своихъ нѣмецкихъ коллегъ (а отчасти и русскихъ оппортюнистовъ: ср. *Р. Д.*, № 2—3, стр. 83—84). Ссылка на „непримиримость“ французовъ — помимо своего „историческаго“ (въ Ноздревскомъ смыслѣ) значенія — оказывается просто попыткой замять сердитыми словами очень непріятные факты.

Да и нѣмцевъ мы вовсе еще не намѣрены подарить Б. Кричевскому и прочимъ многочисленнымъ защитникамъ „свободы критики“. Если „самые отъявленные бернштейніанцы“ терпимы еще въ рядахъ германской партіи, то лишь постольку, поскольку они *подчиняются* и ганноверской резолюціи, рѣшительно отвергнувшей „поправки“ Бернштейна, и любекской, содержащей въ себѣ (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостереженіе Бернштейну. Можно спорить, съ точки зрѣнія интересовъ нѣмецкой партіи, о томъ, на сколько умѣстна была дипломатичность, лучше-ли въ данномъ случаѣ худой миръ, чѣмъ добрая ссора, можно расходиться, однимъ словомъ, въ оцѣнкѣ цѣлесообразности того или другого *способа* отклонить бернштейніанство, но нельзя не видѣть факта, что германская партія дважды *отклонила* бернштейніанство. Поэтому думать, что примѣръ нѣмцевъ подтверждаетъ тезисъ: „самые отъявленные бернштейніанцы стоятъ на почвѣ классовой борьбы пролетаріата за его экономическое и политическое освобожденіе“ значитъ совершенно не понимать происходящаго у всѣхъ передъ глазами.*)

Мало того. „Раб. Дѣло“ выступаетъ, какъ мы уже замѣтили, передъ *русской* соціаль-демократіей съ требованіемъ „свободы критики“ и съ защитой бернштейніанства. Очевидно, ему пришлось убѣдиться въ томъ, что у насъ несправедливо обижали нашихъ „критиковъ“ и бернштейніанцевъ. Какихъ

*) Надо замѣтить, что по вопросу о бернштейніанствѣ въ германской партіи Р. Дѣло всегда ограничивалось голымъ пересказомъ фактовъ съ полнымъ „воздержаніемъ“ отъ собственной оцѣнки ихъ. См., напр., № 2—3, стр. 66 — о Штутгартскомъ съѣздѣ; всѣ разногласія сведены къ „тактикѣ“ и констатируется лишь, что огромное большинство вѣрно прежней революціонной тактикѣ. Или № 4—5, стр. 25 и слѣд. — простой пересказъ рѣчей на Ганноверскомъ съѣздѣ съ приведеніемъ резолюціи Бебеля; изложеніе и критика Бернштейна отложены опять (какъ и въ № 2—3) до „особой статьи“. Курьезно, что на стр. 33 въ № 4—5 читаемъ: ...„взгляды, изложенные Бебелемъ, имѣютъ за себя огромное большинство съѣзда“, а нѣсколько ниже: ...„Давидъ защищалъ взгляды Бернштейна... Раньше всего онъ старался показать, что ... Бернштейнъ и его друзья все же (sic!) стоятъ на почвѣ классовой борьбы“... Это писалось въ декабрѣ 1899 г., а въ сентябрѣ 1901 г. Р. Дѣло, должно быть, уже разувѣрилось въ правотѣ Бебеля и повторяетъ взглядъ Давида какъ свой собственный!

же именно? кто? гдѣ? когда? въ чемъ именно состояла несправедливость? — Объ этомъ „Р. Дѣло“ молчитъ, не упоминая не единаго раза ни объ одномъ русскомъ критикѣ и бернштейніанцѣ! Намъ остается только сдѣлать одно изъ двухъ возможныхъ предположеній. *Или* несправедливо обиженной стороной является никто иной, какъ само „Р. Дѣло“ (это подтверждается тѣмъ, что въ обѣихъ статьяхъ десятаго номера рѣчь идетъ только объ обидахъ, нанесенныхъ Зарей и Искрой „Р. Дѣлу“). Тогда чѣмъ объяснить такую странность, что „Р. Дѣло“, столь упорно отрекавшееся всегда отъ всякой солидарности съ бернштейніанствомъ, не могло защитить себя, не замолвивъ словечко за „самыхъ отъявленныхъ бернштейніанцевъ“ и за свободу критики? *Или* несправедливо обижены какія-то третьи лица. Тогда каковы могутъ быть мотивы умолчанія о нихъ?

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „Р. Дѣло“ продолжаетъ ту игру въ прятки, которой оно занималось (какъ мы покажемъ ниже) съ самаго своего возникновенія. А затѣмъ обратите вниманіе на это *первое* фактическое примѣненіе хваленой „свободы критики“. На дѣлѣ она сейчасъ же свелась не только къ отсутствію всякой критики, но и къ отсутствію самостоятельнаго сужденія вообще. То самое Р. Дѣло, которое умалчиваетъ точно о секретной болѣзни (по мѣткому выраженію Старовѣра) о русскомъ бернштейніанствѣ, предлагаетъ для лѣченія этой болѣзни *просто на просто списать* послѣдній нѣмецкій рецептъ противъ нѣмецкой разновидности болѣзни! Вмѣсто свободы критики — рабская, ... хуже: обезьянья подражательность! Одинаковое соціально-политическое содержаніе современнаго интернаціональнаго оппортюнизма проявляется въ тѣхъ или иныхъ разновидностяхъ, сообразно національнымъ особенностямъ. Въ одной странѣ группа оппортюнистовъ выступала издавна подъ особымъ флагомъ, въ другой оппортюнисты пренебрегали теоріей, ведя практически политику радикаловъ-соціалистовъ, въ третьей — нѣсколько членовъ революціонной партіи перебѣжали въ лагерь оппортюнизма и стараются добиться своихъ цѣлей не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а постепеннымъ, незамѣтнымъ и, если можно такъ выразиться, ненаказуемымъ развращеніемъ своей партіи, въ четвертой — такіе же перебѣжчики употребляютъ тѣ же пріемы въ потемкахъ политическаго рабства и при совершенно оригинальномъ взаимо-отношеніи „легальной“ и „нелегальной“ дѣятельности и проч. Браться же говорить о свободѣ критики и бернштейніанства, какъ условіи объединенія *русскихъ* соціаль-демократовъ, и при этомъ не давать разбора того, въ чемъ именно проявилось и какіе особенные плоды принесло *русское* бернштейніанство, — это значитъ браться говорить для того, чтобы ничего не сказать.

Попробуемъ же мы сами сказать, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, то, чего не пожелало сказать (или, можетъ быть, не сумѣло и понять) Р. Дѣло.

в) Критика въ Россіи.

Основная особенность Россіи въ разсматриваемомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что уже *самое начало* стихійнаго рабочаго движенія, съ одной стороны, и поворота передового общественнаго мнѣнія къ марксизму, съ другой, ознаменовалось соединеніемъ завѣдомо разнородныхъ элементовъ подъ общимъ флагомъ и для борьбы съ общимъ противникомъ (устарѣлымъ соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ). Мы говоримъ о медовомъ мѣсяцѣ „легальнаго марксизма". Это было вообще чрезвычайно оригинальное явленіе, въ самую возможность котораго не могъ бы даже повѣрить никто въ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ. Въ странѣ самодержавной, съ полнымъ порабощеніемъ печати, въ эпоху отчаянной политической реакціи, преслѣдовавшей самомалѣйшіе ростки политическаго недовольства и протеста, — внезапно пробиваетъ себѣ дорогу въ *подцензурную* литературу теорія революціоннаго марксизма, излагаемая эзоповскимъ, но для всѣхъ „интересующихся" понятнымъ языкомъ. Правительство привыкло считать опасной только теорію (революціоннаго) народовольчества, не замѣчая, какъ водится, ея внутренней эволюціи, радуясь *всякой* направленной противъ нея критикѣ. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловѣсная армія цензоровъ и жандармовъ разыскала новаго врага и обрушилась на него, — до тѣхъ поръ прошло немало (на нашъ русскій счетъ) времени. А въ это время выходили одна за другой марксистскія книги, открывались марксистскіе журналы и газеты, марксистами становились повально всѣ, марксистамъ льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходкимъ сбытомъ марксистскихъ книгъ. Вполнѣ понятно, что среди окруженныхъ этимъ чадомъ начинающихъ марксистовъ оказался не одинъ „писатель, который зазнался"...

Въ настоящее время объ этой полосѣ можно говорить спокойно, какъ о прошломъ. Ни для кого не тайна, что кратковременное процвѣтаніе марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзомъ людей крайнихъ съ людьми весьма умѣренными. Въ сущности, эти послѣдніе были буржуазными демократами, и этотъ выводъ (до очевидности подкрѣпленный ихъ дальнѣйшимъ „критическимъ" развитіемъ) напрашивался кое передъ кѣмъ еще во времена цѣлости „союза".

Но если такъ, то не падаетъ-ли наибольшая отвѣтственность за послѣдующую „смуту" именно на революціонныхъ соціаль-демократовъ, которые вошли въ этотъ союзъ съ будущими „критиками"? Такой вопросъ, вмѣстѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ на него, приходится слышать иногда отъ людей, черезчуръ прямолинейно смотрящихъ на дѣло. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временныхъ союзовъ хотя бы и съ ненадежными людьми можетъ только тотъ, кто самъ на себя не надѣется, и ни одна политическая партія безъ такихъ союзовъ не могла бы существовать. А соединеніе съ легальными марксистами было своего рода первымъ дѣйствительно политическимъ союзомъ русской соціаль-демократіи. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая побѣда надъ народничествомъ и громадное распространеніе вширь идей марксизма (хотя и въ вульгаризированномъ видѣ). Притомъ союзъ заключенъ былъ не совсѣмъ безъ всякихъ „условій". Доказательство: сожженный въ 1895 г. цензурой марксистскій сборникъ „Матеріалы къ вопросу о хозяйственномъ развитіи Россіи". Если литературное соглашеніе съ легальными марксистами можно сравнить съ политическимъ союзомъ, то эту книгу можно сравнить съ политическимъ договоромъ.

Разрывъ вызванъ былъ, конечно, не тѣмъ, что „союзники" оказались буржуазными демократами. Напротивъ, представители этого послѣдняго направленія — естественные и желательные союзники соціаль-демократіи, поскольку дѣло идетъ о ея демократическихъ задачахъ, выдвигаемыхъ на первый планъ современнымъ положеніемъ Россіи. Но необходимымъ условіемъ такого союза является полная возможность для соціалистовъ раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересовъ и интересовъ буржуазіи. А то бернштейніанство и „критическое" направленіе, къ которому повально обратилось большинство легальныхъ марксистовъ, отнимало эту возможность и развращало соціалистическое сознаніе, опошляя марксизмъ, проповѣдуя теорію притупленія соціальныхъ противорѣчій, объявляя нелѣпостью идею соціальной революціи и диктатуры пролетаріата, сводя рабочее движеніе и классовую борьбу къ узкому трэдъ-юніонизму и „реалистической" борьбѣ за мелкія, постепенныя реформы. Это вполнѣ равносильно было отрицанію со стороны буржуазной демократіи права на самостоятельность соціализма, а, слѣдовательно, и права на его существованіе, это означало на практикѣ стремленіе превратить начинающееся рабочее движеніе въ хвостъ либераловъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ разрывъ былъ необходимъ. Но „оригинальная" особенность Россіи сказалась въ томъ, что этотъ разрывъ означалъ простое удаленіе соціаль-демократовъ изъ наиболѣе всѣмъ доступной и широко распространенной „легальной" литературы. Въ ней укрѣпились „бывшіе марксисты", ставшіе „подъ знакъ критики" и получившіе почти что монополію на „разносъ" марксизма. Клики: „противъ ортодоксіи" и „да здравствуетъ свобода

критики“ (повторяемые теперь Р. Дѣломъ) сдѣлались сразу модными словечками, и что противъ этой моды не устояли и цензора съ жандармами, это видно изъ такихъ фактовъ, какъ по явленіе *трехъ* русскихъ изданій книги знаменитаго (геростратовски знаменитаго) Бернштейна или какъ рекомендація Зубатовымъ книгъ Бернштейна, г. Прокоповича и проч. (Искра, № 10). На соціаль-демократовъ легла теперь трудная сама по себѣ, и невѣроятно затрудненная еще чисто внѣшними препятствіями, задача борьбы съ новымъ теченіемъ. А это теченіе не ограничилось областью литературы. Поворотъ къ „критикѣ“ сопровождался встрѣчнымъ влеченіемъ практиковъ-соціаль-демократовъ къ „экономизму“.

Какъ возникала и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегальнаго экономизма, этотъ интересный вопросъ могъ бы послужить предметомъ особой статьи. Намъ достаточно отмѣтить здѣсь несомнѣнное существованіе этой связи. Пресловутое „credo“ потому и пріобрѣло такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцію „экономизма“: рабочіе пусть ведутъ экономическую борьбу (точнѣе было бы сказать: трэдъ-юніонистскую борьбу, ибо послѣдняя объемлетъ и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенція пусть сливается съ либералами для „борьбы“ политической. Трэдъ-юніонистская работа „въ народѣ“ оказывалась исполненіемъ первой, — легальная критика второй половины этой задачи. Это заявленіе было такимъ прекраснымъ оружіемъ противъ экономизма, что если бы не было „credo“ — его стоило бы выдумать.

„Credo“ не было выдумано, но оно было опубликовано помимо воли и, можетъ быть, даже противъ воли его авторовъ. По крайней мѣрѣ, пишущему эти строки, который принималъ участіе въ извлеченіи на свѣтъ божій новой „программы“, приходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме ихъ взглядовъ было распространено въ копіяхъ, получило ярлыкъ „credo“ и попало даже въ печать вмѣстѣ съ протестомъ! Мы касаемся этого эпизода, потому что онъ вскрываетъ очень любопытную черту нашего экономизма: боязнь гласности. Это именно черта экономизма вообще, а не однихъ только авторовъ „credo“: ее проявляли и Р. Мысль, самый прямой и самый честный сторонникъ экономизма, и Р. Дѣло (возмущаясь опубликованіемъ экономическихъ документовъ въ Vademecum'ѣ), и Кіевскій Комитетъ, не пожелавшій года два тому назадъ дать разрѣшеніе на опубликованіе своего profession de foi вмѣстѣ съ написаннымъ противъ него опроверженіемъ,*) и многіе, многіе отдѣльные представители экономизма.

*) Насколько намъ извѣстно, составъ Кіевскаго Комитета съ тѣхъ поръ измѣнился.

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не можетъ быть объяснена однимъ лукавствомъ (хотя кое-когда, несомнѣнно, не обходится и безъ лукавства: неразсчетливо открывать для натиска противниковъ неокрѣпшіе еще ростки новаго направленія!). Нѣтъ, большинство экономистовъ совершенно искренно смотритъ (и по самому существу экономизма, должны смотрѣть) съ недоброжелательствомъ на всякія теоретическіе споры, фракціонныя разногласія, широкіе политическіе вопросы, проекты съорганизовывать революціонеровъ и т. п. „Сдать бы все это заграницу!“ — сказалъ мнѣ однажды одинъ изъ довольно послѣдовательныхъ экономистовъ, и онъ выразилъ этимъ очень распространенное (и опять таки чисто трэдъ-юніонистское) воззрѣніе: наше дѣло — рабочее движеніе, рабочія организаціи здѣсь, въ нашей мѣстности, а остальное — выдумки доктринеровъ, „переоцѣнка идеологіи“, какъ выразились авторы письма въ № 12 „Искры“ въ унисонъ съ № 10 „Р. Дѣла“.

Спрашивается теперь: въ виду такихъ особенностей русской „критики“ и русскаго бернштейніанства въ чемъ должна была бы состоять задача тѣхъ, кто на дѣлѣ, а не на словахъ только, хотѣлъ быть противникомъ оппортюнизма? Во-первыхъ, надо было позаботиться о возобновленіи той теоретической работы, которая только-только была начата эпохой легальнаго марксизма и которая падала теперь опять на нелегальныхъ дѣятелей; безъ такой работы невозможенъ былъ успѣшный ростъ движенія. Во-вторыхъ, необходимо было активно выступить на борьбу съ легальной „критикой“, вносившій сугубый развратъ въ умы. Въ третьихъ, надо было активно выступить противъ разброда и шатанія въ практическомъ движеніи, разоблачая и опровергая всякія попытки сознательно или безсознательно принижать нашу программу и нашу тактику.

Что Р. Дѣло не дѣлало ни того ни другого ни третьяго, это извѣстно, и ниже намъ придется подробно выяснять эту извѣстную истину съ самыхъ различныхъ сторонъ. Теперь же мы хотимъ только показать, въ какомъ вопіющемъ противорѣчіи находится требованіе „свободы критики“ съ особенностями нашей отечественной критики и русскаго экономизма. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на текстъ той резолюціи, которой „союзъ р. с. д. заграницей“ подтвердилъ точку зрѣнія Р. Дѣла:

> „Въ интересахъ дальнѣйшаго идейнаго развитія соціаль-демократіи мы признаемъ свободу критики соціаль-демократической теоріи въ партійной литературѣ безусловно необходимой, поскольку критика не идетъ въ разрѣзъ съ классовымъ и революціоннымъ характеромъ этой теоріи“ („Два съѣзда“, стр. 10).

И мотивировка: резолюція „въ первой своей части совпадаетъ съ резолюціей любекскаго партейтага по поводу Берн-

штейна“... Въ простотѣ душевной, „союзники“ и не замѣчаютъ, какое testimonium paupertatis (свидѣтельство о бѣдности) подписываютъ они себѣ этимъ копированіемъ!.... „но... во второй части болѣе тѣсно ограничиваетъ свободу критики, чѣмъ это сдѣлалъ любекскій партейтагъ“.

Итакъ, резолюція „Союза“ направлена противъ русскихъ бернштейніанцевъ? Иначе было бы полнымъ абсурдомъ ссылаться на Любекъ! Но это невѣрно, что она „тѣснѣе ограничиваетъ свободу критики“. Нѣмцы своей ганноверской резолюціей отклонили пунктъ за пунктомъ *именно тѣ* поправки, которыя дѣлалъ Бернштейнъ, а любекской — объявили предостереженіе *Бернштейну лично*, назвавъ его въ резолюціи. Между тѣмъ наши „свободные“ подражатели *ни единымъ звукомъ* не намекаютъ *ни на одно* проявленіе спеціально русской „критики“ и русскаго экономизма; при этомъ умолчаніи голая ссылка на классовый и революціонный характеръ теоріи оставляетъ гораздо больше простора лжетолкованіямъ, особенно если „Союзъ“ отказывается отнести къ оппортюнизму „такъ называемый экономизмъ“ („Два съѣзда“, стр. 8, къ п. I). Это однако мимоходомъ. Главное же то, что позиціи оппортюнистовъ по отношенію къ революціоннымъ соціаль-демократамъ діаметрально противоположны въ Германіи и въ Россіи. Въ Германіи революціонные соціаль-демократы стоятъ, какъ извѣстно, за сохраненіе того, что̀ есть: за старую программу и тактику, всѣмъ извѣстную и опытомъ многихъ десятилѣтій разъясненную во всѣхъ деталяхъ. „Критики“ же хотятъ внести измѣненія, и такъ какъ этихъ критиковъ ничтожное меньшинство, а ревизіонистскія стремленія ихъ очень робки, то можно понять мотивы, по которымъ большинство ограничивается сухимъ отклоненіемъ „новшества“. У насъ же въ Россіи критики и экономисты стоятъ за сохраненія того, что̀ есть: „критики“ хотятъ, чтобы ихъ продолжали считать марксистами и обезпечили имъ ту „свободу критики“, которой они во всѣхъ смыслахъ пользовались (ибо никакой *партійной* связи они, въ сущности, никогда не признавали,*) да и не было у насъ такого обще-

*) Уже одно это отсутствіе открытой партійной связи и партійной традиціи составляетъ такое кардинальное отличіе Россіи отъ Германіи, которое должно бы было предостеречь всякаго разумнаго соціалиста отъ слѣпого подражанія. А вотъ образецъ того, до чего доходитъ „свобода критики“въ Россіи. Русскій критикъ, г. Булгаковъ, дѣлаетъ такой выговоръ австрійскому критику, Герцу: „При всей независимости своихъ выводовъ, Герцъ въ этомъ пунктѣ (о кооперація хъ), повидимому, всетаки остается слишкомъ связанъ мнѣніями своей партіи, и, расходясь въ подробностяхъ, не рѣшается разстаться съ общимъ принципомъ“ („Капитализмъ и земледѣліе“, т. II, стр. 287). Подданный порабощеннаго политически государства, въ которомъ 999/1000 населенія до мозга костей развращены политическимъ холопствомъ и полнымъ непониманіемъ партійной чести и партійной связи, — высокомѣрно выговариваетъ гражданину конституціоннаго государства за чрезмѣрную „связанность мнѣніями партіи“!

признаннаго партійнаго органа, который могъ бы „ограничить“ свободу критики хотя бы совѣтомъ); экономисты хотятъ, чтобы революціонеры признавали „полноправность движенія въ настоящемъ“ (Р. Д. № 10, стр. 25) т. е. „законность“ существованія того, что̀ существуетъ; чтобы „идеологи“ не пытались „совлечь“ движеніе съ того пути, который „опредѣляется взаимодѣйствіемъ матеріальныхъ элементовъ и матеріальной среды“ („письмо“ въ № 12 Искры); чтобы признали желательнымъ вести ту борьбу, „какую только возможно вести рабочимъ при данныхъ обстоятельствахъ“, а возможной признали ту борьбу, „которую они ведутъ въ дѣйствительности въ данную минуту“ (Отд. Прил. къ Р. Мысли, стр. 14). Наоборотъ, мы, революціонные соціаль-демократы, недовольны этимъ преклоненіемъ предъ стихійностью т. е. передъ тѣмъ, что̀ есть „въ данную минуту“; мы требуемъ измѣненія господствующей въ послѣдніе годы тактики, мы заявляемъ, что „прежде чѣмъ объединяться и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала рѣшительно и опредѣленно размежеваться“ (изъ объявленія объ изданіи „Искры“). Однимъ словомъ, нѣмцы остаются при данномъ, отклоняя измѣненія; мы требуемъ измѣненія даннаго, отвергая преклоненіе предъ этимъ даннымъ и примиреніе съ нимъ.

Этой „маленькой“ разницы и не замѣтили наши „свободные“ копировальщики нѣмецкихъ резолюцій!

г) Энгельсъ о значеніи теоретической борьбы.

„Догматизмъ, доктринерство“, „окостенѣніе партіи — неизбѣжное наказаніе за насильственное зашнуровываніе мысли“, — таковы тѣ враги, противъ которыхъ рыцарски ополчаются поборники „свободы критики“ въ Раб. Дѣлѣ. — Мы очень рады постановкѣ на очередь этого вопроса и предложили бы только дополнить его другимъ вопросомъ:

А судьи кто?

Передъ нами два объявленія о литературномъ издательствѣ. Одно — „программа періодическаго органа союза рус. с.-д. Раб. Дѣло“ (оттискъ изъ № 1 Р. Д.). Другое — „объявленіе о возобновленіи изданій Группы Освобожденіе Труда“. Оба помѣчены 1899-ымъ годомъ, когда „кризисъ марксизма“ давно уже стоялъ на очереди дня. И что же? Въ первомъ произведеніи вы напрасно стали бы искать указанія на это явленіе и опредѣленнаго изложенія той позиціи, которую намѣренъ занять по этому вопросу новый органъ. О теоретической работѣ и ея насущныхъ задачахъ въ данное время — ни слова ни въ этой программѣ, ни въ тѣхъ дополненіяхъ къ ней, которыя принялъ третій съѣздъ Союза 1901 года

Только и остается нелегальнымъ организаціямъ нашимъ, какъ приняться за составленіе резолюцій о свободѣ критики....

(„Два съѣзда“, стр. 15—18). За все это время редакція Р. Дѣла оставляла въ сторонѣ теоретическіе вопросы, несмотря на то, что они волновали всѣхъ соціаль-демократовъ всего міра.

Другое объявленіе, наоборотъ, прежде всего указываетъ на ослабленіе въ послѣдніе годы интереса къ теоріи, настоятельно требуетъ „зоркаго вниманія къ теоретической сторонѣ революціоннаго движенія пролетаріата“, и призываетъ къ „безпощадной критикѣ бернштейновскихъ и другихъ антиреволюціонныхъ тенденцій“ въ нашемъ движеніи. Вышедшіе номера „Зари“ показываютъ, какъ выполнялась эта программа.

Итакъ, мы видимъ, что громкія фразы противъ окостенѣнія мысли и проч. прикрываютъ собой беззаботность и безпомощность въ развитіи теоретической мысли. Примѣръ русскихъ соціаль-демократовъ особенно наглядно иллюстрируетъ то общеевропейское явленіе (давно уже отмѣченное и нѣмецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означаетъ не замѣну одной теоріи другою, а свободу отъ всякой цѣлостной и продуманной теоріи, означаетъ эклектизмъ и безпринципность. Кто сколько-нибудь знакомъ съ фактическимъ состояніемъ нашего движенія, тотъ не можетъ не видѣть, что широкое распространеніе марксизма сопровождалось нѣкоторымъ приниженіемъ теоретическаго уровня. Къ движенію, ради его практическаго значенія и практическихъ успѣховъ, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленныхъ теоретически. Можно судить поэтому, какое отсутствіе такта проявляетъ Раб. Дѣло, когда выдвигаетъ съ побѣдоноснымъ видомъ изреченіе Маркса: „каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины программъ“. Повторять эти слова въ эпоху теоретическаго разброда, это все равно что кричать „таскать вамъ не перетаскать!“ при видѣ похоронной процессіи. Да и взяты эти слова Маркса изъ его письма о готской программѣ, въ которомъ онъ *рѣзко порицаетъ* допущенный эклектизмъ въ формулировкѣ принциповъ: если уже надо было соединяться, — писалъ Марксъ вожакамъ партіи, — то заключайте договоры, ради удовлетворенія практическихъ цѣлей движенія, но не допускайте торгашества принципами, не дѣлайте теоретическихъ „уступокъ“. Вотъ какова была мысль Маркса, а у насъ находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значеніе теоріи!

Безъ революціонной теоріи не можетъ быть и революціоннаго движенія. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли въ такое время, когда съ модной проповѣдью оппортюнизма обнимается увлеченіе самыми узкими формами практической дѣятельности. А для русской соціаль-демократіи значеніе теоріи усиливается еще тремя обстоятельствами, о которыхъ часто забываютъ, именно: во-первыхъ, тѣмъ, что наша партія только еще складывается, только еще вырабатываетъ свою физіономію и далеко еще не закончила счетовъ съ другими

направленіями революціонной мысли, грозящими совлечь движеніе съ правильнаго пути. Напротивъ, именно самое послѣднее время ознаменовалось (какъ давно уже предсказывалъ экономистамъ Аксельродъ) оживленіемъ несоціаль-демократическихъ революціонныхъ направленій. При такихъ условіяхъ „неважная“ на первый взглядъ ошибка можетъ вызвать самыя печальныя послѣдствія, и только близорукіе люди могутъ находить несвоевременными или излишними фракціонные споры и строгое различеніе оттѣнковъ. Отъ упроченія того или другого „оттѣнка“ можетъ зависѣть будущее русской соціаль-демократіи на много и много лѣтъ.

Во-вторыхъ, соціаль-демократическое движеніе международно, по самому своему существу. Это означаетъ не только то, что мы должны бороться съ національнымъ шовинизмомъ. Это означаетъ также, что начинающееся въ молодой странѣ движеніе можетъ быть успѣшно лишь при условіи претворенія имъ опыта другихъ странъ. А для такого претворенія недостаточно простого знакомства съ этомъ опытомъ или простого переписыванія послѣднихъ резолюцій. Для этого необходимо умѣнье критически относиться къ этому опыту и самостоятельно провѣрять его. Кто только представитъ себѣ, какъ гигантски разрослось и развѣтвилось современное рабочее движеніе, тотъ пойметъ, какой запасъ теретическихъ силъ и политическаго (а также революціоннаго) опыта необходимъ для выполненія этой задачи.

Въ-третьихъ, національныя задачи русской соціаль-демократіи таковы, какихъ не было еще ни передъ одной соціалистической партіей въ мірѣ. Намъ придется ниже говорить о тѣхъ политическихъ и организаціонныхъ обязанностяхъ, которыя возлагаетъ на насъ эта задача освобожденія всего народа отъ ига самодержавія. Теперь же мы хотимъ лишь указать, что роль передового борца можетъ выполнить только партія, руководимая передовой теоріей. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себѣ, что́ это означаетъ, пусть читатель вспомнитъ о такихъ предшественникахъ русской соціаль-демократіи, какъ Герценъ, Бѣлинскій, Чернышевскій и блестящая плеяда революціонеровъ 70-хъ годовъ; пусть подумаетъ о томъ всемірномъ значеніи, которое пріобрѣтаетъ теперь русская литература; пусть . . . да довольно и этого!

Приведемъ замѣчанія Энгельса по вопросу о значеніи теоріи въ соціаль-демократическомъ движеніи, относящіяся къ 1874 году. Энгельсъ признаетъ *не двѣ* формы великой борьбы соціаль-демократіи (политическую и экономическую), — какъ это принято дѣлать у насъ, — *а три, ставя наряду съ ними и теоретическую борьбу.* Его напутствіе практически и политически окрѣпшему нѣмецкому рабочему движенію такъ поучительно съ точки зрѣнія современныхъ вопросовъ и споровъ, что читатель не посѣтуетъ на насъ, надѣемся, за

длинную выпуску изъ предисловія къ брошюрѣ „Der deutsche Bauernkrieg",*) которая давно уже стала величайшей библіографической рѣдкостью:

„Нѣмецкіе рабочіе имѣютъ два существенныхъ преимущества предъ рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежатъ къ наиболѣе теоретическому народу Европы и что они сохранили въ себѣ тотъ теоретическій смыслъ, который почти совершенно утраченъ такъ называемыми „образованными" классами въ Германіи. Безъ предшествующей ему нѣмецкой философіи, въ особенности философіи Гегеля, никогда не создался бы нѣмецкій научный соціализмъ, — единственный научный соціализмъ, который когда либо существовалъ. Безъ теоретическаго смысла у рабочихъ этотъ научный соціализмъ никогда не вошелъ бы до такой степени въ ихъ плоть и кровь, какъ это мы видимъ теперь. А какъ необъятно велико это преимущество, это показываетъ, съ одной стороны, то равнодушіе ко всякой теоріи, которое является одной изъ главныхъ причинъ того, почему англійское рабочее движеніе такъ медленно двигается впередъ несмотря на великолѣпную организацію отдѣльныхъ ремеслъ, — а съ другой стороны, это показываетъ та смута и тѣ шатанія, которыя посѣялъ прудонизмъ, въ его первоначальной формѣ у французовъ и бельгійцевъ, въ его каррикатурной, Бакунинымъ приданной, формѣ — у испанцевъ и итальянцевъ.

„Второе преимущество состоитъ въ томъ, что нѣмцы приняли участіе въ рабочемъ движеніи почти что позже всѣхъ. Какъ нѣмецкій теоретическій соціализмъ никогда не забудетъ, что онъ стоитъ на плечахъ Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трехъ мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизмъ ихъ ученій, принадлежатъ къ величайшимъ умамъ всѣхъ временъ и которые геніально предвосхитили безчисленное множество такихъ истинъ, правильность которыхъ мы доказываемъ теперь научно, — такъ нѣмецкое практическое рабочее движеніе не должно никогда забывать, что оно развилось на плечахъ англійскаго и французскаго движенія, что оно имѣло возможность просто обратить себѣ на пользу ихъ дорого купленный опытъ, избѣжать теперь ихъ ошибокъ, которыхъ тогда въ большинствѣ случаевъ нельзя было избѣжать. Гдѣ были бы мы теперь безъ образца англійскихъ трэдъ-юніоновъ и французской политической борьбы рабочихъ, безъ того колоссальнаго толчка, который дала въ особенности парижская коммуна?

„Надо отдать справедливость нѣмецкимъ рабочимъ, что они съ рѣдкимъ умѣньемъ воспользовались выгодами своего положенія. Впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ рабочее

*) Dritter Abdruck. Leipzig 1875. Verlag der Genossenschaftsbuchdruckerei.

движеніе, борьба ведется планомѣрно во всѣхъ трехъ ея направленіяхъ, согласованныхъ и связанныхъ между собой: въ теоретическомъ, политическомъ и практически-экономическомъ (сопротивленіе капиталистамъ). Въ этомъ, такъ сказать, концентрическомъ нападеніи и заключается сила и непобѣдимость нѣмецкаго движенія.

„Съ одной стороны, вслѣдствіе этого выгоднаго ихъ положенія, съ другой стороны вслѣдствіе островныхъ особенностей англійскаго движенія и насильственнаго подавленія французскаго, нѣмецкіе рабочіе поставлены въ данный моментъ во главѣ пролетарской борьбы. Какъ долго событія позволятъ имъ занимать этотъ почетный постъ, этого нельзя предсказать. Но покуда они будутъ занимать его, они исполнятъ, надо надѣяться, какъ подобаетъ, возлагаемыя имъ на нихъ обязанности. Для этого требуется удвоенное напряженіе силъ во всѣхъ областяхъ борьбы и агитаціи. Въ особенности обязанность вождей будетъ состоять въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе просвѣщать себя по всѣмъ теоретическимъ вопросамъ, все болѣе и болѣе освобождаться отъ вліянія традиціонныхъ, принадлежащихъ старому міросозерцанію фразъ, и всегда имѣть въ виду, что соціализмъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ наукой, требуетъ, чтобы съ нимъ и обращались какъ съ наукой т. е. чтобы его изучали. Пріобрѣтенное такимъ образомъ, все болѣе проясняющееся сознаніе необходимо распространять среди рабочихъ массъ съ все большимъ усердіемъ и все крѣпче сплачивать организацію партіи и организацію профессіональныхъ союзовъ. . . .

. . . „Если нѣмецкіе рабочіе будутъ такъ же идти впередъ, то они будутъ — не то что маршировать во главѣ движенія — это вовсе не въ интересахъ движенія, чтобы рабочіе одной какой либо націи маршировали во главѣ его — но будутъ занимать почетное мѣсто въ линіи борцовъ; и они будутъ стоять во всеоружіи, если неожиданно тяжелыя испытанія или великія событія потребуютъ отъ нихъ болѣе высокаго мужества, болѣе высокой рѣшимости и энергіи."

Слова Энгельса оказались пророческими. Черезъ нѣсколько лѣтъ нѣмецкихъ рабочихъ постигли неожиданно тяжелыя испытанія въ видѣ исключительнаго закона о соціалистахъ. И нѣмецкіе рабочіе дѣйствительно встрѣтили ихъ во всеоружіи и сумѣли побѣдоносно выйти изъ нихъ.

Русскому пролетаріату предстоятъ испытанія еще неизмѣримо болѣе тяжкія, предстоитъ борьба съ чудовищемъ, по сравненію съ которымъ исключительный законъ въ конституціонной странѣ кажется настоящимъ пигмеемъ. Исторія поставила теперь передъ нами ближайшую задачу, которая является *наиболѣе революціонной* изъ всѣхъ *ближайшихъ* задачъ пролетаріата какой бы то ни было другой страны. Осуществленіе этой задачи, разрушеніе самаго могучаго оплота

не только европейской, но также (можемъ мы сказать теперь) и азіатской реакціи сдѣлало бы русскій пролетаріатъ авангардомъ международнаго революціоннаго пролетаріата. И мы вправѣ разсчитывать, что добьемся этого почетнаго званія, заслуженнаго уже нашими предшественниками, революціонерами 70-хъ годовъ, если мы сумѣемъ воодушевить наше въ тысячу разъ болѣе широкое и глубокое движеніе такой же беззавѣтной рѣшимостью и энергіей.

II.

Стихійность массъ и сознательность соціаль-демократіи.

Мы сказали, что наше движеніе, гораздо болѣе широкое и глубокое, чѣмъ движеніе 70-хъ годовъ, необходимо воодушевить такою же, какъ тогда, беззавѣтной рѣшимостью и энергіей. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ, кажется, еще никто не сомнѣвался въ томъ, что сила современнаго движенія — пробужденіе массъ (и, главнымъ образомъ, промышленнаго пролетаріата), а слабость его — недостатокъ сознательности и иниціативности руководителей-революціонеровъ.

Однако въ самое послѣднее время сдѣлано съ-ногъсшибательное открытіе, грозящее перевернуть всѣ господствовавшіе до сихъ поръ взгляды по данному вопросу. Это открытіе сдѣлано „Р. Дѣломъ“, которое, полемизируя съ Искрой и Зарей, не ограничилось одними частными возраженіями, а попыталось свести „общее разногласіе“ къ болѣе глубокому корню — къ „различной оцѣнкѣ *сравнительнаго* значенія стихійнаго и сознательно-‚планомѣрнаго‘ элемента“. Обвинительный тезисъ „Рабоч. Дѣла“ гласитъ: *„преуменьшеніе значенія объективнаго или стихійнаго элемента развитія“*.*) Мы скажемъ на это: если бы полемика Искры и Зари не дала даже ровно никакихъ другихъ результатовъ кромѣ того, что побудила Р. Дѣло додуматься до этого „общаго разногласія“, то и одинъ этотъ результатъ далъ бы намъ большое удовлетвореніе: до такой степени многозначителенъ этотъ тезисъ, до такой степени ярко освѣщаетъ онъ всю суть современныхъ теоретическихъ и политическихъ разногласій между русскими соціаль-демократами.

Вотъ почему вопросъ объ отношеніи сознательности къ стихійности представляетъ громадный общій интересъ, и на этомъ вопросѣ слѣдуетъ остановиться со всей подробностью.

а) Начало стихійнаго подъема.

Мы отмѣтили въ предъидущей главѣ *повальное* увлеченіе теоріей марксизма русской образованной молодежи въ половинѣ 90-хъ годовъ. Такой же повальный характеръ приняли около того же времени рабочія стачки послѣ знаменитой пе-

*) Раб. Дѣло, № 10, сент. 1901 г., стр. 17 и 18. Курсивъ Раб. Дѣла.

тербургской промышленной войны 1896 года. Ихъ распространеніе по всей Россіи явно свидѣтельствовало о глубинѣ вновь поднимающагося народнаго движенія, и если уже говорить о „стихійномъ элементѣ“, то конечно именно это стачечное движеніе придется признать прежде всего стихійнымъ. Но вѣдь и стихійность стихійности — рознь. Стачки бывали въ Россіи и въ 70-хъ и въ 60-хъ годахъ (и даже въ первой половинѣ 19-го вѣка), сопровождаясь „стихійнымъ“ разрушеніемъ машинъ и т. п. По сравненію съ этими „бунтами“ стачки 90-хъ годовъ можно даже назвать „сознательными“ — до такой степени значителенъ тотъ шагъ впередъ, который сдѣлало за это время рабочее движеніе. Это показываетъ намъ, что „стихійный элементъ“ представляетъ изъ себя, въ сущности, не что иное какъ *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой нѣкоторое пробужденіе сознательности: рабочіе теряли исконную вѣру въ незыблемость давящихъ ихъ порядковъ, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективнаго отпора, и рѣшительно порывали съ рабской покорностью передъ начальствомъ. Но это было все же гораздо болѣе проявленіемъ отчаянія и мести, чѣмъ *борьбой*. Стачки 90-хъ гооовъ показываютъ намъ гораздо больше проблесковъ сознательности: выставляются опредѣленныя требованія, разсчитывается напередъ, какой моментъ удобнѣе, обсуждаются извѣстные случаи и примѣры въ другихъ мѣстахъ и т. д. Если бунты были возстаніемъ просто угнетенныхъ людей, то систематическія стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятыя сами по себѣ, эти стачки были борьбой трэдъ-юніонистской, но еще не социаль-демократической, онѣ знаменовали пробужденіе антагонизма рабочихъ и хозяевъ, но у рабочихъ не было, да и быть не могло сознанія непримиримой противоположности ихъ интересовъ всему современному политическому и общественному строю, то есть сознанія соціаль-демократическаго. Въ этомъ смыслѣ, стачки 90-хъ годовъ, несмотря на громадный прогрессъ по сравненію съ „бунтами“, оставались движеніемъ чисто-стихійнымъ.

Мы сказали, что соціаль-демократическаго сознанія у рабочихъ *и не могло быть*. Оно могло быть принесено только изъ-внѣ. Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонистское т. е. убѣжденіе въ необходимости объединяться въ союзы, вести борьбу съ хозяевами, добиваться отъ правительства изданія тѣхъ или иныхъ необходимыхъ для рабочихъ законовъ и т. п.*)

---

*) Трэдъ-юніонизмъ вовсе не исключаетъ всякую „политику“, какъ иногда думаютъ. Трэдъ-юніоны всегда вели извѣстную (но не соціаль-демократическую) политическую агитацію и борьбу. О различіи трэдъ-юніонистской и соціаль-демократической политики мы скажемъ въ слѣд. главѣ.

Ученіе же соціализма выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ, экономическихъ теорій, которыя разрабатывались образованными представителями имущихъ классовъ, интеллигенціей. Основатели современнаго научнаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, принадлежали и сами, по своему соціальному положенію, къ буржуазной интеллигенціи. Точно также и въ Россіи теоретическое ученіе соціаль-демократіи возникло совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія, возникло какъ естественный и неизбѣжный результатъ развитія мысли у революціонно-соціалистической интеллигенціи. Къ тому времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, т. е. къ половинѣ 90-хъ годовъ, это ученіе не только было уже вполнѣ сложившейся программой Группы Освобожденія Труда, но и завоевало на свою сторону большинство революціонной молодежи въ Россіи.

Такимъ образомъ на-лицо было и стихійное пробужденіе рабочихъ массъ, пробужденіе къ сознательной жизни и сознательной борьбѣ, и наличность вооруженной соціаль-демократическою теоріею революціонной молодежи, которая рвалась къ рабочимъ. При этомъ особенно важно установить тотъ часто забываемый (и сравнительно мало извѣстный) фактъ, что *первые* соціаль-демократы этого періода, *усердно занимаясь экономической агитаціей* — (и вполнѣ считаясь въ этомъ отношеніи съ дѣйствительно полезными указаніями тогда еще рукописной брошюры „Объ агитаціи“) — не только не считали ее единственной своей задачей, а напротивъ *съ самаго начала* выдвигали и самыя широкія историческія задачи русской соціаль-демократіи вообще и задачу ниспроверженія самодержавія въ особенности. Такъ, напримѣръ, той группой петербургскихъ соціаль-демократовъ, которая основала „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, былъ составленъ еще въ концѣ 1895-го года первый номеръ газеты подъ названіемъ „Рабочее Дѣло“. Вполнѣ готовый къ печати этотъ номеръ былъ схваченъ жандармами въ набѣгъ съ 8-го на 9-го декабря 1895 года у одного изъ членовъ группы, Анат. Алекс. Ванѣева,*) и „Раб. Дѣлу“ первой формаціи не суждено было увидѣть свѣта. Передовая статья этой газеты (которую, можетъ быть, лѣтъ черезъ 30 извлечетъ какая-нибудь „Русская Старина“ изъ архивовъ департамента полиціи) обрисовывала историческія задачи рабочаго класса въ Россіи и во главѣ этихъ задачъ ставила завоеваніе политической свободы. За-

---

*) А. А. Ванѣевъ скончался въ 1899 году въ Восточной Сибири отъ чахотки, которую онъ вынесъ изъ одиночнаго заключенія въ предварилкѣ. Поэтому мы и сочли возможнымъ опубликовать приводимыя въ текстѣ свѣдѣнія, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся, ибо они исходятъ отъ лицъ, непосредственно и ближайшимъ образомъ знавшихъ А. А. Ванѣева.

тѣмъ была статья „О чемъ думаютъ наши министры“, посвященная полицейскому разгрому Комитетовъ Грамотности, и рядъ корреспонденцій не только изъ Петербурга, но и изъ другихъ мѣстностей Россіи (напр., о побоищѣ рабочихъ въ Ярославской губ.). Такимъ образомъ этотъ, если не ошибаемся, „первый опытъ“ русскихъ соціаль-демократовъ 90-хъ годовъ представлялъ изъ себя газету не узко-мѣстнаго, тѣмъ болѣе не „экономическаго“ характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу съ революціоннымъ движеніемъ противъ самодержавія и привлечь къ поддержкѣ соціаль-демократіи всѣхъ угнетенныхъ политикой реакціоннаго мракобѣсія. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый съ состояніемъ движенія въ то время, не усомнится, что подобная газета встрѣтила бы полное сочувствіе и рабочихъ столицы и революціонной интеллигенціи и получила бы самое широкое распространеніе. Неуспѣхъ же предпріятія доказалъ лишь, что тогдашніе соціаль-демократы оказались не въ силахъ удовлетворить насущный запросъ момента вслѣдствіе недостатка у нихъ революціоннаго опыта и практической подготовленности. Тоже самое надо сказать и про „СПБ. Рабочій Листокъ“ и въ особенности про „Рабочую Газету“ и про „Манифестъ“ образованной весною 1898 года Росс. С. Д. Р. П. Само собою разумѣется, что намъ и въ голову не приходитъ ставить эту неподготовленность въ вину тогдашнимъ дѣятелямъ. Но для того, чтобы воспользоваться опытомъ движенія и извлечь изъ этого опыта практическіе уроки, необходимо дать себѣ полный отчетъ о причинахъ и значеніи того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (можетъ быть, даже большинство) дѣйствовавшихъ въ 1895—1898 г. соціаль-демократовъ вполнѣ справедливо считали возможнымъ тогда же, въ самомъ началѣ „стихійнаго“ движенія, выступать съ самой широкой программой и боевой тактикой.*) Неподготовленность же большинства революціонеровъ, будучи явленіемъ вполнѣ естественнымъ, никакихъ особенныхъ опасеній возбуждать не могла. Разъ постановка задачъ была правильная, разъ была энергія на повторныя попытки осуществить эти задачи,

*) „Отрицательно относясь къ дѣятельности с.-дем. конца 90-хъ годовъ, Искра игнорируетъ отсутствіе въ то время условій для иной работы, кромѣ борьбы за мелкія требованія“ — заявляютъ экономисты въ своемъ „письмѣ въ рус. с.-д. органы“ (Искра № 12). Приведенные въ текстѣ факты доказываютъ, что это утвержденіе объ „отсутствіи условій“ *діаметрально противоположно истинѣ.* Не только въ концѣ, но и въ половинѣ 90-хъ годовъ вполнѣ были на лицо всѣ условія для *иной* работы, кромѣ борьбы за мелкія требованія, всѣ условія кромѣ достаточной подготовки руководителей. И вотъ вмѣсто того, чтобы открыто признать этотъ недостатокъ подготовки со стороны насъ, идеологовъ, руководителей, — „экономисты“ хотятъ свалить все на „отсутствіе условій“, на вліяніе матеріальной среды, опредѣляющей путь, съ котораго не совлечь движенія никакимъ идеологамъ. Что это такое какъ не раболѣпство предъ стихійностью? какъ не влюбленность „идеологовъ“ въ свои недостатки?

— временныя неудачи представляли изъ себя полъ-бѣды. Революціонная опытность и организаторская ловкость — вещи наживныя. Была бы только охота вырабатывать въ себѣ требуемыя качества! Было бы только сознаніе недостатковъ, равносильное въ революціонномъ дѣлѣ больше чѣмъ половинѣ исправленія!

Но полъ-бѣды сдѣлалось настоящей бѣдой, когда это сознаніе стало меркнуть (а оно было очень живо у дѣятелей названныхъ выше группъ), когда появились люди, — и даже соціаль-демократическіе органы, — которые недостатокъ готовы были возвести въ добродѣтель, которые попытались даже *теоретически* обосновать свое *раболѣпство и преклоненіе предъ стихійностью.* Этому направленію, содержаніе котораго очень неточно характеризуется слишкомъ узкимъ для его выраженія понятіемъ „экономизма“, пора подвести итоги.

б) Преклоненіе предъ стихійностью. Рабочая Мысль.

Прежде чѣмъ переходить къ литературнымъ проявленіямъ этого преклоненія, отмѣтимъ слѣдующій характерный фактъ (сообщенный намъ изъ упомянутаго выше источника), который бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ въ средѣ дѣйствовавшихъ въ Петербургѣ товарищей возникала и росла рознь будущихъ двухъ направленій русской соціаль-демократіи. Въ началѣ 1897 года А. А. Ванѣеву и нѣкоторымъ изъ его товарищей пришлось участвовать, передъ отправкой ихъ въ ссылку, на одномъ частномъ собраніи, гдѣ сошлись „старые“ и „молодые“ члены „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. Бесѣда велась главнымъ образомъ объ организаціи и въ частности о томъ самомъ „уставѣ рабочей кассы“, который въ окончательномъ своемъ видѣ напечатанъ въ № 9—10 „Листка Работника“ (стр. 46). Между „стариками“ („декабристами“, какъ ихъ звали тогда въ шутку петербургскіе соціаль-демократы) и нѣкоторыми изъ „молодыхъ“ (принимавшими впослѣдствіи близкое участіе въ Раб. Мысли) сразу обнаружилось рѣзкое разногласіе и разгорѣлась горячая полемика. „Молодые“ защищали главныя основанія устава въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ. „Старики“ говорили, что намъ нужно прежде всего вовсе не это, а упроченіе „Союза борьбы“ въ организацію революціонеровъ, которой должны быть соподчинены различныя рабочія кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. под. Само собою разумѣется, что спорившіе далеки были отъ мысли видѣть въ этомъ разногласіи начало расхожденія, считая его, наоборотъ, единичнымъ и случайнымъ. Но этотъ фактъ показываетъ, что возникновеніе и распространеніе „экономизма“ шло и въ Россіи отнюдь не безъ борьбы съ „старыми“ соціаль-демократами (это часто забываютъ нынѣшніе экономисты). И если эта борьба не оставила, по большей части, „докумен-

тальныхъ“ слѣдовъ, то причина этого *единственно* та, что составъ работающихъ кружковъ мѣнялся невѣроятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласія не фиксировались никакими документами.

Возникновеніе „Раб. Мысли“ вывело экономизмъ на свѣтъ божій, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себѣ условія работы и кратковременность жизни массы русскихъ кружковъ (а конкретно представляетъ себѣ это только тотъ, кто это пережилъ), чтобы понять, какъ много случайнаго было въ успѣхѣ или неуспѣхѣ новаго направленія въ разныхъ городахъ и какъ долго ни сторонники, ни противники этого „новаго“ не могли, буквально-таки не имѣли никакой возможности опредѣлить, дѣйствительно ли это особое направленіе или просто выраженіе неподготовленности отдѣльныхъ лицъ. Напримѣръ, первые гектографированные номера „Раб. Мысли“ остались даже совершенно неизвѣстны громадному большинству соціаль-демократовъ, и если мы теперь можемъ ссылаться на передовицу перваго ея номера, то только благодаря перепечаткѣ ея въ статьѣ В. И—а („Листокъ Работника“, № 9—10, стр. 47 и сл.), который не преминулъ, разумѣется, усердно — не по разуму усердно — расхвалить новую газету, столь рѣзко отличавшуюся отъ названныхъ нами выше газетъ и проектовъ газетъ.*) А на передовицѣ этой стоитъ остановиться — настолько рельефно выразила она *весь духъ* Раб. Мысли и экономизма вообще.

Указавъ на то, что рукѣ въ синемъ обшлагѣ не удержать развитія рабочаго движенія, передовица продолжаетъ: ... „Такой живучестью рабочее движеніе обязано тому, что рабочій самъ берется наконецъ за свою судьбу, вырвавъ ее изъ рукъ руководителей“, и этотъ основной тезисъ подробно развивается дальше. На самомъ дѣлѣ, руководители (т. е. соціаль-демократы, организаторы союза борьбы) были вырваны полиціей изъ рукъ, можно сказать, рабочихъ,**) — а дѣло представляется такъ, будто рабочіе вели борьбу съ этими руководителями и освободились отъ ихъ ига! Вмѣсто того, чтобы звать впередъ, къ упроченію революціонной организаціи и расширенію политической дѣятельности, стали звать *назадъ*, къ одной трэдъ-юніонистской борьбѣ. Провозгласили, что

*) Кстати, эта похвала Р. Мысли въ ноябрѣ 1898 г., когда экономизмъ, особенно заграницей, вполнѣ опредѣлился, исходила отъ того самаго В. И—а, который вскорѣ сдѣлался однимъ изъ редакторовъ Раб. Дѣла. И Раб. Дѣло отрицало еще существованіе двухъ направленій въ русской соціаль-демократіи, какъ продолжаетъ отрицать и теперь!

**) Что это сравненіе правильно, можно видѣть изъ слѣдующаго характернаго факта. Когда послѣ ареста „декабристовъ“ среди рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта распространилось извѣстіе, что провалу посодѣйствовалъ близкій къ одной изъ соприкасавшихся съ „декабристами“ группъ провокаторъ Н. Н. Михайловъ (зубной врачъ), то эти рабочіе были такъ возмущены, что рѣшили убить Михайлова.

„экономическая основа движенія затемняется стремленіемъ постоянно не забывать политическій идеалъ“, что девизъ рабочаго движенія — „борьба за экономическое положеніе“ (!) или, еще лучше, „рабочіе для рабочихъ“; объявлялось, что стачечныя кассы „дороже для движенія, чѣмъ сотня другихъ организацій“ (сравните это, относящееся къ октябрю 1897 года утвержденіе съ споромъ „декабристовъ“ съ молодыми въ началѣ 1897 года) и т. п. Словечки въ томъ родѣ, что во главу угла надо ставить не „сливки“ рабочихъ, а „средняго“ рабочаго, массоваго рабочаго, что „политика всегда послушно слѣдуетъ за экономикой“*) и т. д. и т. д. сдѣлались модой и пріобрѣли неотразимое вліяніе на массу привлекаемой къ движенію молодежи, знакомой въ большинствѣ случаевъ только съ обрывками марксизма въ легальномъ его изложеніи.

Это было полнымъ подавленіемъ сознательности стихійностью — стихійностью тѣхъ „соціаль-демократовъ“, которые повторяли „идеи“ г-на В. В., стихійностью тѣхъ рабочихъ, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чѣмъ всякій соціализмъ и всякая политика, что они должны вести „борьбу, зная, что борятся они не для какихъ-то будущихъ поколѣній, а для себя и своихъ дѣтей“ (передовая № 1 Р. Мысли). Подобныя фразы составляли всегда излюбленное оружіе тѣхъ западноевропейскихъ буржуа, которые, ненавидя соціализмъ, сами работали (вродѣ нѣмецкаго „соціальполитика“ Гирша) надъ пересаживаніемъ англійскаго трэдъ-юніонизма на родную почву, говоря рабочимъ, что только-профессіональная борьба**) есть именно борьба для самихъ себя и своихъ дѣтей, а не для какихъ-то будущихъ поколѣній съ какимъ-то будущимъ соціализмомъ, — и теперь „В. В. русской соціаль-демократіи“ принялись повторять эти буржуазныя фразы. Важно отмѣтить здѣсь три обстоятельства, которыя намъ очень пригодятся при дальнѣйшемъ разборѣ *современныхъ* разногласій.***)

Во-первыхъ, указанное нами подавленіе сознательности стихійностью произошло тоже *стихійнымъ путемъ*. Это кажется каламбуромъ, но это — увы! — горькая правда. Оно произошло не путемъ открытой борьбы двухъ совершенно

*) Изъ той же передовицы перваго номера „Рабочей Мысли“. Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этихъ „В. В. русской соціаль-демократіи“, которые повторяли грубое опошленіе „экономическаго матеріализма“ въ то самое время, когда въ литературѣ шла война марксистовъ противъ настоящаго г. В. В., давно уже прозваннаго „реакціонныхъ дѣлъ мастеромъ“ за *такое же* пониманіе отношенія политики и экономики!

**) У нѣмцевъ есть даже особое слово: „Nur-Gewerkschaftler“, обозначающее сторонниковъ „только-профессіональной“ борьбы.

***) Мы подчеркиваемъ *современныхъ* по адресу тѣхъ, кто фарисейски пожметъ плечами и скажетъ: теперь легко разносить Рабочую Мысль, но только это вѣдь архаизмъ! Mutato nomine de te fabula narratur — отвѣтимъ мы такимъ современнымъ фарисеямъ, полное порабощеніе которыхъ идеями Раб. Мысли будетъ *доказано* ниже.

противоположныхъ воззрѣній и побѣды одного надъ другимъ, а путемъ „вырыванія“ жандармами все большаго и большаго числа революціонеровъ-„стариковъ“ и путемъ все большаго и большаго выступленія на сцену „молодыхъ“ „В. В. русской социаль-демократіи“. Всякій, кто — не скажу: участвовалъ въ *современномъ* русскомъ движеніи, а: хотя бы только нюхалъ его воздухъ, превосходно знаетъ, что дѣло обстоитъ именно такъ. И если мы тѣмъ не менѣе особенно настаиваемъ на томъ, чтобы читатель вполнѣ уяснилъ себѣ этотъ общеизвѣстный фактъ, если мы для наглядности, такъ сказать, приводимъ данныя о „Рабочемъ Дѣлѣ“ первой формаціи и о спорѣ между „стариками“ и „молодыми“ въ началѣ 1897 года, — то это потому, что на незнаніе широкой публикой (или совсѣмъ юной молодежью) этого факта спекулируютъ люди, хвастающіеся своимъ „демократизмомъ“. Мы вернемся еще къ этому ниже.

Во-вторыхъ, уже на первомъ литературномъ проявленіи экономизма мы можемъ наблюдать то въ высшей степени своеобразное и крайне характерное для пониманія всѣхъ разногласій въ средѣ современныхъ соціаль-демократовъ явленіе, что сторонники „чисто-рабочаго движенія“, поклонники самой тѣсной и самой „органической“ (выраженіе Раб. Дѣла) связи съ пролетарской борьбой, противники всякой не-рабочей интеллигенціи (хотя бы это была и соціалистическая интеллигенція) вынуждены прибѣгать для защиты своей позиціи къ доводамъ *буржуазныхъ* „только-трэдъ-юніонистовъ“. Это показываетъ намъ, что Р. Мысль, съ самаго своего начала, принялась — безсознательно для самой себя — осуществлять программу credo. Это показываетъ, — (чего никакъ не можетъ понять Р. Дѣло) — что *всякое* преклоненіе предъ стихійностью рабочаго движенія, всякое умаленіе роли „сознательнаго элемента“, роли соціаль-демократіи *означаетъ* тѣмъ самымъ, — *совершенно независимо отъ того, желаетъ-ли этого умаляющій или нѣтъ, — усиленіе вліянія буржуазной идеологіи на рабочихъ.* Всѣ, кто толкуетъ о „переоцѣнкѣ идеологіи“,*) о преувеличеніи роли сознательнаго элемента**) и т. п., воображаютъ, что чисто-рабочее движеніе само по себѣ можетъ выработать и выработаетъ себѣ самостоятельную идеологію, лишь бы только рабочіе „вырвали изъ рукъ руководителей свою судьбу“. Но это глубокая ошибка. Въ дополненіе къ сказанному выше, приведемъ еще слѣдующія, глубоко справедливыя и важныя слова К. Каутскаго, сказанныя имъ по поводу проекта новой программы австрійской соціаль-демократической партіи:***)

---

*) Письмо „экономистовъ“ въ № 12 Искры.

**) Р. Дѣло, № 10,

***) „Neue Zeit“, 1901—1902, XX, 1; № 3, стр. 97. Проектъ коммиссіи, о которомъ говоритъ К. Каутскій, принятъ Вѣнскимъ съѣздомъ (въ концѣ прошлаго года) въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

„Многіе изъ нашихъ ревизіонистскихъ критиковъ полагаютъ, будто Марксъ утверждалъ, что экономическое развитіе и классовая борьба создаютъ не только условія соціалистическаго производства, но также и непосредственно порождаютъ *сознаніе* (курсивъ К. К.) его необходимости. И вотъ эти критики возражаютъ, что страна наиболѣе высокаго капиталистическаго развитія, Англія, всего болѣе чужда этому сознанію. На основаніи проекта можно было бы думать, что этотъ якобы ортодоксально-марксистскій взглядъ, опровергаемый указаннымъ способомъ, раздѣляетъ и коммиссія, вырабатывавшая австрійскую программу. Въ проектѣ значится: „чѣмъ болѣе капиталистическое развитіе увеличиваетъ пролетаріатъ, тѣмъ болѣе онъ вынуждается и получаетъ возможность вести борьбу противъ капитализма. Пролетаріатъ приходитъ къ сознанію“ возможности и необходимости соціализма. Въ такой связи, соціалистическое сознаніе представляется необходимымъ непосредственнымъ результатомъ пролетарской классовой борьбы. А это совершенно невѣрно. Разумѣется, соціализмъ, какъ ученіе, столь же коренится въ современныхъ экономическихъ отношеніяхъ, какъ и классовая борьба пролетаріата, столь же, какъ и эта послѣдняя, вытекаетъ изъ борьбы противъ порождаемой капитализмомъ бѣдности и нищеты массъ, но соціализмъ и классовая борьба возникаютъ рядомъ одно съ другимъ, а не одно изъ другого, возникаютъ при различныхъ предпосылкахъ. Современное соціалистическое сознаніе можетъ возникнуть только на основаніи глубокаго научнаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, современная экономическая наука настолько же является условіемъ соціалистическаго производства, какъ и современная, скажемъ, техника, а пролетаріатъ при всемъ своемъ желаніи не можетъ создать ни той ни другой; обѣ онѣ возникаютъ изъ современнаго общественнаго процесса. Носителемъ же науки является не пролетаріатъ, а *буржуазная интеллигенція* (курсивъ К. К.): въ головахъ отдѣльныхъ членовъ этого слоя возникъ вѣдь и современный соціализмъ, и ими уже былъ сообщенъ выдающимся по своему умственному развитію пролетаріямъ, которые затѣмъ вносятъ его въ классовую борьбу пролетаріата тамъ, гдѣ это допускаютъ условія. Такимъ образомъ соціалистическое сознаніе есть нѣчто извнѣ внесенное (von Aussen Hineingetragenes) въ классовую борьбу пролетаріата, а не нѣчто стихійно (urwüchsig) изъ нея возникшее. Соотвѣтственно этому старая гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей соціаль-демократіи является внесеніе въ пролетаріатъ (буквально: наполненіе пролетаріата) *сознанія* его положенія и сознанія его задачи. Въ этомъ не было бы надобности, если бы это сознаніе само собой проистекало изъ классовой борьбы. Новый же проектъ перенялъ это положеніе изъ старой программы и пришилъ его къ вышеприведенному положенію. Но это совершенно перервало ходъ мысли“. . .

Разъ о самостоятельной, самими рабочими массами въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи,*) то вопросъ стоитъ *только такъ:* бур-

---

*) Это не значитъ, конечно, что рабочіе не участвуютъ въ этой выработкѣ. Но они участвуютъ не въ качествѣ рабочихъ, а въ качествѣ теоретиковъ соціализма, въ качествѣ Прудоновъ и Вейтлинговъ, участвуютъ, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку имъ въ большей или меньшей степени удается овладѣвать знаніемъ своего вѣка и двигать впередъ это знаніе. А чтобы рабочимъ *чаще удавалась это,* для этого необходимо какъ можно больше заботиться о повышеніи уровня сознательности рабочихъ вообще, для этого необходимо, чтобы рабочіе не замыкались въ искусственно съуженныя рамки *„литературы для рабочихъ“,* а учились бы овладѣвать все больше и больше *общей литературой.* Вѣрнѣе даже было бы сказать вмѣсто „замыкались“ — были замыкаемы, потому что рабочіе-то сами читаютъ и хотятъ читать все, что пишутъ и

жуазная или соціалистическая идеологія. Середины тутъ нѣтъ (ибо никакой „третьей“ идеологіи не выработало человѣчество, да и вообще въ обществѣ, раздираемомъ классовыми противорѣчіями, и не можетъ быть никогда внѣ-классовой или надъ-классовой идеологіи). Поэтому *всякое* умаленіе соціалистической идеологіи, *всякое отстраненіе* отъ нея означаетъ тѣмъ самымъ усиленіе идеологіи буржуазной. Толкуютъ о стихійности. Но *стихійное* развитіе рабочаго движенія идетъ именно къ подчиненію его буржуазной идеологіи, *идетъ именно по программѣ* credo, ибо стихійное рабочее движеніе есть трэдъ-юніонизмъ, есть Nur-Gewerkschaftlerei, а трэдъ-юніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей. Поэтому наша задача, задача соціаль-демократіи состоитъ въ *борьбѣ съ стихійностью,* состоитъ въ томъ, чтобы *совлечь* рабочее движеніе съ этого стихійнаго стремленія трэдъ-юніонизма подъ крылышко буржуазіи и привлечь его подъ крылышко революціонной соціаль-демократіи. Фраза авторовъ „экономическаго“ письма въ № 12 „Искры“, что никакія усилія самыхъ вдохновенныхъ идеологовъ не могутъ совлечь рабочаго движенія съ пути, опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ матерьяльныхъ элементовъ и матерьяльной среды, *совершенно равносильна* поэтому *отказу отъ соціализма,* и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорятъ, до конца безстрашно и послѣдовательно, какъ долженъ продумывать свои мысли всякій, кто выступаетъ на арену литературной и общественной дѣятельности, то имъ ничего не осталось бы, какъ „сложить на пустой груди ненужныя руки“ и . . . и предоставить поле дѣйствія гг. Струве и Прокоповичамъ, которые тянутъ рабочее движеніе „по линіи наименьшаго сопротивленія“ т. е. по линіи буржуазнаго трэдъ-юніонизма, или гг. Зубатовымъ, которые тянутъ его по линіи поповско-жандармской „идеологіи“.

Вспомните примѣръ Германіи. Въ чемъ состояла историческая заслуга Лассаля предъ нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ? Въ томъ, что онъ *совлекъ* это движеніе съ того пути прогрессистскаго трэдъ-юніонизма и кооперативизма, на который оно стихійно направлялось *(при благосклонномъ участіи Шульце-Деличей и имъ подобныхъ).* Для исполненія этой задачи нужно было нѣчто, совсѣмъ не похожее на разговоры о преуменьшеніи стихійнаго элемента, о тактикѣ-процессѣ, о взаимодѣйствіи элементовъ и среды и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба съ стихійностью,* и только въ результатѣ такой, долгіе-долгіе годы ведшейся борьбы достигнуто было, напримѣръ, то, что рабочее населеніе Берлина изъ опоры прогрессистской партіи сдѣлалось одной изъ лучшихъ

для интеллигенціи, и только нѣкоторые (плохіе) интеллигенты думаютъ, что „для рабочихъ“ достаточно разсказывать о фабричныхъ порядкахъ и пережевывать давно извѣстное.

крѣпостей соціаль-демократіи. И борьба эта отнюдь не закончена и по-сейчасъ (какъ могло бы показаться людямъ, изучающимъ исторію нѣмецкаго движенія по Прокоповичу, а философію его по Струве). И сейчасъ нѣмецкій рабочій классъ, если можно такъ выразиться, раздробленъ между нѣсколькими идеологіями: часть рабочихъ объединена въ католическіе и монархическіе рабочіе союзы, другая — въ Гиршъ-Дункеровскіе, основанные буржуазными поклонниками англійскаго трэдъ-юніонизма, третья — въ союзы соціаль-демократическіе. Послѣдняя часть неизмѣримо больше всѣхъ остальныхъ, но этого главенства соціаль-демократическая идеологія могла добиться и это главенство она сможетъ сохранить только путемъ неуклонной борьбы со всѣми остальными идеологіями.

Но почему же — спроситъ читатель — стихійное движеніе, движеніе по линіи наименьшаго сопротивленія идетъ именно къ господству буржуазной идеологіи? По той простой причинѣ, что буржуазная идеологія по происхожденію своему гораздо старше, чѣмъ соціалистическая, что она болѣе всесторонне разработана, что она обладаетъ *неизмѣримо* бóльшими средствами распространенія.*) И чѣмъ моложе соціалистическое движеніе въ какой-либо странѣ, тѣмъ энергичнѣе должна быть поэтому борьба противъ всѣхъ попытокъ упрочить несоціалистическую идеологію, тѣмъ рѣшительнѣе надо предостерегать рабочихъ отъ тѣхъ плохихъ совѣтчиковъ, которые кричатъ противъ „преувеличенія сознательнаго элемента“ и т. п. Авторы экономическаго письма громятъ, въ унисонъ съ Раб. Дѣломъ, нетерпимость, свойственную младенческому періоду движенія. Мы отвѣтимъ на это: да, наше движеніе дѣйствительно находится въ младенческомъ состояніи, и для того, чтобы скорѣе возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношенію къ людямъ, задерживающимъ его ростъ своимъ преклоненіемъ предъ стихійностью. Нѣтъ ничего смѣшнѣе и ничего вреднѣе какъ корчить изъ себя стариковъ, давно уже пережившихъ всѣ рѣшительные эпизоды борьбы!

Въ-третьихъ, первый номеръ „Раб. Мысли“ показываетъ намъ, что названіе „экономизмъ“ (отъ котораго мы не думаемъ,

*) Часто говорятъ: рабочій классъ *стихійно* влечется къ соціализму. Это совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, что соціалистическая теорія всѣхъ глубже и всѣхъ вѣрнѣе опредѣляетъ причины бѣдствій рабочаго класса, а потому рабочіе и усваиваютъ ее такъ легко, *если* только эта теорія сама не пасуетъ предъ стихійностью, *если* только она подчиняетъ себѣ стихійность. Обыкновенно это подразумѣвается само собою, но *Раб. Дѣло* какъ разъ забываетъ и извращаетъ это подразумѣваемое. Рабочій классъ стихійно влечется къ соціализму, но наиболѣе распространенная (и постоянно воскрешаемая въ самыхъ разнообразныхъ формахъ) буржуазная идеологія тѣмъ не менѣе стихійно всего болѣе навязывается рабочему.

разумѣется, отказываться, ибо такъ или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передаетъ сущность новаго направленія. Раб. Мысль не отрицаетъ совершенно политической борьбы: въ томъ уставѣ кассы, который напечатанъ въ № 1 Раб. Мысли, говорится о борьбѣ съ правительствомъ. Рабочая Мысль полагаетъ лишь, что „политика всегда послушно слѣдуетъ за экономикой" (а Рабочее Дѣло варіируетъ этотъ тезисъ, увѣряя въ своей программѣ, что „въ Россіи болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, экономическая борьба *неразрывна* съ политической"). Эти положенія Рабочей Мысли и Рабочаго Дѣла совершенно невѣрны, *если понимать подъ политикой соціаль-демократическую политику.* Очень часто экономическая борьба рабочихъ бываетъ связана (хотя и не неразрывно) съ политикой буржуазной, клерикальной и проч., какъ мы уже видѣли. Положенія Р. Дѣла вѣрны, если понимать подъ политикой политику трэдъ-юніонистскую т. е. общее стремленіе всѣхъ рабочихъ добиваться себѣ отъ государства тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ бѣдствій, свойственныхъ ихъ положенію, но еще не устраняющихъ этого положенія т. е. не уничтожающихъ подчиненія труда капиталу. Это стремленіе дѣйствительно обще и англійскимъ трэдъ-юніонистамъ, враждебно относящимся къ соціализму, и католическимъ рабочимъ, и „зубатовскимъ" рабочимъ и проч. Есть политика и политика. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и по отношенію къ политической борьбѣ Раб. Мысль проявляетъ не столько отрицаніе ея, сколько преклоненіе предъ ея *стихійностью,* предъ ея безсознательностью. Вполнѣ признавая стихійно выростающую изъ самаго рабочаго движенія политическую борьбу (вѣрнѣе: политическія пожеланія и требованія рабочихъ), она совершенно отказывается отъ *самостоятельной выработки* специфической *соціаль-демократической политики,* отвѣчающей общимъ задачамъ соціализма и современнымъ русскимъ условіямъ. Ниже мы покажемъ, что такова же ошибка и Раб. Дѣла.

в) „Группа самоосвобожденія" и „Рабочее Дѣло".

Мы разобрали такъ подробно мало извѣстную и почти забытую въ настоящее время передовицу перваго номера Раб. Мысли, потому что она всѣхъ раньше и всѣхъ рельефнѣе выразила ту общую струю, которая потомъ выплывала на свѣтъ божій безчисленными мелкими струйками. В. И—ъ былъ совершенно правъ, когда, расхваливая первый номеръ и передовицу Раб. Мысли, сказалъ, что она написана „рѣзко, съ задоромъ" (Лист. Раб. № 9—10, стр. 49). Всякій убѣжденный въ своемъ мнѣніи человѣкъ, думающій, что онъ даетъ нѣчто новое, пишетъ „съ задоромъ" и пишетъ такъ, что рельефно выражаетъ свои взгляды. Только у людей, привыкшихъ сидѣть между двухъ стульевъ, нѣтъ никакого „задора", только такіе люди способны, похваливъ вчера задоръ Раб. Мысли, нападать сегодня за „полемическій задоръ" на ея противниковъ.

Не останавливаясь на „Отдѣльномъ Приложеніи къ Раб. Мысли" (намъ придется ниже по различнымъ поводамъ ссылаться на это произведеніе, всего послѣдовательнѣе выражающее идеи экономистовъ), мы отмѣтимъ только вкратцѣ „воззваніе группы самоосвобожденія рабочихъ" (мартъ 1899 г., перепечано въ лондонск. Наканунѣ, № 7, іюнь 1899 г.). Авторы этого воззванія очень справедливо говорятъ, что „рабочая Россія *еще только просыпается,* только осматривается кругомъ и *инстинктивно хватается за первыя попавшіяся* средства борьбы", но дѣлаютъ изъ этого тотъ же неправильный выводъ, какъ и Р. Мысль, забывая, что инстинктивность и есть безсознательность (стихійность), которой должны придти на помощь соціалисты, что „первыми попавшимися" средствами борьбы всегда будутъ въ современномъ обществѣ трэдъ-юніонистскія средства борьбы, а „первой попавшейся" идеологіей — буржуазная (трэдъ-юніонистская) идеологія. Точно также не „отрицаютъ" эти авторы и политики, а говорятъ только (только!), вслѣдъ за г. В. В., что политика есть надстройка, а потому „политическая агитація должна быть надстройкой надъ агитаціей въ пользу борьбы экономической, должна выростать на почвѣ этой борьбы и идти за нею".

Что касается до Р. Дѣла, то оно прямо начало свою дѣятельность съ „защиты" экономистовъ. Сказавъ *прямую неправду* въ первомъ же своемъ номерѣ (№ 1, стр. 141—142), будто оно „не знаетъ о какихъ молодыхъ товарищахъ говорилъ Аксельродъ", предостерегавшій экономистовъ въ своей извѣстной брошюрѣ,*) Р. Дѣло въ разгорѣвшейся по поводу этой неправды полемикѣ съ Аксельродомъ и Плехановымъ должно было признать, что оно „въ формѣ недоумѣнія хотѣло *защитить* всѣхъ болѣе молодыхъ заграничныхъ соціаль-демократовъ отъ этого несправедливаго обвиненія" (обвиненія экономистовъ Аксельродомъ въ узости). На самомъ дѣлѣ, обвиненіе это было вполнѣ справедливо, и Р. Дѣло прекрасно знало, что оно падало между прочимъ и на члена его редакціи В. И—на. Замѣчу кстати, что въ указанной полемикѣ Аксельродъ былъ совершенно правъ и Р. Дѣло совершенно не право въ толкованіи моей брошюры: „Задачи русскихъ соціаль-демократовъ". Эта брошюра писана въ 1897 году, еще до появленія Раб. Мысли, когда я считалъ и вправѣ былъ считать господствующимъ *первоначальное* направленіе СПБ. Союза Борьбы, охарактеризованное мной выше. И по крайней

*) „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціаль-демократовъ." Ж. 1898. Два письма въ „Рабочую Газету", писанныя въ 1897 году.

мѣрѣ до половины 1898 года это направленіе дѣйствительно было господствующимъ. Поэтому ссылаться въ опроверженіе существованія и опасности экономизма на брошюру, излагавшую взгляды, которые были *вытѣснены* въ С.-Петербургѣ въ 1897—1898 г. „экономическими“ взглядами, Р. Дѣло не имѣло ни малѣйшаго права.*)

Но Р. Дѣло не только „защищало“ экономистовъ, а также и само сбивалось постоянно на ихъ основныя заблужденія. Источникъ этой сбивчивости лежалъ въ двусмысленномъ пониманіи слѣдующаго тезиса программы Р. Дѣла: „важнѣйшимъ явленіемъ русской жизни, которое главнымъ образомъ *будетъ опредѣлять задачи* (курс. нашъ) и характеръ литературной дѣятельности Союза, мы считаемъ возникшее за послѣдніе годы *массовое рабочее движеніе*“ (курс. Р. Д.). Что массовое движеніе есть явленіе важнѣйшее, объ этомъ не можетъ быть спора. Но весь вопросъ въ томъ, какъ понимать „опредѣленіе задачъ“ этимъ массовымъ движеніемъ. Понимать это можно двояко: *или* въ смыслѣ преклоненія предъ стихійностью этого движенія т. е. сведенія роли соціаль-демократіи до простого прислужничества рабочему движенію какъ таковому (пониманіе Раб. Мысли, группы самоосвобожденія и прочихъ экономистовъ); *или* же въ томъ смыслѣ, что массовое движеніе ставитъ передъ нами *новыя* теоретическія, политическія, организаціонныя задачи, гораздо болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, которыми можно было удовлетворяться въ періодъ до возникновенія массоваго движенія Раб. Дѣло склонялось и склоняется именно къ первому пониманію, потому что оно ни о какихъ новыхъ задачахъ ничего опредѣленнаго не говорило, а разсуждало все время именно такъ, какъ будто бы это „массовое движеніе“ *избавляетъ* насъ отъ небходимости ясно сознать и рѣшить выдвигаемыя имъ задачи. Достаточно сослаться на то, что Р. Дѣло считало невозможнымъ ставить массовому рабочему движенію *первой* задачей — низверженіе самодержавія, принижая эту задачу (во имя массоваго движенія) до задачи борьбы за ближайшія политическія требованія („Отвѣтъ“, стр. 25).

---

*) Первую свою неправду („мы не знаемъ, о какихъ молодыхъ товарищахъ говорилъ П. Б. Аксельродъ“) *Р. Дѣло*, защищаясь, дополнило второй, когда писало въ „Отвѣтѣ“: „Съ тѣхъ поръ, какъ написана рецензія на „Задачи“, среди нѣкоторыхъ русскихъ соціаль-демократовъ возникли или болѣе или менѣе ясно опредѣлились тенденціи къ экономической односторонности, являющіяся шагомъ назадъ по сравненію съ тѣмъ состояніемъ нашего движенія, которое изображено въ ‚Задачахъ‘“ (стр. 9). Такъ говоритъ „Отвѣтъ“, вышедшій *въ 1900 году*. А первый номеръ Р. Д. (съ рецензіей) вышелъ *въ апрѣлѣ 1899 года*. Неужели въ 1899 году только возникъ экономизмъ? Нѣтъ, въ 1899 г. впервые раздался протестъ *русскихъ* соціаль-демократовъ противъ экономизма (протестъ противъ credo). Экономизмъ же возникъ въ 1897 году, какъ это отлично знаетъ Р. Дѣло, ибо *В. И—ъ* уже *въ ноябрѣ 1898 года* (Лист. Раб., № 9—10) расхваливалъ Раб. Мысль.

Минуя статью редактора „Раб. Дѣла“, Б. Кричевскаго въ № 7 — „Экономическая и политическая борьба въ русскомъ движеніи“, статью, повторяющую тѣ же самыя ошибки,*) перейдемъ прямо къ № 10 Р. Дѣла. Мы не станемъ, конечно, входить въ разборъ отдѣльныхъ возраженій Б. Кричевскаго и Мартынова противъ „Зари“ и „Искры“. Насъ интересуетъ здѣсь только та принципіальная позиція, которую заняло въ № 10 „Рабочее Дѣло“. Мы не будемъ, напримѣръ, разбирать того курьеза, что Р. Дѣло усмотрѣло „діаметральное противорѣчіе“ между положеніемъ:

> „Соціаль-демократія не связываетъ себѣ рукъ, не суживаетъ своей дѣятельности однимъ какимъ нибудь заранѣе придуманнымъ планомъ или пріемомъ политической борьбы, — она признаетъ всѣ средства борьбы, лишь бы они соотвѣтствовали наличнымъ силамъ партіи“ и т. д. (№ 1 Искры)

и положеніемъ:

> „Если нѣтъ крѣпкой организаціи, искушенной въ политической борьбѣ при всякой обстановкѣ и во всякіе періоды, то не можетъ быть и рѣчи о томъ систематическомъ, освѣщенномъ твердыми принципами и неуклонно проводимомъ планѣ дѣятельности, который только и заслуживаетъ названія тактики“ (№ 4 Искры).

Смѣшать *принципіальное* признаніе всѣхъ средствъ борьбы, всѣхъ плановъ и пріемовъ, лишь бы они были цѣлесообразны, — съ требованіемъ *въ данный политическій моментъ* руководиться неуклонно проводимымъ планомъ, если хочешь толковать о тактикѣ, это значило все равно что смѣшать признаніе медициной всякихъ системъ лѣченія съ требованіемъ дер-

---

*) „Теорія стадій“ или теорія „робкаго зигзага“ въ политической борьбѣ выражается, напримѣръ, въ этой статьѣ такъ: „Политическія требованія, по своему характеру общія для всей Россіи, должны однако на первыхъ порахъ“ (это писано въ августѣ 1900 г.!) „соотвѣтствовать опыту, извлеченному даннымъ слоемъ (sic!) рабочихъ изъ экономической борьбы. Только (!) на почвѣ этого опыта можно и должно приступать къ политической агитаціи“ и т. д. (стр. 11). На стр. 4 авторъ, возставая противъ совершенно неосновательныхъ, по его мнѣнію, обвиненій въ экономической ереси, патетически восклицаетъ: „Какой же соціаль-демократъ не знаетъ, что по ученію Маркса и Энгельса экономическіе интересы отдѣльныхъ классовъ играютъ рѣшающую роль въ исторіи и, *слѣдовательно,* въ частности борьба пролетаріата за свои экономическіе интересы должна имѣть первостепенное значеніе для его классоваго развитія и освободительной борьбы?“ (курс. нашъ). Это „слѣдовательно“ совершенно неумѣстно. Изъ того, что экономическіе интересы играютъ рѣшающую роль, *отнюдь не слѣдуетъ* никакого вывода о первостепенномъ значеніи экономической (= профессіональной) борьбы, ибо самые существенные, „рѣшающіе“ интересы классовъ могутъ быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованіями вообще; въ частности, основной экономическій интересъ пролетаріата можетъ быть удовлетворенъ только посредствомъ политической революціи, замѣняющей диктатуру буржуазіи диктатурой пролетаріата. Б. Кричевскій повторяетъ разсужденіе „В. В. русской соціаль-демократіи“ (— политика слѣдуетъ за экономикой и т. п.) и бернштейніанцевъ нѣмецкой (напр., Вольтманъ именно такимъ разсужденіемъ доказывалъ, что рабочіе должны сначала пріобрѣсти „экономическую силу“, прежде чѣмъ думать о политической революціи).

жаться одной опредѣленной системы при лѣченіи данной болѣзни. Но въ томъ-то и дѣло, что Раб. Дѣло, само страдая болѣзнью, которую мы назвали преклоненіемъ предъ стихійностью, не хочетъ признать никакихъ „системъ лѣченія“ *этой* болѣзни. Оно сдѣлало поэтому замѣчательное открытіе, что „тактика планъ противорѣчитъ основному духу марксизма“ (№ 10, стр. 18), что тактика есть *„процессъ роста партійныхъ задачъ, растущихъ вмѣстѣ съ партіей“* (стр. 11, курс. Р. Д.). Это послѣднее изреченіе имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться знаменитымъ изреченіемъ, неразрушимымъ памятникомъ „направленія“ Раб. Дѣла. На вопросъ: *„куда идти?“* руководящій органъ даетъ отвѣтъ: движеніе есть процессъ измѣненія разстоянія между исходнымъ и послѣдующимъ пунктами движенія. Это несравненное глубокомысліе представляетъ изъ себя однако не только курьезъ (тогда бы на немъ не стоило особенно останавливаться), но и *программу цѣлаго направленія*, именно: ту самую программу, которую Р. М. (въ Отдѣльномъ Приложеніи къ Раб. Мысли) выразилъ словами: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идетъ въ данную минуту. Это какъ разъ направленіе безграничнаго оппортюнизма, пассивно приспособляющагося къ стихійности.

„Тактика-планъ противорѣчитъ основному духу марксизма!“ Да это клевета на марксизмъ, превращеніе его въ ту самую каррикатуру, которую противопоставляли намъ въ войнѣ съ нами народники. Это именно приниженіе иниціативы и энергіи сознательныхъ дѣятелей, тогда какъ марксизмъ даетъ, напротивъ, гигантскій толчекъ иниціативѣ и энергіи соціаль-демократа, открывая ему самыя широкія перспективы, отдавая (если можно такъ выразиться) въ его распоряженіе могучія силы милліоновъ и милліоновъ „стихійно“ поднимающагося на борьбу рабочаго класса! Вся исторія международной соціаль-демократіи кишитъ планами, которые выдвигались то однимъ, то другимъ политическимъ вождемъ, оправдывая дальновидность и вѣрность политическихъ, организаціонныхъ взглядовъ одного, обнаруживая близорукость и политическія ошибки другого. Когда Германія испытала одинъ изъ величайшихъ историческихъ переломовъ — образованіе имперіи, открытіе рейхстага, дарованіе всеобщаго избирательнаго права, — одинъ планъ соціаль-демократической политики и работы вообще былъ у Либкнехта, другой у Швейцера. Когда на германскихъ соціалистовъ обрушился исключительный законъ, — одинъ планъ былъ у Моста и Гассельмана, готовыхъ просто звать къ насилію и террору, другой — у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповѣдывать соціаль-демократамъ, что они своей неразумной рѣзкостью и революціонностью вызвали законъ и должны теперь заслужить примѣрнымъ поведеніемъ прощеніе; третій планъ — у тѣхъ, кто подго-

товлялъ и осуществлялъ изданіе нелегальнаго органа. Глядя назадъ, много лѣтъ спустя послѣ того, какъ борьба изъ за вопроса о выборѣ пути закончилась и исторія сказала свое послѣднее рѣшеніе о пригодности выбраннаго пути, — нетрудно, конечно, проявить глубокомысліе изреченіемъ о ростѣ партійныхъ задачъ, растущихъ вмѣстѣ съ партіей. Но въ моментъ смуты,*) когда русскіе „критики“ и экономисты принижаютъ соціаль-демократію до трэдъ-юніонизма, а террористы усиленно проповѣдуютъ принятіе „тактики-плана“, повторяющаго старыя ошибки, въ такой моментъ ограничиваться подобнымъ глубокомысліемъ значитъ выдавать себѣ „свидѣтельство о бѣдности“. Въ моментъ, когда многіе русскіе соціаль-демократы страдаютъ именно недостаткомъ иниціативы и энергіи, недостаткомъ „размаха политической пропаганды, агитаціи и организаціи“,**) недостаткомъ „плановъ“ болѣе широкой постановки революціонной работы, — въ такой моментъ говорить: „тактика-планъ противорѣчитъ основному духу марксизма“ значитъ не только теоретически опошлять марксизмъ, но и практически *тащить партію назадъ*.

„Революціонеръ-соціаль-демократъ имѣетъ задачей — поучаетъ насъ далѣе Р. Дѣло — своей сознательной работой только ускорять объективное развитіе, а не отмѣнять его или замѣнять его субъективными планами. Искра въ теоріи все это знаетъ. Но огромное значеніе, справедливо придаваемое марксизмомъ сознательной революціонной работѣ, увлекаетъ ее на практикѣ, благодаря ея доктринерскому взгляду на тактику, къ *преуменьшенію значенія объективнаго или стихійнаго элемента развитія*“ (стр. 18).

Опять величайшая теоретическая путаница, достойная г-на В. В. съ братіею. Мы спросили бы нашего философа: въ чемъ можетъ выразиться „преуменьшеніе“ объективнаго развитія со стороны составителя субъективныхъ плановъ? Очевидно въ томъ, что онъ упуститъ изъ виду, что это объективное развитіе создаетъ или укрѣпляетъ, губитъ или ослабляетъ такіе-то классы, слои, группы, такія-то націи, группы націй и т. п., обусловливая этимъ такую-то и такую-то международную и политическую группировку силъ, позицію революціонныхъ партій и проч. Но вина такого составителя будетъ состоять тогда не въ преуменьшеніи стихійнаго элемента, а въ преуменьшеніи, наоборотъ, *сознательнаго* элемента, ибо у него не хватитъ „сознательности“ для правильнаго пониманія объективнаго развитія. Поэтому, одинъ уже разговоръ объ „оцѣнкѣ *сравнительнаго* (курс. Рабочаго Дѣла) значенія“ стихійности и сознательности обнаруживаетъ полное

*) Ein Jahr der Verwirrung (годъ смуты) — такъ озаглавилъ Мерингъ тотъ параграфъ своей исторіи германской соціаль-демократіи, въ которомъ онъ описываетъ колебанія и нерѣшительность, проявленныя сначала соціалистами при выборѣ „тактики-плана“, соотвѣтствующаго новымъ условіямъ.

**) Изъ передовой статьи № 1 „Искры“.

отсутствіе „сознательности“. Если извѣстные „стихійные элементы развитія“ доступны вообще человѣческому сознанію, то неправильная оцѣнка ихъ будетъ равносильна „преуменьшенію сознательнаго элемента“. А если они недоступны сознанію, то мы ихъ не знаемъ и говорить о нихъ не можемъ. О чемъ же толкуетъ Б. Кричевскій? Если онъ находитъ ошибочными „субъективные планы“ Искры (а онъ ихъ именно объявляетъ ошибочными), то онъ долженъ былъ бы показать, какіе именно объективные факты игнорируются этими планами и обвинить Искру за это игнорированіе *въ недостаткѣ сознательности*, въ „преуменьшеніи сознательнаго элемента“, выражаясь его языкомъ. Если же онъ, недовольный субъективными планами, не имѣетъ другихъ аргументовъ кромѣ ссылки на „преуменьшеніе стихійнаго элемента“ (!!), то онъ доказываетъ этимъ лишь, что онъ (1) теоретически — понимаетъ марксизмъ à la Карѣевы и Михайловскіе, достаточно осмѣянные Бельтовымъ, (2) практически — вполнѣ доволенъ тѣми „стихійными элементами развитія“, которыя увлекали нашихъ легальныхъ марксистовъ въ бернштейніанство, а нашихъ социаль-демократовъ въ экономизмъ, и что онъ „зѣло сердитъ“ на людей, рѣшившихся въ что бы то ни стало *совлечь* русскую соціаль-демократію съ пути „стихійнаго“ развитія.

А дальше уже идутъ совсѣмъ веселыя вещи. „Подобно тому, какъ люди, несмотря ни на какія успѣхи естественныхъ наукъ, будутъ размножаться стародѣдовскимъ способомъ, — такъ и появленіе на свѣтъ новаго общественнаго порядка, несмотря ни на какіе успѣхи общественныхъ наукъ и ростъ сознательныхъ борцовъ, и впредь будетъ являться результатомъ *преимущественно* стихійныхъ взрывовъ“ (19). Подобно тому, какъ стародѣдовская мудрость гласитъ: чтобы имѣть дѣтей, кому ума не доставало? — такъ мудрость „новѣйшихъ соціалистовъ“ (à la Нарцисъ Тупорыловъ) гласитъ: чтобы участвовать въ стихійномъ появленіи на свѣтъ новаго общественнаго порядка, ума хватитъ у всякаго. Мы думаемъ тоже, что у всякаго хватитъ. Для такого участія достаточно *поддаваться* — экономизму, когда царитъ экономизмъ, — терроризму, когда возникъ терроризмъ. Такъ, Раб. Дѣло, весной этого года, когда такъ важно было предостеречь отъ увлеченія терроромъ, съ недоумѣніемъ стояло передъ „новымъ“ для него вопросомъ. А теперь, полгода спустя, когда вопросъ пересталъ быть такой злобой дня, оно въ одно и то же время преподноситъ намъ и заявленіе: „мы думаемъ, что задачей соціаль-демократіи не можетъ и не должно быть противодѣйствіе подъему террористическихъ настроеній“ (Р. Д., № 10, стр. 23) и резолюцію съѣзда: „Систематическій наступательный терроръ съѣздъ признаетъ несвоевременнымъ“ (Два съѣзда, стр. 18). Какъ это замѣчательно ясно и связно! Не про-

тиводѣйствуемъ, — но объявляемъ несвоевременнымъ, притомъ объявляемъ такъ, что несистематическій и оборонительный терроръ „резолюціей“ не объемлется. Надо признать, что такая резолюція очень безопасна и вполнѣ гарантирована отъ ошибочности, — какъ гарантированъ отъ ошибокъ человѣкъ, который говорилъ для того, чтобы ничего не сказать! И для составленія такой резолюціи нужно только одно: умѣть держаться *за хвостъ* движенія. Когда Искра посмѣялась надъ тѣмъ, что Раб. Дѣло объявило вопросъ о террорѣ новымъ вопросомъ, то Р. Дѣло сердито обвинило Искру въ „прямо невѣроятной претензіи навязывать партійной организаціи рѣшеніе тактическихъ вопросовъ, данное группой писателей-эмигрантовъ болѣе 15 лѣтъ тому назадъ“ (стр. 24). Дѣйствительно, какая претенціозность и какое преувеличеніе сознательнаго элемента: рѣшать вопросы заранѣе теоретически съ тѣмъ, чтобы потомъ убѣждать въ правильности этого рѣшенія и организацію, и партію, и массу!*) То ли дѣло просто зады повторять и, никому ничего не „навязывая“, подчиняться каждому „повороту“ и въ сторону экономизма, и въ сторону терроризма. Раб. Дѣло даже обобщаетъ этотъ великій завѣтъ житейской мудрости, обвиняя Искру и Зарю въ „противопоставленіи своей программы движенію какъ духа, витающаго надъ безформеннымъ хаосомъ“ (стр. 29). Въ чемъ же состоитъ роль соціаль-демократіи, какъ не въ томъ, чтобы быть „духомъ“, не только витающимъ надъ стихійнымъ движеніемъ, но и *поднимающимъ* это послѣднее *до „своей программы“?* Не въ томъ же вѣдь, чтобы тащиться въ *хвостѣ* движенія: въ лучшемъ случаѣ это безполезно для движенія, въ худшемъ — очень и очень вредно. Рабочее же Дѣло не только слѣдуетъ этой „тактикѣ-процессу“, но и возводитъ ее въ принципъ, такъ что и направленіе его вѣрнѣе было бы назвать не оппортюнизмъ, а (отъ слова: хвостъ) *хвостизмомъ*. И нельзя не признаться, что люди, твердо рѣшившіе всегда идти за движеніемъ въ качествѣ его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы отъ „преуменьшенія стихійнаго элемента развитія“.

* * *

Итакъ, мы убѣдились, что основная ошибка „новаго направленія“ въ русской соціаль-демократіи состоитъ въ преклоненіи предъ стихійностью, въ непониманіи того, что стихійность массы требуетъ отъ насъ, соціаль-демократовъ, массы сознательности. Чѣмъ больше стихійный подъемъ массъ, чѣмъ шире становится движеніе, тѣмъ еще несравненно бы-

*) Не надо забывать также и того, что „теоретически“ рѣшая вопросъ о террорѣ, Группа Осв. Тр. *обобщала* опытъ предшествующаго революціоннаго движенія.

стрѣе возрастаетъ требованіе на массу сознательности и въ теоретической, и въ политической, и въ организаціонной работѣ соціаль-демократіи.

Стихійный подъемъ массъ въ Россіи произошелъ (и продолжаетъ происходить) съ такой быстротой, что соціаль-демократическая молодежь оказалась неподготовленной къ исполненію этихъ гигантскихъ задачъ. Эта неподговленность — наша общая бѣда, бѣда *всѣхъ* русскихъ соціаль-демократовъ. Подъемъ массъ шелъ и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь тамъ, гдѣ онъ начался, но и захватывая новыя мѣстности и новые слои населенія (подъ вліяніемъ рабочаго движенія оживилось броженіе учащейся молодежи, интеллигенціи вообще, даже и крестьянства). Революціонеры же *отставали* отъ этого подъема и въ своихъ „теоріяхъ" и въ своей дѣятельности, имъ не удавалось создать непрерывной и преемственной организаціи, способной *руководить* всѣмъ движеніемъ.

Въ первой главѣ мы констатировали приниженіе Рабоч. Дѣломъ нашихъ теоретическихъ задачъ и „стихійное" повтореніе имъ моднаго клича „свобода критики": у повторявшихъ не хватило „сознательности" понять діаметральную противоположность позицій „критиковъ"-оппортюнистовъ и революціонеровъ въ Германіи и въ Россіи.

Въ слѣдующихъ главахъ мы разсмотримъ, какъ выражалось это преклоненіе предъ стихійностью въ области политическихъ задачъ и организаціонной работы соціаль-демократіи.

III.

Трэдъ-юніонистская и соціаль-демократическая политика.

Начнемъ опять-таки съ похвалы „Раб. Дѣлу". „Обличительная литература и пролетарская борьба" — такъ озаглавилъ Мартыновъ свою статью въ № 10 „Рабочаго Дѣла" о разногласіяхъ съ Искрой. „Мы не можемъ ограничиться однимъ обличеніемъ порядковъ, стоящихъ на пути ея (рабочей партіи) развитія. Мы должны также откликаться на ближайшіе и текущіе интересы пролетаріата" (стр. 63) — такъ формулировалъ онъ суть этихъ разногласій. ...„Искра ... фактически есть органъ революціонной оппозиціи, обличающій наши порядки и преимущественно политическіе порядки.... Мы же работаемъ и будемъ работать для рабочаго дѣла въ тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой" (тамъ же). Нельзя не быть благодарнымъ Мартынову за эту формулировку. Она пріобрѣтаетъ выдающійся общій интересъ, ибо охватываетъ, въ сущности, вовсе не одни только разногласія наши съ „Р. Дѣломъ", но и всѣ вообще разногласія между нами и „экономистами" по вопросу о политической борьбѣ. Мы показали уже, что „экономисты" не отрицаютъ безусловно „политику", а только сбиваются постоянно съ соціаль-демократическаго на трэдъ-юніонистское пониманіе политики. Совершенно такъ же сбивается и Мартыновъ, и мы согласны поэтому взять именно его за *образецъ* экономическихъ заблужденій по данному вопросу. За такой выборъ — мы постараемся показать это — на насъ не вправѣ будутъ претендовать ни авторы „Отдѣльнаго Приложенія къ Раб. Мысли", ни авторы прокламаціи „группы самоосвобожденія", ни авторы экономическаго письма въ № 12 Искры.

а) Политическая агитація и ея съуженіе экономистами.

Всѣмъ извѣстно, что широкое распространеніе и упроченіе экономической*) борьбы русскихъ рабочихъ шло рука объ

*) Замѣтимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что въ дальнѣйшемъ изложеніи мы понимаемъ вездѣ подъ экономической борьбой (согласно установившемуся у насъ словоупотребленію) ту „практически-экономическую борьбу", которую Энгельсъ назвалъ, въ приведенной выше цитатѣ, „сопротивленіемъ капиталистамъ" и которая въ свободныхъ странахъ называется профессіональной, синдикальной или трэдъ-юніонистской борьбой.

руку съ созданіемъ „литературы“ экономическихъ (фабричныхъ и профессіональныхъ) обличеній. Главнымъ содержаніемъ „листковъ“ были обличенія фабричныхъ порядковъ, и среди рабочихъ скоро вспыхнула настоящая страсть къ обличеніямъ. Какъ только рабочіе увидали, что кружки соціаль-демократовъ хотятъ и могутъ доставлять имъ новаго рода листовки, говорящія всю правду о нищенской жизни, непомѣрно тяжеломъ трудѣ и безправномъ положеніи ихъ, — они стали, можно сказать, засыпать корреспонденціями съ фабрикъ и заводовъ. Эта „обличительная литература“ производила громадную сенсацію не только на той фабрикѣ, порядки которой бичевалъ данный листокъ, но и на всѣхъ фабрикахъ, гдѣ что-нибудь слышали о разоблаченныхъ фактахъ. А такъ какъ нужды и бѣдствія рабочихъ разныхъ заведеній и разныхъ профессій имѣютъ много общаго, то „правда про рабочую жизнь“ восхищала *всѣхъ*. Среди самыхъ отсталыхъ рабочихъ развилась настоящая страсть „печататься“ — благородная страсть къ этой зачаточной формѣ войны со всѣмъ современнымъ общественнымъ порядкомъ, построеннымъ на грабежѣ и угнетеніи. И „листки“ въ громадномъ большинствѣ случаевъ были дѣйствительно объявленіемъ войны, потому что разоблаченіе оказывало страшно возбуждающее дѣйствіе, вызывало со стороны рабочихъ общее требованіе устранить самыя вопіющія безобразія и готовность поддержать эти требованія стачками. Сами фабриканты въ концѣ концовъ до такой степени должны были признать значеніе этихъ листковъ, какъ объявленія войны, что сплошь да рядомъ не хотѣли и дожидаться самой войны. Обличенія, какъ и всегда, сдѣлались сильны однимъ уже фактомъ своего появленія, пріобрѣли значеніе могучаго нравственнаго давленія. Случалось не разъ, что одного появленія листка оказывалось достаточно для удовлетворенія всѣхъ или части требованій. Однимъ словомъ, экономическія (фабричныя) обличенія были и теперь остаются важнымъ рычагомъ экономической борьбы. И это значеніе сохранится за ними, пока будетъ существовать капитализмъ, порождающій необходимо самозащиту рабочихъ. Въ самыхъ передовыхъ европейскихъ странахъ можно наблюдать и теперь, какъ обличеніе безобразій какого нибудь захолустнаго „промысла“ или какой-нибудь всѣми забытой отрасли домашней работы служитъ исходнымъ пунктомъ къ пробужденію классоваго сознанія, къ началу профессіональной борьбы и распространенія соціализма.*)

*) Въ настоящей главѣ мы говоримъ только о *политической* борьбѣ, о болѣе широкомъ или болѣе узкомъ ея пониманіи. Поэтому лишь мимоходомъ отмѣтимъ, просто какъ курьезъ, обвиненіе Раб. Дѣломъ Искры въ „излишнемъ воздержаніи“ по отношенію къ экономической борьбѣ (Два съѣзда, стр. 27, разжевано Мартыновымъ въ его брошюрѣ: „Соціаль-демократія и рабочій классъ“). Если бы гг. обвинители выразили хотя бы въ пудахъ или печатныхъ листахъ (какъ они любятъ это дѣлать) отдѣлъ экономической борьбы въ Искрѣ за годъ и сравнили съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ Р. Дѣла и Р. Мысли, вмѣстѣ взятыхъ, то они легко увидѣли бы, что они отстаютъ даже и въ этомъ отношеніи. Очевидно, сознаніе этой простой истины заставляетъ ихъ прибѣгать къ доводамъ, ясно показывающимъ ихъ смущеніе. Искрѣ — пишутъ они — „волей-неволей (!) приходится (!) считаться съ властными запросами жизни и хотя бы (!!) помѣщать корреспонденціи о рабочемъ движеніи“ (Два съѣзда, стр. 27). Вотъ уже подлинно уничтожающій насъ аргументъ!

Преобладающее большинство русскихъ соціаль-демократовъ послѣдняго времени было почти всецѣло поглощено этой работой по организаціи фабричныхъ обличеній. Достаточно вспомнить „Раб. Мысль“, чтобы видѣть, до какой степени доходило это поглощеніе, какъ при этомъ забывалось, что *сама по себѣ* это, въ сущности, еще не соціаль-демократическая, а только трэдъ-юніонистская дѣятельность. Обличенія захватывали, въ сущности, только отношеніе рабочихъ *данной профессіи* къ ихъ хозяевамъ и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднѣе продавать этотъ „товаръ“ и бороться съ покупателемъ на почвѣ чисто коммерческой сдѣлки. Эти обличенія могли сдѣлаться (при условіи извѣстнаго использованія ихъ организаціей революціонеровъ) началомъ и составной частью соціаль-демократической дѣятельности, но могли также (а при условіи преклоненія предъ стихійностью должны были) вести къ „только-профессіональной“ борьбѣ и къ несоціаль-демократическому рабочему движенію. Соціаль-демократія руководитъ борьбой рабочаго класса не только за выгодныя условія продажи рабочей силы, а и за уничтоженіе того общественнаго строя, который заставляетъ неимущихъ продаваться богачамъ. Соціаль-демократія представляетъ рабочій классъ не въ его отношеніи къ данной только группѣ предпринимателей, а въ его отношеніи ко всѣмъ классамъ современнаго общества, къ государству, какъ организованной политической силѣ. Понятно отсюда, что соціаль-демократы не только не могутъ ограничиться экономической борьбой, но и не могутъ допустить, чтобы организація экономическихъ обличеній составляла ихъ преобладающую дѣятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитаніе рабочаго класса, за развитіе его политическаго сознанія. Съ этимъ *теперь*, послѣ перваго натиска на экономизмъ со стороны Зари съ Искрой, „всѣ согласны“ (хотя нѣкоторые только на словахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ).

Спрашивается, въ чемъ же должно состоять политическое воспитаніе? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочаго класса самодержавію? Конечно, нѣтъ. Недостаточно *объяснять* политическое угнетеніе рабочихъ (какъ недостаточно было *объяснять* имъ противоположность ихъ интересовъ интересамъ хозяевъ). Необходимо агитировать по

поводу каждаго конкретнаго проявленія этого угнетенія (какъ мы стали агитировать по поводу конкретныхъ проявленій экономическаго гнета). А такъ какъ *это* угнетеніе падаетъ на самые различные классы общества, такъ какъ оно проявляется въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни и дѣятельности, и профессіональной, и обще-гражданской, и личной, и семейной, и религіозной, и научной и проч. и проч., то не очевидно-ли, что *мы не исполнимъ своей задачи* развивать политическое сознаніе рабочихъ, если мы не *возьмемъ на себя* организацію *всесторонняго политическаго обличенія* самодержавія? Вѣдь для того, чтобы агитировать по поводу конкретныхъ проявленій гнета, надо обличить эти проявленія? (какъ надо было обличать фабричныя злоупотребленія, чтобы вести экономическую агитацію).

Казалось бы, это ясно? Но именно тутъ-то и оказывается, что съ необходимостью *всесторонне* развивать политическое сознаніе „всѣ" согласны только на словахъ. Тутъ-то и оказывается, что „Раб. Дѣло", напримѣръ, не только не брало на себя задачи организовать (или положить почин организаціи) всестороннихъ политическихъ обличеній, но стало *тащить назадъ* и Искру, которая взялась за эту задачу. Слушайте: „Политическая борьба рабочаго класса есть лишь" (именно не лишь) „наиболѣе развитая, широкая и дѣйствительная форма экономической борьбы" (программа Раб. Дѣла, Р. Д., № 1, стр. 3). „Теперь передъ соціаль-демократами стоитъ задача — какъ придать по возможности самой экономической борьбѣ политическій характеръ" (Мартыновъ въ № 10, стр. 42). „Экономическая борьба есть наиболѣе широко примѣнимое средство для вовлеченія массы въ активную политическую борьбу" (резолюція съѣзда Союза и „поправки": „Два съѣзда", стр. 11 и 17). Всѣ эти положенія проникаютъ собой „Раб. Дѣло", какъ видитъ читатель, съ самаго его возникновенія и вплоть до послѣднихъ „инструкцій редакціи", и всѣ они выражаютъ, очевидно, одинъ взглядъ на политическую агитацію и борьбу. Присмотритесь же къ этому взгляду съ точки зрѣнія господствующаго у всѣхъ экономистовъ мнѣнія, что политическая агитація должна *слѣдовать* за экономической. Вѣрно-ли это, что экономическая борьба есть вообще*) „наиболѣе широко

*) Мы говоримъ „вообще", ибо рѣчь идетъ въ Раб. Дѣлѣ именно объ общихъ принципахъ и общихъ задачахъ всей партіи. Несомнѣнно, что бываютъ случаи на практикѣ, когда политика дѣйствительно *должна* слѣдовать за экономикой, — но объ этомъ говорить въ резолюціи, предназначенной для всей Россіи, могутъ только экономисты. Бываютъ вѣдь и такіе случаи, когда „съ самаго начала" *можно* вести политическую агитацію „только на экономической почвѣ", — и тѣмъ не менѣе Рабоч. Дѣло додумалось наконецъ до того, что въ этомъ „нѣтъ никакой необходимости" (Два съѣзда, стр. 11). Въ слѣдующей главѣ мы покажемъ, что тактика „политиковъ" и революціонеровъ не только не игнорируетъ трэдъ-юніонистскихъ задачъ соціаль-демократіи, а напротивъ одна только и *обезпечиваетъ* послѣдовательное ихъ выполненіе.

примѣнимое средство" для вовлеченія массы въ политическую борьбу? Совершенно невѣрно. Нисколько не менѣе „широко примѣнимымъ" средствомъ такого „вовлеченія" являются *всѣ и всяческія* проявленія полицейскаго гнета и самодержавнаго безчинства, а отнюдь не такія только проявленія, которыя связаны съ экономической борьбой. Земскіе начальники и тѣлесное наказаніе крестьянъ, взяточничество чиновниковъ и обращеніе полиціи съ городскимъ „простонародьемъ", борьба съ голодающими и травля народнаго стремленія къ свѣту и знанію, выколачиваніе податей и преслѣдованіе сектантовъ, муштровка солдатъ и солдатское обращеніе съ студентами и либеральной интеллигенціей, — почему всѣ эти и тысячи другихъ подобныхъ проявленій гнета, непосредственно не связанныхъ съ „экономической" борьбой, представляютъ изъ себя вообще *менѣе* „широко примѣнимыя" средства и поводы политической агитаціи, вовлеченія массы въ политическую борьбу? Какъ разъ напротивъ: въ общей суммѣ тѣхъ жизненныхъ случаевъ, когда рабочій страдаетъ (за себя или за близкихъ ему людей) отъ безправія, произвола и насилія, — лишь небольшое меньшинство составляетъ, несомнѣнно, случаи полицейскаго гнета именно въ профессіональной борьбѣ. Къ чему же заранѣе *суживать* размахъ политической агитаціи, объявляя „наиболѣе широко примѣнимымъ" лишь *одно* изъ средствъ, наряду съ которыми для соціаль-демократа должны стоять другія, вообще говоря не менѣе „широко примѣнимыя"?

Во времена давно, давно прошедшія (годъ тому назадъ!...) Раб. Дѣло писало: „Ближайшія политическія требованія становятся доступными для массы послѣ одной или, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколькихъ стачекъ", „какъ только правительство пустило въ ходъ полицію и жандармерію" (№ 7, стр. 15, *августъ 1900 года*). Эта оппортюнистическая теорія стадій въ настоящее время уже отвергнута Союзомъ, который дѣлаетъ намъ уступку, заявляя: „нѣтъ никакой необходимости съ самаго начала вести политическую агитацію только на экономической почвѣ" („Два съѣзда", стр. 11). Будущій историкъ русской соціаль-демократіи изъ одного этого отрицанія „Союзомъ" части своихъ старыхъ заблужденій увидитъ лучше, чѣмъ изъ всякихъ длинныхъ разсужденій, до какого приниженія доводили соціализмъ наши экономисты! Но какая же наивность была со стороны Союза воображать, что цѣной этого отказа отъ одной формы суженія политики насъ можно побудить согласиться на другую форму суженія! Не логичнѣе-ли было бы и тутъ сказать, что экономическую борьбу слѣдуетъ вести какъ можно болѣе широко, что ей всегда слѣдуетъ пользоваться для политической агитаціи, но „нѣтъ никакой необходимости" считать экономическую борьбу *наиболѣе* широко примѣнимымъ средствомъ для вовлеченія массы въ активную политическую борьбу?

Союзъ придаетъ значеніе тому, что онъ замѣнилъ выраженіемъ „наиболѣе широко примѣнимое средство" выраженіе „лучшее средство", стоящее въ соотвѣтственной резолюціи 4-го съѣзда Еврейскаго Рабочаго Союза (бунда). Мы, право, затруднились бы сказать, какая изъ этихъ резолюцій лучше: по нашему мнѣнію, *обѣ хуже*. И Союзъ и Бундъ сбиваются тутъ (отчасти, можетъ быть, даже безсознательно, подъ вліяніемъ традиціи) на экономическое, трэдъ-юніонистское толкованіе политики. Дѣло нисколько, въ сущности, не мѣняется отъ того, производится ли это посредствомъ словечка: „лучшій" или посредствомъ словечка: „наиболѣе широко примѣнимый". Если бы Союзъ сказалъ, что „политическая агитація на экономической почвѣ" есть наиболѣе широко примѣняемое (а не „примѣнимое") средство, то онъ былъ бы правъ по отношенію къ извѣстному періоду въ развитіи нашего соціаль-демократическаго движенія. Именно онъ былъ бы правъ по отношенію къ *экономистамъ*, по отношенію къ многимъ практикамъ (если не къ большинству ихъ) 1898—1901 годовъ, ибо эти практики-экономисты, дѣйствительно, политическую агитацію *примѣняли* (поскольку они вообще ее примѣняли!) *почти исключительно на экономической почвѣ*. *Такую* политическую агитацію признавали и даже рекомендовали, какъ мы видѣли, и „Раб. Мысль" и группа самоосвобожденія! „Раб. Дѣло" должно было *рѣшительно осудить* то, что полезное дѣло экономической агитаціи сопровождалось вреднымъ съуженіемъ политической борьбы, а оно вмѣсто того объявляетъ наиболѣе широко примѣ*няемое (экономистами)* средство наиболѣе широко примѣ*нимымъ!* Неудивительно, что когда мы называемъ этихъ людей экономистами, имъ ничего не остается какъ ругать насъ на всѣ корки и „мистификаторами" и „дезорганизаторами" и „папскими нунціями" и „клеветниками"*), какъ плакать передъ всѣми и каждымъ, что имъ нанесли кровную обиду, какъ заявлять чуть-ли не съ клятвами: „въ экономизмѣ теперь рѣшительно ни одна соціаль-демократическая организація не повинна".**) Ахъ, эти клеветники, злые — политики! Не нарочно-ли они весь экономизмъ выдумали, чтобы наносить людямъ, изъ за одного только своего человѣконенавистничества, обиды кровныя?

Какой конкретный, реальный смыслъ имѣетъ, въ устахъ Мартынова, постановка соціаль-демократіи задачи: „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ"? Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочихъ съ хозяевами за выгодныя условія *продажи рабочей силы*, за улучшеніе условій труда и жизни рабочихъ. Эта борьба по необходимости является борьбой профессіональной, потому что

*) Подлинныя выраженія брошюры: „Два съѣзда", стр. 31, 32, 28 и 30.
**) „Два съѣзда", стр. 32.

условія труда крайне разнообразны въ разныхъ профессіяхъ и, слѣд., борьба за *улучшеніе* этихъ условій не можетъ не вестись по профессіямъ (профессіональными союзами на Западѣ, профессіональными временными соединеніями и листками въ Россіи и т. п.). Придать „самой экономической борьбѣ политическій характеръ" значитъ, слѣдовательно, добиваться осуществленія тѣхъ же профессіональныхъ требованій, того же профессіональнаго улучшенія условій труда посредствомъ „законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій" (какъ выражается Мартыновъ на слѣдующей, 43, страницѣ своей статьи). Это именно дѣлаютъ и всегда дѣлали всѣ профессіональные рабочіе союзы. Загляните въ сочиненіе основательныхъ ученыхъ (и „основательныхъ" оппортюнистовъ) супруговъ Веббъ и вы увидите, что англійскіе рабочіе союзы давнымъ-давно уже сознали и осуществляютъ задачу „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ", давнымъ давно борются за свободу стачекъ, за устраненіе всѣхъ и всяческихъ юридическихъ препятствій кооперативному и профессіональному движенію, за изданіе законовъ въ защиту женщинъ и дѣтей, за улучшеніе условій труда посредствомъ санитарнаго и фабричнаго законодательства и пр.

Такимъ образомъ за пышной фразой: „придать *самой* экономической борьбѣ политическій характеръ", которая звучитъ „ужасно" глубокомысленно и революціонно, прячется, въ сущности, традиціонное стремленіе *принизить* соціаль-демократическую политику до политики трэдъ-юніонистской! Подъ видомъ исправленія односторонности Искры, которая ставитъ — видите-ли — „революціонизированіе догмы выше революціонизированія жизни",*) намъ преподносятъ какъ нѣчто новое *борьбу за экономическія реформы*. Въ самомъ дѣлѣ, ровно ничего другого кромѣ борьбы за экономическія реформы не содержится во фразѣ: „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ". И Мартыновъ самъ бы могъ додуматься до этого нехитраго вывода, если бы хорошенько вникъ въ значеніе своихъ собственныхъ словъ. „Наша партія — говоритъ онъ, выдвигая свое самое тяжелое орудіе противъ Искры — могла бы и должна была бы ставить правительству конкретныя требованія законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій противъ экономической эксплуатаціи, противъ безработицы, противъ голода и т. д." (стр. 42—43 въ № 10 Р. Д.). Конкретныя требованія мѣропріятій — развѣ это не есть требованіе соціальныхъ реформъ? И мы спраши-

*) Р. Д., № 10, стр. 60. Это — Мартыновскій варіантъ того примѣненія къ современному, хаотическому состоянію нашего движенія тезиса: „каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины программъ", которое мы уже охарактеризовали выше. Въ сущности, это только переводъ на русскій языкъ пресловутой бернштейновской фразы: „движеніе — все, конечная цѣль — ничто".

ваемъ еще разъ безпристрастныхъ читателей, клевещемъ ли мы на рабочедѣленцевъ (да простятъ мнѣ это неуклюжее ходячее словечко!), называя ихъ скрытыми бернштейніанцами, когда они выдвигаютъ, какъ свое *разногласіе* съ Искрой, тезисъ о необходимости борьбы за экономическія реформы?

Революціонная соціаль-демократія всегда включала и включаетъ въ свою дѣятельность борьбу за реформы. Но „экономической“ агитаціей она пользуется для предъявленія правительству не только требованія всякихъ мѣропріятій, а также (и прежде всего) требованія перестать быть самодержавнымъ правительствомъ. Кромѣ того она считаетъ своей обязанностью предъявлять правительству это требованіе *не только* на почвѣ экономической борьбы, а и на почвѣ всѣхъ вообще проявленій общественно-политической жизни. Однимъ словомъ, она подчиняетъ борьбу за реформы, какъ часть цѣлому, революціонной борьбѣ за свободу и за соціализмъ. Мартыновъ же воскрешаетъ въ иной формѣ теорію стадій, стараясь предписать непремѣнно экономическій, такъ сказать, путь развитія политической борьбы. Выступая въ моментъ революціоннаго подъема съ особой якобы „задачей“ борьбы за реформы, онъ этимъ тащитъ партію назадъ и играетъ на руку и „экономическому“ и либеральному оппортюнизму.

Далѣе. Стыдливо спрятавъ борьбу за реформы подъ напыщенный тезисъ: „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ“, Мартыновъ выставилъ какъ нѣчто особое *однѣ только экономическія* (и даже однѣ только фабричныя) *реформы*. Почему онъ это сдѣлалъ, мы не знаемъ. Можетъ быть, по недосмотру? Но если бы онъ имѣлъ въ виду не только „фабричныя“ реформы, то тогда весь его тезисъ, только что нами приведенный, потерялъ бы всякій смыслъ. Можетъ быть, потому, что онъ считаетъ возможными и вѣроятными со стороны правительства „уступки“ только въ области экономической?*) Если да, то это странное заблужденіе: уступки возможны и бываютъ и въ области законодательства о розгѣ, о паспортахъ, о выкупныхъ платежахъ, о сектантствѣ, о цензурѣ и проч. и проч. „Экономическія“ уступки (или лжеуступки) для правительства, разумѣется, всего дешевле и всего выгоднѣе, ибо оно надѣется внушить этимъ довѣріе рабочимъ массамъ къ себѣ. Но именно потому мы, соціаль-демократы, и *не должны* никоимъ образомъ и абсолютно ничѣмъ давать мѣсто мнѣнію (или недоразумѣнію), будто для насъ дороже экономическія реформы, будто мы именно ихъ считаемъ особо важными и т. п. „Такія требованія — говоритъ Мартыновъ о выдвинутыхъ имъ выше конкретныхъ требованіяхъ

*) Стр. 43: „Конечно, если мы рекомендуемъ рабочимъ предъявлять извѣстныя экономическія требованія правительству, мы это дѣлаемъ потому, что въ области *экономической* самодержавное правительство по нуждѣ готово идти на извѣстныя уступки.“

законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій — не были бы пустымъ звукомъ, потому что, суля извѣстные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой“.... Мы не экономисты, о нѣтъ! Мы только пресмыкаемся такъ же рабски предъ „осязательностью“ конкретныхъ результатовъ, какъ господа Бернштейны, Прокоповичи, Струве, Р. М. и tutti quanti! Мы только даемъ понять (вмѣстѣ съ Нарцисомъ Тупорыловымъ), что все, что не „сулитъ осязательныхъ результатовъ“, есть „пустой звукъ“! Мы только выражаемся такъ, какъ будто рабочая масса не способна (и не доказала уже вопреки тѣмъ, кто сваливаетъ на нее свое филистерство, свою способность) активно поддерживать *всякій* протестъ противъ самодержавія, даже *абсолютно никакихъ осязательныхъ результатовъ ей не сулящій!*

Возьмите хотя бы тѣ же, самимъ Мартыновымъ приведенные примѣры о „мѣропріятіяхъ“ противъ безработицы и голода. Въ то время какъ „Рабоч. Дѣло“ занимается, судя по его обѣщанію, выработкой и разработкой „конкретныхъ (въ формѣ законопроектовъ?) требованій законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій“, „сулящихъ осязательные результаты“, — въ это время Искра, „неизмѣнно ставящая революціонизированіе догмы выше революціонизированья жизни“, старалась объяснить неразрывную связь безработицы со всѣмъ капиталистическимъ строемъ, предупреждала, что „голодъ идетъ“, обличала полицейскую „борьбу съ голодающими“ и возмутительныя „временно-каторжныя правила“, въ это время „Заря“ выпускала отдѣльнымъ оттискомъ, какъ агитаціонную брошюру, часть посвященнаго голоду „внутренняго обозрѣнія“. Но, боже мой, какъ „односторонни“ при этомъ были неисправимо-узкіе ортодоксы, глухіе къ велѣніямъ „самой жизни“ догматики! Ни въ одной изъ ихъ статей не было — о ужасъ! — *ни одного*, ну можете себѣ представить: рѣшительно ни одного „конкретнаго требованія“, „сулящаго осязательные результаты“! Несчастные догматики! Отдать ихъ въ науку Кричевскимъ и Мартыновымъ для убѣжденія въ томъ, что тактика есть процессъ роста, растущаго и т. д., и что нужно **самой** экономической борьбѣ придать политическій характеръ!

„Экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами и съ правительствомъ, („*экономическая* борьба съ правительствомъ“!!) кромѣ своего непосредственнаго революціоннаго значенія, имѣетъ еще то значеніе, что она наталкиваетъ рабочихъ непрерывно на вопросъ объ ихъ политическомъ безправіи“ (Мартыновъ, стр. 44). Мы выписали эту цитату не для того, чтобы повторять въ сотый и тысячный разъ сказанное уже выше, а для того, чтобы особо поблагодарить Мартынова за эту новую и превосходную формулировку: „Экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами и съ правитель-

ствомъ“. Какая прелесть! Съ какимъ неподражаемымъ талантомъ, съ какимъ мастерскимъ элиминированіемъ всѣхъ частныхъ разногласій и различій въ оттѣнкахъ между экономистами, выражена здѣсь въ краткомъ и ясномъ положеніи *вся суть* экономизма, начиная съ призыва рабочихъ къ „политической борьбѣ, которую они ведутъ въ интересахъ общихъ, имѣя въ виду улучшеніе положенія всѣхъ рабочихъ“,*) продолжая теоріей стадій, и кончая резолюціей съѣзда о „наиболѣе широкой примѣнимости“ и проч. „Экономическая борьба съ правительствомъ“ есть именно трэдъ-юніонистская политика, отъ которой до соціаль-демократической политики еще очень и очень далеко.

б) Повѣсть о томъ, какъ Мартыновъ углубилъ Плеханова.

„Какъ много появилось у насъ въ послѣднее время соціаль-демократическихъ Ломоносовыхъ!“ замѣтилъ однажды одинъ товарищъ, имѣя въ виду поразительную склонность многихъ изъ склонныхъ къ экономизму лицъ доходить непремѣнно „своимъ умомъ“ до великихъ истинъ (въ родѣ той, что экономическая борьба наталкиваетъ рабочихъ на вопросъ о безправіи), и игнорировать при этомъ, съ великолѣпнымъ пренебреженіемъ геніальнаго самородка, все то, что дало уже предъидущее развитіе революціонной мысли и революціоннаго движенія. Именно такимъ самородкомъ является Ломоносовъ-Мартыновъ. Загляните въ его статью: „Очередные вопросы“ и вы увидите, какъ онъ *подходитъ* „своимъ умомъ“ къ тому, что давно уже сказано Аксельродомъ (о которомъ нашъ Ломоносовъ, разумѣется, хранитъ полное молчаніе) какъ онъ *начинаетъ*, напримѣръ, понимать, что мы не можемъ игнорировать оппозиціонность тѣхъ или иныхъ слоевъ буржуазіи (Р. Д. № 9, стр. 61, 62, 71 — сравни съ „Отвѣтомъ“ Аксельроду редакціи Р. Дѣла, стр. 22, 23—24) и т. п. Но — увы! — только „подходитъ“ и только „начинаетъ“, не болѣе того, ибо мысли Аксельрода онъ всетаки настолько еще не понялъ, что говоритъ объ „экономической борьбѣ съ хозяевами и правительствомъ“. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1898—1901) Раб. Дѣло собиралось съ силами, чтобы понять Аксельрода, и — и всетаки его не поняло! Можетъ быть, это происходитъ тоже отъ того, что соціаль-демократія, „подобно человѣчеству“, всегда ставитъ себѣ однѣ лишь осуществимыя задачи?

Но Ломоносовы отличаются не только тѣмъ, что они многаго не знаютъ (это бы еще было полъ-бѣды!), а также и тѣмъ, что они не сознаютъ своего невѣжества. Это уже настоящая бѣда, и эта бѣда побуждаетъ ихъ сразу браться за „углубленіе“ Плеханова.

*) Раб. Мысль, Отд. Прилож., стр. 14.

„Съ тѣхъ поръ, какъ Плехановъ писалъ названную книжку (О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи), много воды утекло“ — разсказываетъ Ломоносовъ-Мартыновъ. „Соціаль-демократы, которые руководили въ теченіе 10 лѣтъ экономической борьбой рабочаго класса, ... не успѣли еще дать широкое теоретическое обоснованіе партійной тактики. Теперь этотъ вопросъ назрѣлъ, и если бы мы захотѣли дать такое теоретическое обоснованіе, мы несомнѣнно должны были бы значительно углубить тѣ принципы тактики, которые развивалъ нѣкогда Плехановъ.... Мы должны были бы теперь опредѣлить разницу между пропагандой и агитаціей иначе, чѣмъ это сдѣлалъ Плехановъ.“ (Мартыновъ только что привелъ слова Плеханова: „пропагандистъ даетъ много идей одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ, а агитаторъ даетъ только одну или только нѣсколько идей, за то онъ даетъ ихъ цѣлой массѣ лицъ“). „Подъ пропагандой мы понимали бы революціонное освѣщеніе всего настоящаго строя или частичныхъ его проявленій, безразлично, — дѣлается ли это въ формѣ доступной для единицъ или для широкой массы. Подъ агитаціей, въ строгомъ смыслѣ слова (sic!), мы понимали бы призывъ массы къ извѣстнымъ конкретнымъ дѣйствіямъ, способствованіе непосредственному революціонному вмѣшательству пролетаріата въ общественную жизнь.“

Поздравляемъ русскую — да и международную — соціаль-демократію съ новой, Мартыновской, терминологіей, болѣе строгой и болѣе глубокою. До сихъ поръ мы думали (вмѣстѣ съ Плехановымъ, да и со всѣми вожаками международнаго рабочаго движенія), что пропагандистъ, если онъ беретъ, напримѣръ, тотъ же вопросъ о безработицѣ, долженъ разъяснить капиталистическую природу кризисовъ, показать причину ихъ неизбѣжности въ современномъ обществѣ, обрисовать необходимость его преобразованія въ соціалистическое общество и т. д. Однимъ словомъ, онъ долженъ дать „много идей“, настолько много, что сразу всѣ эти идеи, во всей ихъ совокупности, будутъ усвоиваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитаторъ же, говоря о томъ же вопросѣ, возьметъ самый извѣстный всѣмъ его слушателямъ и самый выдающійся примѣръ, — скажемъ, смерть отъ голоданія безработной семьи, усиленіе нищенства и т. п. — и направитъ всѣ свои усилія на то, чтобы пользуясь этимъ, всѣмъ и каждому знакомымъ фактомъ, дать „массѣ“ *одну идею:* идею о безсмысленности противорѣчія между ростомъ богатства и ростомъ нищеты, постарается *возбудить* въ массѣ недовольство и возмущеніе этой вопіющей несправедливостью, предоставляя полное объясненіе этого противорѣчія пропагандисту. Пропагандистъ дѣйствуетъ поэтому главнымъ образомъ *печатнымъ*, агитаторъ — *живымъ* словамъ. Отъ пропагандиста требуются не тѣ качества, что отъ агитатора. Каутскаго и Лафарга мы назовемъ, напримѣръ, пропагандистами, Бебеля и Гэда — агитаторами. Выдѣлять же третью область или третью функцію практической дѣятельности, относя къ этой функціи „призывъ массы къ извѣстнымъ конкретнымъ дѣйствіямъ“ есть величайшая несуразица, ибо „призывъ“, какъ единичный актъ, либо естественно и неизбѣжно дополняетъ собой и теоретическій трактатъ и пропагандистскую брошюру

и агитаціонную рѣчь, либо составляетъ чисто исполнительную функцію. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите, напримѣръ, теперешнюю борьбу германскихъ соціаль-демократовъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Теоретики пишутъ изслѣдованія о таможенной политикѣ, „призывая“, скажемъ, бороться за торговые договоры и за свободу торговли; пропагандистъ дѣлаетъ тоже въ журналѣ, агитаторъ — въ публичныхъ рѣчахъ. „Конкретныя дѣйствія“ массы — въ данный моментъ представляютъ изъ себя подпись петицій рейхстагу о неповышеніи хлѣбныхъ пошлинъ. Призывъ къ этимъ дѣйствіямъ исходитъ посредственно отъ теоретиковъ, пропагандистовъ и агитаторовъ, непосредственно — отъ тѣхъ рабочихъ, которые разносятъ по фабрикамъ и по всяческимъ частнымъ квартирамъ подписные листы. По „Мартыновской терминологіи“ выходитъ, что Каутскій и Бебель — оба пропагандисты, а разнощики подписныхъ листовъ — агитаторы, не такъ-ли?

Примѣръ нѣмцевъ напомнилъ мнѣ нѣмецкое слово Verballhornung, по русски буквально: обалгорниваніе. Иванъ Балгорнъ былъ Лейпцигскій издатель въ 16 вѣкѣ; издалъ онъ букварь, причемъ помѣстилъ, по обычаю, и рисунокъ, изображающій пѣтуха; но только вмѣсто обычнаго изображенія пѣтуха со шпорами на ногахъ онъ изобразилъ пѣтуха безъ шпоръ, но съ парой яицъ около него. А на обложкѣ букваря добавилъ: *„исправленное* изданіе Ивана Балгорна“. Вотъ съ тѣхъ поръ нѣмцы и говорятъ Verballhornung про такое „исправленіе“, которое на дѣлѣ есть ухудшеніе. И невольно вспоминаешь про Балгорна, когда видишь, какъ Мартыновы „углубляютъ“ Плеханова. . . .

Къ чему „изобрѣлъ“ нашъ Ломоносовъ эту путаницу? Къ иллюстраціи того, что Искра „обращаетъ вниманіе только на одну сторону дѣла, такъ же, какъ Плехановъ это дѣлалъ еще полтора десятка лѣтъ тому назадъ“ (39). „У Искры, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, задачи пропаганды отодвигаютъ на задній планъ задачи агитаціи“ (52). Если перевести это послѣднее положеніе съ Мартыновскаго языка на общечеловѣческій языкъ (ибо человѣчество еще не успѣло принять вновь открытой терминологіи), то мы получимъ слѣдующее: у Искры задачи политической пропаганды и политической агитаціи отодвигаютъ на задній планъ задачу „ставить правительству конкретныя требованія законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій“, „сулящія извѣстные осязательные результаты“ (или требованія соціальныхъ реформъ, если позволительно еще хоть разочекъ употребить старую терминологію стараго человѣчества, которое еще не доросло до Мартынова). Предлагаемъ читателю сравнить съ этимъ тезисомъ слѣдующую тираду:

„Поражаетъ насъ въ этихъ программахъ“ (программахъ революціонныхъ соціаль-демократовъ) „и вѣчное выставленіе ими на первый планъ преимуществъ дѣятельности рабочихъ въ (несуществующемъ у насъ) парламентѣ при — полномъ игнорированіи ими (благодаря ихъ революціонному нигилизму) важности участія рабочихъ въ существующихъ у насъ законодательныхъ собраніяхъ фабрикантовъ по фабричнымъ дѣламъ... или хотя бы участія рабочихъ въ городскомъ самоуправленіи“...

Авторъ этой тирады выражаетъ немного прямѣе, яснѣе и откровеннѣе ту самую мысль, до которой дошелъ своимъ умомъ Ломоносовъ-Мартыновъ. Авторъ же этотъ — Р. М. въ „Отдѣльномъ Приложеніи къ „Раб. Мысли“ (стр. 15).

в) Политическія обличенія и „воспитаніе революціонной активности“.

Выдвигая противъ Искры свою „теорію“ „повышенія активности рабочей массы“, Мартыновъ на самомъ дѣлѣ обнаружилъ стремленіе *принизить* эту активность, ибо предпочтительнымъ, особо важнымъ, „наиболѣе широко примѣнимымъ“ средствомъ пробужденія и поприщемъ этой активности онъ объявилъ ту же экономическую борьбу, предъ которой пресмыкались и всѣ экономисты. Потому и характерно это заблужденіе, что оно свойственно далеко не одному Мартынову. На самомъ же дѣлѣ „повышеніе активности рабочей массы“ можетъ быть достигнуто *только* при томъ условіи, если мы *не будемъ ограничиваться* „политической агитаціей на экономической почвѣ“. А однимъ изъ основныхъ условій необходимаго расширенія политической агитаціи является организація *всестороннихъ* политическихъ обличеній. Иначе какъ на этихъ обличеніяхъ *не можетъ* воспитаться политическое сознаніе и революціонная активность массъ. Поэтому дѣятельность такого рода составляетъ одну изъ важнѣйшихъ функцій всей международной соціаль-демократіи, ибо и политическая свобода нисколько не устраняетъ, а только нѣсколько передвигаетъ сферу направленія этихъ обличеній. Напримѣръ, германская партія особенно укрѣпляетъ свои позиціи и расширяетъ свое вліяніе именно благодаря неослабной энергіи ея политически-обличительной компаніи. Сознаніе рабочаго класса не можетъ быть истинно-политическимъ сознаніемъ, если рабочіе не пріучены откликаться на *всѣ* и *всяческіе* случаи произвола и угнетенія, насилія и злоупотребленія, *къ какимъ бы классамъ* ни относились эти случаи; — и притомъ откликаться именно съ соціаль-демократической, а не съ иной какой либо точки зрѣнія. Сознаніе рабочихъ массъ не можетъ быть истинно-классовымъ сознаніемъ, если рабочіе на конкретныхъ и притомъ непремѣнно злободневныхъ (актуальныхъ) политическихъ фактахъ и событіяхъ не научатся наблюдать *каждый* изъ другихъ общественныхъ классовъ во *всѣхъ* проявленіяхъ умственной, нравственной, политической жизни этихъ классовъ; — не научатся примѣнять на практикѣ матеріалистическій анализъ и матеріалистическую оцѣнку *всѣхъ* сторонъ дѣятельности и жизни *всѣхъ* классовъ, слоевъ

и группъ населенія. Кто обращаетъ вниманіе, наблюдательность и сознаніе рабочаго класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тотъ не соціаль-демократъ, ибо самопознаніе рабочаго класса неразрывно связано съ полной отчетливостью не только теоретическихъ . . . . . вѣрнѣе даже сказать: не столько теоретическихъ, сколько на опытѣ политической жизни выработанныхъ представленій о взаимоотношеніи *всѣхъ* классовъ современнаго общества. Вотъ почему такъ глубоко вредна и такъ глубоко реакціонна по своему практическому значенію проповѣдь нашихъ экономистовъ, что экономическая борьба есть наиболѣе широко примѣнимое средство вовлеченія массъ въ политическое движеніе. Чтобы стать соціаль-демократомъ, рабочій долженъ ясно представлять себѣ экономическую природу и соціально-политическій обликъ помѣщика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать ихъ сильныя и слабыя стороны, умѣть разбираться въ тѣхъ ходячихъ фразахъ и всевозможныхъ софизмахъ, которыми *прикрываетъ* каждый классъ и каждый слой свои эгоистическія поползновенія и свое настоящее „нутро", умѣть разбираться въ томъ, какія учрежденія и законы отражаютъ и какъ именно отражаютъ тѣ или другіе интересы. А это „ясное представленіе" не почерпнешь ни изъ какой книжки: его могутъ дать только живыя картины и по горячимъ слѣдамъ составленныя обличенія того, что происходитъ въ данный моментъ вокругъ насъ, о чемъ говорятъ по своему или хотя бы перешептываются всѣ и каждый, что́ выражается въ такихъ-то событіяхъ, въ такихъ-то цифрахъ, въ такихъ-то судебныхъ приговорахъ и проч. и проч. и проч. Эти всестороннія политическія обличенія представляютъ изъ себя необходимое и *основное* условіе воспитанія революціонной активности массъ.

Почему русскій рабочій мало еще проявляетъ свою революціонную активность по поводу звѣрскаго обращенія полиціи съ народомъ, по поводу травли сектантовъ, битья крестьянъ, по поводу безобразій цензуры, истязаній солдатъ, травли самыхъ невинныхъ культурныхъ начинаній и т. п.? Не потому-ли, что его не „наталкиваетъ" на это „экономическая борьба", что ему мало „сулитъ" это „осязательныхъ результатовъ", мало даетъ „положительнаго"? Нѣтъ, подобное мнѣніе есть, повторяемъ, не что иное, какъ попытка свалить съ больной головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (бернштейніанство то-жъ) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость отъ движенія массъ, что мы не сумѣли еще организовать достаточно широкихъ, яркихъ, быстрыхъ обличеній всѣхъ этихъ гнусностей. Сдѣлай мы это (а мы должны сдѣлать и можемъ сдѣлать это) — и самый сѣрый рабочій пойметъ *или почувствуетъ*, что надъ студентомъ и сектантомъ, мужикомъ и писателемъ ругается

и безчинствуетъ та самая темная сила, которая такъ гнететъ и давитъ его на каждомъ шагу его жизни, а почувствовавъ это, онъ захочетъ, неудержимо захочетъ отозваться и самъ, онъ сумѣетъ тогда — сегодня устроить кошачій концертъ цензорамъ, завтра демонстрировать предъ домомъ усмирившаго крестьянскій бунтъ губернатора, послѣзавтра проучить тѣхъ жандармовъ въ рясѣ, что́ дѣлаютъ работу святой инквизиціи, и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сдѣлали для того, чтобы *бросать* въ рабочія массы всестороннія и свѣжія обличенія. Многіе изъ насъ и не сознаютъ еще этой своей *обязанности*, а стихійно волочатся за „сѣрой текущей борьбой" въ узкихъ рамкахъ фабричнаго быта. При такомъ положеніи дѣлъ говорить: „Искра имѣетъ тенденцію умалять значеніе поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы по сравненію съ пропагандой блестящихъ и законченныхъ идей" (Мартыновъ, стр. 61) — значитъ тащить партію назадъ, значитъ защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость.

Что же касается до призыва массы къ дѣйствію, то это выйдетъ само собой, разъ только есть на лицо энергичная политическая агитація, живыя и яркія обличенія. Поймать кого-либо на мѣстѣ преступленія и заклеймить передъ всѣми и повсюду тотчасъ же — это дѣйствуетъ само по себѣ лучше всякаго „призыва", это дѣйствуетъ зачастую такъ, что потомъ и нельзя будутъ опредѣлить, кто собственно „призывалъ" толпу и кто собственно выдвинулъ тотъ или иной планъ демонстраціи и т. п. Призвать — не въ общемъ, а въ конкретномъ смыслѣ слова — можно только на мѣстѣ дѣйствія, призвать можетъ только тотъ, кто самъ и сейчасъ идетъ. А наше дѣло, дѣло соціаль-демократическихъ публицистовъ, углублять, расширять и усиливать политическія обличенія и политическую агитацію.

Кстати о „призывахъ". *Единственнымъ органомъ*, который *до* весеннихъ событій *призвалъ* рабочихъ активно вмѣшаться въ такой, не *сулящій* рѣшительно никакихъ *осязательныхъ результатовъ* рабочему, вопросъ, какъ отдача студентовъ въ солдаты, — *была Искра*. Тотчасъ же послѣ опубликованія распоряженія 11 января объ „отдачѣ 183 студентовъ въ солдаты" Искра помѣстила статью объ этомъ (№ 2, февраль) и, *до* какого бы то ни было начала демонстрацій, прямо *звала* „рабочаго идти на помощь студенту", звала „народъ" открыто отвѣтить правительству на его дерзкій вызовъ. Мы спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: какъ и чѣмъ объяснить то выдающееся обстоятельство, что говоря такъ много о „призывахъ", выдѣляя „призывы" даже въ особый видъ дѣятельности, Мартыновъ ни словечкомъ не упомянулъ объ *этомъ* призывѣ? И не филистерствомъ-ли является послѣ этого Мартыновское объявленіе Искры *односторонней*, такъ какъ она недостаточно

„призываетъ“ къ борьбѣ за требованія, „сулящія осязательные результаты“?

Наши экономисты, и въ томъ числѣ Рабочее Дѣло, имѣли успѣхъ благодаря тому, что поддѣлывались подъ неразвитыхъ рабочихъ. Но рабочій-соціальдемократъ, рабочій-революціонеръ (а число такихъ рабочихъ все растетъ) отвергнетъ съ негодованіемъ всѣ эти разсужденія о борьбѣ за требованія, „сулящія осязательные результаты“, и проч., ибо онъ пойметъ, что это только варіанты старой пѣсенки о копѣйкѣ на рубль. Такой рабочій скажетъ своимъ совѣтчикамъ изъ „Р. Мысли“ и изъ „Раб. Дѣла“: зря вы суетитесь, господа, вмѣшиваясь черезчуръ усердно въ то дѣло, съ которымъ мы и сами справляемся, и отлынивая отъ исполненія вашихъ настоящихъ обязанностей. Совсѣмъ вѣдь это неумно, когда вы говорите, что задача соціаль-демократовъ придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ; это только начало, и не въ этомъ главная задача соціаль-демократовъ, ибо во всемъ мірѣ и въ Россіи въ томъ числѣ *полиція нерѣдко сама начинаетъ придавать* экономической борьбѣ политическій характеръ, рабочіе сами научаются понимать, за кого стоитъ правительство.*) Вѣдь та „экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами и правительствомъ“, съ которой вы носитесь, точно съ открытой вами Америкой, — ведется въ массѣ русскихъ захолустій самими рабочими, слышавшими о стачкахъ, но о соціализмѣ почитай-что ничего и не слыхавшими. Вѣдь та „активность“ насъ рабочихъ, которую вы все хотите поддерживать, выставляя конкретныя требованія, сулящія осязательные результаты, въ насъ уже есть, и мы сами, въ нашей будничной, профессіональной, мелкой работѣ выставляемъ эти конкретныя требованія зачастую безъ всякой помощи интеллигентовъ. Но намъ мало *такой* активности; мы не дѣти, которыхъ можно накормить

*) Требованіе „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ“ самымъ рельефнымъ образомъ выражаетъ *преклоненіе предъ стихійностью* въ области политической дѣятельности. Политическій характеръ экономическая борьба принимаетъ сплошь да рядомъ *стихійно* то-есть безъ вмѣшательства „революціонной бациллы — интеллигенціи“, безъ вмѣшательства сознательныхъ соціаль-демократовъ. Политическій характеръ пріобрѣла, напримѣръ, и экономическая борьба рабочихъ въ Англіи безъ всякаго участія соціалистовъ. Задача же соціаль-демократовъ не исчерпывается политической агитаціей на экономической почвѣ, задача ихъ — *превратить* эту трэдъ-юніонистскую политику въ соціаль-демократическую политическую борьбу, — *воспользоваться* тѣми проблесками политическаго сознанія, которые заронила въ рабочихъ экономическая борьба, для того, чтобы *поднять* рабочихъ до *соціаль-демократическаго* политическаго сознанія. А Мартыновы, вмѣсто того, чтобы поднимать и толкать впередъ стихійно пробуждающееся политическое сознаніе, *падаютъ ницъ передъ стихійностью* и твердятъ, до тошноты часто твердятъ, что экономическая борьба „наталкиваетъ“ рабочихъ на вопросъ объ ихъ политическомъ безправіи. Плохо то, господа, что васъ-то это стихійное пробужденіе трэдъ-юніонистскаго политическаго сознанія не *„наталкиваетъ“* на вопросъ о вашихъ соціаль-демократическихъ задачахъ!

кашицей одной „экономической“ политики; мы хотимъ знать все то, что знаютъ и другіе, мы хотимъ подробно познакомиться со *всѣми* сторонами политической жизни и *активно* участвовать во всякомъ и каждомъ политическомъ событіи. Для этого нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то, что́ мы и сами знаемъ,*) а побольше дали намъ того, чего мы еще не знаемъ, чего мы сами изъ своего фабричнаго и „экономическаго“ опыта и узнать никогда не можемъ, именно: политическаго знанія. Это знаніе можете пріобрѣсти себѣ вы, интеллигенты, и вы *обязаны* доставлять намъ его во сто и въ тысячу разъ больше, чѣмъ вы это дѣлали до сихъ поръ, и притомъ доставлять не въ видѣ только разсужденій, брошюръ и статей (которыя часто бываютъ — простите за откровенность! — скучноваты), а непремѣнно въ видѣ живыхъ *обличеній* того, что́ именно въ данное время дѣлаетъ наше правительство и наши командующіе классы во всѣхъ областяхъ жизни. Исполняйте-ка поусерднѣе эту свою обязанность, и *поменьше толкуйте о „повышеніи активности рабочей массы“*. У насъ активности гораздо больше, чѣмъ вы думаете, и мы умѣемъ поддерживать открытой, уличной борьбой даже требованія, никакихъ „осязательныхъ результатовъ“ не сулящія! И не вамъ „повышать“ нашу активность, ибо *у васъ самихъ какъ разъ активности-то и не хватаетъ*. Поменьше преклоняйтесь предъ стихійностью и побольше думайте о повышеніи *своей* активности, господа!

г) Что общаго между экономизмомъ и терроризмомъ?

Выше, въ примѣчаніи, мы сопоставили экономиста и не-соціаль-демократа-террориста, случайно оказавшихся солидар-

*) Въ подтвержденіе того, что всю эту рѣчь рабочихъ къ экономистамъ мы не зря выдумали, сошлемся на двухъ свидѣтелей, несомнѣнно знакомыхъ съ рабочимъ движеніемъ непосредственно и всего менѣе склонныхъ быть пристрастными къ намъ, „догматикамъ“, ибо одинъ свидѣтель — экономистъ (считающій даже „Рабочее Дѣло“ органомъ политическимъ!), другой — террористъ. Первый свидѣтель, авторъ замѣчательной по своей правдивости и живости статьи: „Петербургское рабочее движеніе и практическія задачи соціаль-демократіи“ въ № 6 Раб. Д. Онъ дѣлитъ рабочихъ на 1. сознательныхъ революціонеровъ; 2. промежуточный слой и 3. остальную массу. И вотъ промежуточный слой „часто интересуется больше вопросами политической жизни, чѣмъ своими ближайшими экономическими интересами, связь которыхъ съ общими соціальными условіями давно понята“... Раб. Мысль „рѣзко критикуютъ“: „все одно и то же, давно извѣстно, давно читали“, „въ политическомъ-то обозрѣніи опять ничего нѣтъ“ (стр. 30—31). Но даже и третій слой: „болѣе чуткая, болѣе молодая, менѣе развращенная кабакомъ и церковью рабочая масса, почти никогда не имѣя возможности достать книгу политическаго содержанія, толкуетъ вкривь и вкось явленія политической жизни, задумываясь надъ отрывочными свѣдѣніями о бунтѣ студентовъ“ и т. д. А террористъ пишетъ: ... „Разъ-два прочтутъ о мелочахъ фабричной жизни въ разныхъ, не своихъ городахъ, а потомъ и перестанутъ ... Скучно ... Не говорить въ рабочей газетѣ о государствѣ ... значитъ смотрѣть на рабочаго какъ на дитятко малое ... Рабочій не дитятко“ („Свобода“, изд. революціонно-соціалистической группы, стр. 69 и 70).

ными. Но вообще говоря, между тѣми и другими есть не случайная, а необходимая внутренняя связь, о которой намъ еще ниже придется говорить и коснуться которой необходимо именно по вопросу о воспитаніи революціонной активности. У экономистовъ и современныхъ террористовъ есть одинъ общій корень: это именно то *преклоненіе предъ стихійностью*, о которомъ мы говорили въ предъидущей главѣ, какъ о явленіи общемъ, и которое мы разсматриваемъ теперь въ его вліяніи на область политической дѣятельности и политической борьбы. На первый взглядъ, наше утвержденіе можетъ показаться парадоксомъ: до такой степени велика, повидимому, разница между людьми, подчеркивающими „сѣрую текущую борьбу“, — и людьми, зовущими къ наиболѣе самоотверженной борьбѣ отдѣльныхъ лицъ. Но это не парадоксъ. Экономисты и террористы преклоняются передъ разными полюсами стихійнаго теченія: экономисты — передъ стихійностью „чисто-рабочаго движенія“, террористы — предъ стихійностью самаго горячаго возмущенія интеллигентовъ, не умѣющихъ или не имѣющихъ возможности связать революціонную работу въ одно цѣлое съ рабочимъ движеніемъ. Кто извѣрился или никогда не вѣрилъ въ эту возможность, тому дѣйствительно трудно найти иной выходъ своему возмущенному чувству и своей революціонной энергіи, кромѣ террора. Такимъ образомъ, преклоненіе предъ стихійностью въ обоихъ указанныхъ нами направленіяхъ есть не что иное какъ *начало осуществленія* знаменитой программы credo: рабочіе ведутъ себѣ свою „экономическую борьбу съ хозяевами и правительствомъ“ (да проститъ намъ авторъ credo, что мы выражаемъ его мысль Мартыновскими словами! Мы находимъ, что вправѣ дѣлать это, ибо и въ credo говорится о томъ, какъ рабочіе въ экономической борьбѣ „наталкиваются на политическій режимъ“), — а интеллигенты ведутъ себѣ своими силами политическую борьбу, естественно, при помощи террора! Это совершенно логичный и неизбѣжный *выводъ*, на которомъ нельзя не настаивать, *хотя бы тѣ*, кто начинаетъ осуществлять эту программу, *сами и не сознавали* его неизбѣжности. Политическая дѣятельность имѣетъ свою логику, независящую отъ сознанія тѣхъ, кто въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ взываетъ либо къ террору либо къ приданію политическаго характера самой экономической борьбѣ. Благими намѣреніями вымощенъ адъ, и въ данномъ случаѣ благія намѣренія не спасаютъ еще отъ стихійнаго влеченія по „линіи наименьшаго сопротивленія“, по линіи *чисто буржуазной* программы credo. Не случайно вѣдь также и то обстоятельство, что многіе русскіе либералы — и явные либералы и носящіе марксистскую маску — всей душой сочувствуютъ террору и стараются поддержать подъемъ террористическихъ настроеній въ данный моментъ.

И вотъ, когда возникла „революціонно-соціалистическая группа Свобода“, поставившая себѣ задачей именно всестороннее содѣйствіе рабочему движенію, но съ включеніемъ *въ программу* террора и съ эмансипированіемъ такъ сказать, себя отъ соціаль-демократіи, — то этотъ фактъ далъ еще и еще подтвержденіе замѣчательной прозорливости П. Б. Аксельрода, который *буквально предсказалъ* эти результаты соціаль-демократическихъ шатаній *еще въ концѣ 1897 года* („Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ“) и набросалъ свои знаменитыя „двѣ перспективы“. Всѣ послѣдующіе споры и разногласія между русскими соціаль-демократами заключаются уже, какъ растеніе въ сѣмечкѣ, въ этихъ двухъ перспективахъ.*)

Съ указанной точки зрѣнія становится понятно и то, что Раб. Дѣло, не устоявшее противъ стихійности экономизма, не устояло также и противъ стихійности терроризма. Очень интересно здѣсь отмѣтить ту особенную аргументацію въ защиту террора, которую выдвинула „Свобода“. Устрашающую роль террора она „совершенно отрицаетъ“ („Возрожденіе революціонизма“, стр. 64), но за то выдвигаетъ его „экситативное (возбуждающее) значеніе“. Это характерно, во-первыхъ, какъ одна изъ стадій разложенія и упадка того традиціоннаго (досоціаль-демократическаго) круга идей, который заставлялъ держаться за терроръ. Признать, что правительство теперь „устрашить“ — а слѣдовательно и дезорганизовать — терроромъ нельзя, — значитъ, въ сущности, совершенно осудить терроръ какъ систему борьбы, какъ программой освящаемую сферу дѣятельности. Во-вторыхъ, это еще болѣе характерно, какъ образецъ непониманія нашихъ насущныхъ задачъ въ дѣлѣ „воспитанія революціонной активности массъ“. „Свобода“ пропагандируетъ терроръ какъ средство „возбуждать“ рабочее движеніе, дать ему „сильный толчекъ“. Трудно себѣ представить аргументацію, которая бы болѣе наглядно опровергала сама себя! Неужели, спрашивается, въ русской

*) Мартыновъ „представляетъ себѣ другую, болѣе реальную (?) дилемму“ (Соц.-дем. и р. классъ, 19): „либо соціаль-демократія беретъ на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетаріата и этимъ (!) превращаетъ ее въ революціонную классовую борьбу“... „Этимъ“ т. е., очевидно, непосредственнымъ руководствомъ экономической борьбой. Пусть укажетъ намъ Мартыновъ, гдѣ это видано, чтобы *однимъ только* руководствомъ профессіональной борьбой удавалось превратить трэдъюніонистское движеніе въ революціонное классовое? Не сообразитъ-ли онъ, что для этого „превращенія“ мы должны активно взяться за „непосредственное руководство“ *всесторонней* политической агитаціей?... „Либо другая перспектива: соціаль-демократія устраняется отъ руководства экономической борьбой рабочихъ и тѣмъ .... подсѣкаетъ себѣ крылья“.... „Устраняется“, по приведенному выше мнѣнію Раб. Дѣла, Искра. Но мы видѣли, что она дѣлаетъ для руководства экономической борьбой *гораздо больше, чѣмъ Раб. Дѣло*, причемъ она не ограничивается этимъ и *не суживаетъ* во имя этого своихъ политическихъ задачъ.

жизни мало еще такихъ безобразій, что нужно выдумывать особыя „возбуждающія“ средства? И, съ другой стороны, если кто не возбуждается и невозбудимъ даже русскимъ произволомъ, то не очевидно-ли, что на единоборство правительства съ горсткой террористовъ онъ тоже будетъ смотрѣть „ковыряя въ носу“? Въ томъ-то и дѣло, что рабочія массы очень возбуждаются гнусностями русской жизни, но мы не умѣемъ собирать, если можно такъ выразиться, и концентрировать всѣ тѣ капли и струйки народнаго возбужденія, которыя высачиваются русской жизнью въ количествѣ неизмѣримо большемъ, чѣмъ всѣ мы себѣ представляемъ и думаемъ, но которыя надо именно соединить въ *одинъ* гигантскій потокъ. Что это осуществимая задача, это неопровержимо доказываетъ громадный ростъ рабочаго движенія и отмѣченная уже выше жадность рабочихъ къ политической литературѣ. Призывы же къ террору, равно какъ и призывы къ тому, чтобы придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ, представляютъ изъ себя разныя формы *отлыниванья* отъ самой настоятельной обязанности русскихъ революціонеровъ: организовать веденіе всесторонней политической агитаціи. „Свобода“ хочетъ *замѣнить* агитацію терроромъ, признаваясь прямо, что „разъ начнется усиленная, энергичная агитація въ массахъ, его экситативная (возбуждающая) роль съиграна“ (стр. 68 „Возр. рев“). Это какъ разъ и показываетъ, что и террористы и экономисты *недооцѣниваютъ* революціонную активность массъ, вопреки явному свидѣтельству весеннихъ событій, причемъ одни бросаются искать искусственныхъ „возбудителей“, другіе говорятъ о „конкретныхъ требованіяхъ“. И тѣ и другіе недостаточно обращаютъ вниманіе на развитіе *своей собственной активности* въ дѣлѣ политической агитаціи и организаціи политическихъ обличеній. А *замѣнить* этого дѣла невозможно ничѣмъ другимъ ни теперь ни когда бы то ни было въ иное время.

д) Рабочій классъ какъ передовой борецъ за демократію.

Мы видѣли, что веденіе самой широкой политической агитаціи, а слѣдовательно, и организація всесторонних политическихъ обличеній есть безусловно необходимая и *настоятельнѣе всего* необходимая задача дѣятельности, если это дѣятельность истинно-соціаль-демократическая. Но мы сдѣлали этотъ выводъ, исходя *только* изъ самой насущной потребности рабочаго класса въ политическомъ знаніи и политическомъ воспитаніи. Между тѣмъ только такая постановка вопроса была бы слишкомъ узка, игнорировала бы общедемократическія задачи всякой соціаль-демократіи вообще и современной русской соціаль-демократіи въ особенности. Чтобы возможно конкретнѣе пояснить это положеніе, попробуемъ

подойти къ дѣлу съ самой „близкой“ для экономиста, именно съ практической стороны. „Всѣ согласны“, что необходимо развивать политическое сознаніе рабочаго класса. Спрашивается, *какъ* это сдѣлать и что надо для того, чтобы это сдѣлать? Экономическая борьба „наталкиваетъ“ рабочихъ только на вопросы объ отношеніи правительства къ рабочему классу и поэтому, *сколько бы мы ни трудились* надъ задачей „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ“, мы *никогда не сможемъ* развить политическое сознаніе рабочихъ (до ступени соціаль-демократическаго политическаго сознанія) въ рамкахъ этой задачи, ибо *самыя эти рамки узки*. Мартыновская формула цѣнна для насъ вовсе не потому, что она иллюстрируетъ способность Мартынова путать, а потому, что она рельефно выражаетъ основную ошибку всѣхъ экономистовъ, именно убѣжденіе, что можно развить классовое политическое сознаніе рабочихъ *изъ внутри*, такъ сказать, ихъ экономической борьбы т. е. исходя только (или хотя бы главнымъ образомъ) изъ этой борьбы, базируясь только (или хотя бы главнымъ образомъ) на этой борьбѣ. Такой взглядъ въ корнѣ ошибоченъ, — и именно потому, что экономисты, сердясь на насъ за полемику противъ нихъ, не хотятъ подумать хорошенько объ источникѣ разногласій, и получается такая вещь, что мы буквально не понимаемъ другъ друга, говоримъ на разныхъ языкахъ.

Классовое политическое сознаніе можетъ быть принесено рабочему *только изъ-внѣ*, то-есть изъ-внѣ экономической борьбы, изъ-внѣ сферы отношеній рабочихъ къ хозяевамъ. Область, изъ которой только и можно почерпнуть это знаніе, есть область отношеній *всѣхъ* классовъ и слоевъ къ государству и правительству, область взаимоотношеній между *всѣми* классами. Поэтому на вопросъ: что дѣлать, чтобы принести рабочимъ политическое знаніе? нельзя давать одинъ только тотъ отвѣтъ, которымъ въ большинствѣ случаевъ довольствуются практики, не говоря уже о практикахъ, склонныхъ къ экономизму, именно отвѣтъ: „идти къ рабочимъ“. Чтобы принести *рабочимъ* политическое знаніе, соціаль-демократы должны *идти во всѣ классы населенія*, должны разсылать *во всѣ стороны* отряды своей арміи.

Мы нарочно выбираемъ такую угловатую формулировку, нарочно выражаемся упрощенно рѣзко — вовсе не изъ желанія говорить парадоксы, а для того, чтобы хорошенько „натолкнуть“ экономистовъ на тѣ задачи, которыми они непростительно пренебрегаютъ, на то различие между трэдъюніонистской и соціаль-демократической политикой, котораго они не хотятъ понять. И потому мы просимъ читателя не горячиться, а внимательно дослушать насъ до конца.

Возьмите наиболѣе распространенный въ послѣдніе годы типъ кружка соціаль-демократовъ и присмотритесь къ его

работѣ. Онъ имѣетъ „связи съ рабочими“ и удовлетворяется этимъ, издавая листки, въ которыхъ бичуются фабричныя злоупотребленія, пристрастное къ капиталистамъ поведеніе правительства и полицейскія насилія; на собраніяхъ съ рабочими бесѣда не выходитъ обыкновенно или почти не выходитъ за предѣлы тѣхъ же темъ; рефераты и бесѣды по исторіи революціоннаго движенія, по вопросамъ внутренней и внѣшней политики нашего правительства, по вопросамъ экономической эволюціи Россіи и Европы и положенія въ современномъ обществѣ тѣхъ или иныхъ классовъ и т. п. представляютъ изъ себя величайшую рѣдкость, о систематическомъ пріобрѣтеніи и расширеніи связей въ другихъ классахъ общества никто и не помышляетъ. Въ сущности, идеаломъ дѣятеля рисуется въ большинствѣ случаевъ для членовъ такого кружка нѣчто гораздо болѣе похожее на секретаря трэдъ-юніона, чѣмъ на соціалиста-политическаго вождя. Ибо секретарь любого, напримѣръ, англійскаго трэдъ-юніона всегда помогаетъ рабочимъ вести экономическую борьбу, организуетъ фабричныя обличенія, разъясняетъ несправедливость законовъ и мѣропріятій, стѣсняющихъ свободу стачекъ, свободу выставленія сторожевыхъ постовъ (для предупрежденія всѣхъ и каждаго, что на данномъ заводѣ стачка), разъясняетъ пристрастность третейскаго судьи, принадлежащаго къ буржуазнымъ классамъ народа, и пр. и пр. Однимъ словомъ, всякій секретарь трэдъ-юніона ведетъ и помогаетъ вести „экономическую борьбу съ хозяевами и съ правительствомъ“. И нельзя достаточно настаивать на томъ, что *это еще не* соціаль-демократизмъ, что идеаломъ соціаль-демократа долженъ быть не секретарь трэдъ-юніона, а *народный трибунъ*, умѣющій откликаться на всѣ и всякія проявленія произвола и гнета, гдѣ бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умѣющій обобщать всѣ эти проявленія въ одну картину полицейскаго насилія и капиталистической эксплуатаціи, умѣющій пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *предъ всѣми* свои соціалистическія убѣжденія и свои демократическія требованія, чтобы разъяснять *всѣмъ* и каждому всемірно-историческое значеніе освободительной борьбы пролетаріата. Сравните, напримѣръ, такихъ дѣятелей, какъ Робертъ Найтъ (извѣстный секретарь и вождь общества котельщиковъ, одного изъ самыхъ могущественныхъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ) и Вильгельмъ Либкнехтъ — и попробуйте примѣнить къ нимъ тѣ противоположенія, въ которыя укладываетъ Мартыновъ свои разногласія съ Искрой. Вы увидите, — я начинаю перелистывать статью Мартынова, — что Р. Найтъ гораздо больше „призывалъ массы къ извѣстнымъ конкретнымъ дѣйствіямъ“ (39), а В. Либкнехтъ больше занимался „революціоннымъ освѣщеніемъ всего настоящаго строя или частичныхъ его проявленій“ (38—39); что Р. Найтъ „формулировалъ ближайшія требованія пролетаріата и указывалъ на средства къ ихъ осуществленію“ (41), а В. Либкнехтъ, дѣлая и это, не отказывался также „одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ“, „диктовать для нихъ положительную программу дѣйствій“*) (41); что Р. Найтъ старался именно „придать по возможности самой экономической борьбѣ политическій характеръ“ (42) и прекрасно умѣлъ „ставить правительству конкретныя требованія, сулящія извѣстные осязательные результаты“ (43), тогда какъ В. Либкнехтъ гораздо болѣе занимался „односторонними“ „обличеніями“ (40); что Р. Найтъ больше придавалъ значенія „поступательному ходу сѣрой текущей борьбы“ (61), а В. Либкнехтъ „пропагандѣ блестящихъ и законченныхъ идей“ (61); что В. Либкнехтъ создавалъ изъ руководимой имъ газеты именно „органъ революціонной оппозиціи, обличающій наши порядки и преимущественно политическіе порядки, поскольку они сталкиваются съ интересами самыхъ различныхъ слоевъ населенія“ (63), тогда какъ Р. Найтъ „работалъ для рабочаго дѣла въ тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой“ (63) — если понимать „тѣсную и органическую связь“ въ смыслѣ того преклоненія предъ стихійностью, которое мы изучали выше на примѣрахъ Кричевскаго и Мартынова — и „съуживалъ сферу своего воздѣйствія“, увѣренный, конечно, какъ и Мартыновъ, въ томъ, что онъ „тѣмъ самымъ осложнялъ самое воздѣйствіе“ (63). Однимъ словомъ, вы увидите, что de facto Мартыновъ принижаетъ соціаль-демократію до трэдъ-юніонизма, хотя дѣлаетъ онъ это, разумѣется, отнюдь не потому, чтобы онъ не желалъ добра соціаль-демократіи, а просто потому, что онъ немножечко поспѣшилъ углублять Плеханова вмѣсто того, чтобы дать себѣ трудъ понять Плеханова.

Но вернемся къ нашему изложенію. Мы сказали, что соціаль-демократъ, если онъ не на словахъ только стоитъ за необходимость всесторонняго развитія политическаго сознанія пролетаріата, долженъ „идти во всѣ классы населенія“. Являются вопросы: какъ это сдѣлать? есть-ли у насъ силы для этого? есть-ли почва для такой работы во всѣхъ другихъ классахъ? не будетъ-ли это означать отступленіе или вести къ отступленію отъ классовой точки зрѣнія? Остановимся на этихъ вопросахъ.

„Идти во всѣ классы населенія“ мы должны и въ качествѣ теоретиковъ и въ качествѣ пропагандистовъ и въ качествѣ агитаторовъ и въ качествѣ организаторовъ. Что теоретическая работа соціаль-демократовъ должна направляться на изученіе всѣхъ особенностей соціальнаго и политическаго

*) Напримѣръ, во время франко-прусской войны Либкнехтъ диктовалъ программу дѣйствій *всей демократіи*, — и еще больше дѣлали это Марксъ съ Энгельсомъ въ 1848 году.

положенія отдѣльныхъ классовъ, — въ этомъ никто не сомнѣвается. Но дѣлается въ этомъ отношеніи очень и очень мало, непропорціонально мало сравнительно съ работой, направленной на изученіе особенностей фабричнаго быта. Въ комитетахъ и кружкахъ вы встрѣтите людей, углубляющихся даже въ спеціальное ознакомленіе съ какимъ-нибудь желѣзодѣлательнымъ производствомъ, — но почти не найдете примѣровъ, чтобы члены организацій (вынужденные, какъ это часто бываетъ, отойти по тѣмъ или инымъ причинамъ отъ практической работы) спеціально занимались собираніемъ матеріаловъ по какому-нибудь злободневному вопросу нашей общественной и политической жизни, могущему дать поводъ для соціаль-демократической работы въ другихъ слояхъ населенія. Говоря о малой подготовленности большинства современныхъ руководителей рабочаго движенія, нельзя не упомянуть и о подготовкѣ въ этомъ отношеніи, ибо это тоже связано съ „экономическимъ" пониманіемъ „тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой". Но главное, разумѣется, — *пропаганда* и *агитація* во всѣхъ слояхъ народа. Западноевропейскому соціаль-демократу облегчаютъ эту задачу народныя собранія и сходки, на которыя приходитъ *всякій* желающій, — облегчаетъ парламентъ, въ которомъ онъ говоритъ предъ депутатами отъ *всѣхъ* классовъ. У насъ нѣтъ ни парламента, ни свободы сходокъ, — но мы умѣемъ тѣмъ не менѣе устраивать собранія съ рабочими, которые хотятъ слушать *соціаль-демократа*. Мы должны также умѣть устраивать собранія съ представителями всѣхъ и всяческихъ классовъ населенія, какіе только хотятъ слушать *демократа*. Ибо тотъ не соціаль-демократъ, кто забываетъ на дѣлѣ, что „коммунисты поддерживаютъ всякое революціонное движеніе", что мы обязаны поэтому *предъ всѣмъ народомъ* излагать и подчеркивать *общедемократическія задачи*, не скрывая ни на минуту своихъ соціалистическихъ убѣжденій. Тотъ не соціаль-демократъ, кто забываетъ на дѣлѣ о своей обязанности быть *впереди всѣхъ* въ постановкѣ, обостреніи и разрѣшеніи *всякаго* общедемократическаго вопроса.

„Съ этимъ рѣшительно всѣ согласны!" — перебиваетъ насъ нетерпѣливый читатель — и новая инструкція для редакціи Раб. Дѣла, принятая на послѣднемъ союзномъ съѣздѣ, прямо говоритъ: „Поводами къ политической пропагандѣ и агитаціи должны служить всѣ явленія и событія общественной и политической жизни, которыя затрагиваютъ пролетаріатъ либо непосредственно какъ особый классъ, либо какъ *авангардъ всѣхъ революціонныхъ силъ въ борьбѣ за свободу*" („Два съѣзда", стр. 17, курсивъ нашъ). Да, это очень вѣрныя и очень хорошія слова, и мы были бы вполнѣ довольны, если Р. Дѣло *понимало* ихъ, *если бы оно не говорило наряду съ этими словами того, что идетъ въ разрѣзъ съ ними*. Мало вѣдь назвать себя

„авангардомъ", передовымъ отрядомъ, — надо и дѣйствовать такъ, чтобы *всѣ* остальные отряды видѣли и вынуждены были признать, что мы идемъ впереди. И мы спрашиваемъ читателя: неужели же представители остальныхъ „отрядовъ" такіе дураки, чтобы повѣрить намъ на слово насчетъ „авангарда"? Представьте только себѣ конкретно такую картину. Въ „отрядъ" русскихъ образованныхъ радикаловъ или либеральныхъ конституціоналистовъ является соціаль-демократъ и говоритъ: мы — авангардъ; „теперь передъ нами стоитъ задача — какъ придать по возможности самой экономической борьбѣ политическій характеръ". Сколько нибудь умный радикалъ или конституціоналистъ (а среди русскихъ радикаловъ и конституціоналистовъ много умныхъ людей) только усмѣхнется, услыхавъ такую рѣчь, и скажетъ (про себя, конечно, ибо онъ въ большинствѣ случаевъ опытный дипломатъ): „ну, и простоватъ же этотъ „авангардъ"! Не понимаетъ даже того, что вѣдь это наша задача, задача передовыхъ представителей буржуазной демократіи — придать *самой* экономической борьбѣ рабочихъ политическій характеръ. Вѣдь и мы, какъ и всѣ западно-европейскіе буржуа, хотимъ втянуть рабочихъ въ политику, *но только именно въ трэдъ-юніонистскую, а не въ соціаль-демократическую политику*. Трэдъ-юніонистская политика рабочаго класса есть именно *буржуазная политика* рабочаго класса. А формулировка этимъ „авангардомъ" его задачи есть именно формулировка трэдъ-юніонистской политики! Поэтому пускай даже называютъ они себя, сколько угодно, соціаль-демократами. Не ребенокъ же я, въ самомъ дѣлѣ, чтобы мнѣ изъ за ярлыковъ горячиться! Только пусть не поддаются этимъ зловреднымъ ортодоксальнымъ догматикамъ, пусть оставляютъ „свободу критики" за тѣми, кто безсознательно тащитъ соціаль-демократію въ трэдъ-юніонистское русло!"

И легкая усмѣшка нашего конституціоналиста превратится въ гомерическій хохотъ, когда онъ узнаетъ, что говорящіе объ авангардѣ соціаль-демократіи соціаль-демократы въ настоящее время почти полнаго господства стихійности въ нашемъ движеніи всего больше на свѣтѣ боятся „преуменьшенія стихійнаго элемента", боятся „уменьшить значеніе поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы по сравненію съ пропагандой блестящихъ и законченныхъ идей" и проч. и проч.! „Передовой" отрядъ, который боится, какъ бы сознательность не обогнала стихійности, который боится выдвинуть смѣлый „планъ", вынуждающій общее признаніе и у несогласно мыслящихъ! Да ужъ не смѣшиваютъ ли они слово авангардъ съ словомъ арьергардъ?

Вдумайтесь, въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующее разсужденіе Мартынова. Онъ говоритъ на стр. 42, что обличительная тактика Искры одностороння, что „сколько бы мы ни сѣяли

недовѣрія и ненависти къ правительству, мы цѣли не достигнемъ, покуда намъ не удастся развить достаточную активную общественную энергію для его низверженія". Это, въ скобкахъ сказать, знакомая уже намъ забота о повышеніи активности массы при стремленіи принизить свою активность. Но дѣло теперь не въ этомъ. Мартыновъ говоритъ здѣсь, слѣдовательно, о *революціонной* энергіи („для низверженія"). И къ какому же онъ приходитъ выводу? Такъ какъ въ обычное время разные общественные слои неизбѣжно идутъ вразбродъ, то „въ виду этого ясно, что мы, соціаль-демократы, не можемъ одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ, не можемъ для нихъ диктовать положительную программу дѣйствій, не можемъ имъ указывать, какими способами слѣдуетъ изо дня въ день бороться за свои интересы. . . . Либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбѣ за свои ближайшіе интересы, которая ихъ столкнетъ лицомъ къ лицу съ нашимъ политическимъ режимомъ" (41). Такимъ образомъ, начавъ говорить о революціонной энергіи, объ активной борьбѣ за низверженіе самодержавія, Мартыновъ сейчасъ же сбился на профессіональную энергію, на активную борьбу за ближайшіе интересы! Понятно само собой, что мы не можемъ руководить борьбой студентовъ, либераловъ и проч. за ихъ „ближайшіе интересы", но вѣдь не объ этомъ же была рѣчь, почтеннѣйшій экономистъ! Рѣчь шла о возможномъ и необходимомъ участіи разныхъ общественныхъ слоевъ въ низверженіи самодержавія, а *этой* „активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ" мы не только *можемъ*, но и непремѣнно должны руководить, если мы хотимъ быть „авангардомъ". О томъ, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. „сталкивались лицомъ къ лицу съ нашимъ политическимъ режимомъ" позаботятся не только они сами, — объ этомъ прежде всего и больше всего позаботится сама полиція и сами чиновники самодержавнаго правительства. Но „мы", если мы хотимъ быть передовыми демократами, должны позаботиться о томъ, чтобы *наталкивать* людей, недовольныхъ собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политическаго порядка. *Мы* должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу подъ руководствомъ *нашей* партіи, чтобы посильную помощь этой борьбѣ и этой партіи могли оказывать и дѣйствительно стали оказывать всѣ и всякіе оппозиціонные слои. *Мы* должны вырабатывать изъ практиковъ-соціаль-демократовъ такихъ политическихъ вождей, которые бы умѣли руководить всѣми проявленіями этой всесторонней борьбы, умѣли въ нужную минуту „продиктовать положительную программу дѣйствій" и волнующимся студентамъ и недовольнымъ земцамъ и возмущеннымъ

сектантамъ и обиженнымъ народнымъ учителямъ и проч. и проч. Поэтому *совершенно невѣрно* утвержденіе Мартынова, что „по отношенію къ нимъ мы можемъ выступать *лишь въ отрицательной* роли обличителя порядковъ. . . . Мы можемъ *только* разсѣивать ихъ надежды на разныя правительственныя коммиссіи" (курсивъ нашъ). Говоря это, Мартыновъ показываетъ тѣмъ самымъ, что онъ *ровнехонько ничего не понимаетъ* въ вопросѣ о дѣйствительной роли революціоннаго „авангарда". И если читатель приметъ это во вниманіе, то ему станетъ понятенъ *истинный смыслъ* слѣдующихъ заключительныхъ словъ Мартынова: „Искра есть органъ революціонной оппозиціи, обличающій наши порядки и преимущественно политическіе порядки, поскольку они сталкиваются съ интересами самыхъ различныхъ слоевъ населенія. Мы же работаемъ и будемъ работать для рабочаго дѣла въ тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздѣйствія, мы тѣмъ самымъ осложняемъ самое воздѣйствіе" (63). Истинный смыслъ этого вывода такой: Искра хочетъ *поднимать* трэдъ-юніонистскую политику рабочаго класса (которой по недоразумѣнію, неподготовленности или по убѣжденію ограничиваются у насъ такъ часто практики) до соціаль-демократической политики. А Раб. Дѣло хочетъ *принижать* соціаль-демократическую политику до трэдъ-юніонистской. И при этомъ еще оно увѣряетъ всѣхъ и каждаго, что это — „вполнѣ совмѣстимыя позиціи въ общемъ дѣлѣ" (63). O sancta simplicitas!

Пойдемъ дальше. Есть-ли у насъ силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацію во *всѣ* классы населенія? Конечно, да. Наши экономисты, склонные нерѣдко отрицать это, упускаютъ изъ виду тотъ гигантскій шагъ впередъ, который сдѣлало наше движеніе съ 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные „хвостисты", они живутъ зачастую въ представленіяхъ давно миновавшаго періода начала движенія. Тогда у насъ дѣйствительно было поразительно мало силъ, тогда была естественна и законна рѣшимость всецѣло уйти въ работу среди рабочихъ и сурово осуждать всякія отклоненія отъ нея, тогда вся задача состояла въ томъ, чтобы упрочиться въ рабочемъ классѣ. Теперь въ движеніе втянута гигантская масса силъ, къ намъ идутъ всѣ лучшіе представители молодого поколѣнія образованныхъ классовъ, вездѣ и повсюду по всей провинціи вынуждены сидѣть люди, принимавшіе уже или желающіе принять участіе въ движеніи, люди, тяготѣющіе къ соціаль-демократіи (тогда какъ въ 1894 г. по пальцамъ можно было пересчитать русскихъ соціаль-демократовъ). Одинъ изъ основныхъ политическихъ и организаціонныхъ недостатковъ нашего движенія, — что мы *не умѣемъ* занять всѣ эти силы, дать всѣмъ подходящую работу (подробнѣе мы скажемъ объ этомъ въ слѣдующей главѣ).

Громадное большинство этихъ силъ совершенно лишено возможности „идти къ рабочимъ“, такъ что объ опасности отвлечь силы отъ нашего основного дѣла не можетъ быть и рѣчи. А для доставленія рабочимъ настоящаго, всесторонняго и живого политическаго знанія необходимы „свои люди“, соціаль-демократы, вездѣ и повсюду, во всѣхъ общественныхъ слояхъ, на всякихъ позиціяхъ, дающихъ возможность знать внутреннія пружины нашего государственнаго механизма. И необходимы такіе люди не только въ пропагандистскомъ и агитаціонномъ, но еще болѣе въ организаціонномъ отношеніи.

Есть-ли почва для дѣятельности во всѣхъ классахъ населенія? Кто не видитъ этого, тотъ опять таки отстаетъ своей сознательностью отъ стихійнаго подъема массъ. Рабочее движеніе вызвало и продолжаетъ вызывать недовольство въ однихъ, надежды на поддержку оппозиціи въ другихъ, сознаніе невозможности самодержавія и неизбѣжности его краха въ третьихъ. Мы были бы только на словахъ „политиками“ и соціаль-демократами (какъ очень и очень часто бываетъ въ дѣйствительности), если бы не сознавали своей задачи использовать всѣ и всякія проявленія недовольства, собрать и подвергнуть обработкѣ всѣ крупицы хотя бы зародышеваго протеста. Не говоримъ уже о томъ, что вся многомилліонная масса трудящагося крестьянства, кустарей, мелкихъ ремесленниковъ и проч. всегда жадно стала бы слушать проповѣдь сколько-нибудь умѣлаго соціаль-демократа. Но развѣ можно указать хотя бы одинъ классъ населенія, въ которомъ не было бы людей, группъ и кружковъ, недовольныхъ безправіемъ и произволомъ, а потому доступныхъ проповѣди соціаль-демократа какъ выразителя самыхъ наболѣвшихъ общедемократическихъ нуждъ? А кто хочетъ конкретно представить себѣ эту политическую агитацію соціаль-демократа во *всѣхъ* классахъ и слояхъ населенія, тому мы укажемъ на *политическія обличенія* въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ на главное (но разумѣется, не единственное) средство этой агитаціи.

„Мы должны“ — писалъ я въ статьѣ „Съ чего начать“ (Искра № 4, май 1901), о которой намъ придется подробно бесѣдовать ниже — „пробудить во всѣхъ сколько-нибудь сознательныхъ слояхъ народа страсть *политическихъ* обличеній. Не надо смущаться тѣмъ, что политически обличительные голоса такъ слабы, рѣдки и робки въ настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примиреніе съ полицейскимъ произволомъ. Причина та, что у людей, способныхъ и готовыхъ обличать, нѣтъ трибуны, съ которой бы они могли говорить, — нѣтъ аудиторіи, страстно слушающей и ободряющей ораторовъ, — что они не видятъ нигдѣ въ народѣ такой силы, къ которой бы стоило труда обращаться съ жалобой на „всемогущее“ русское правительство... Мы въ состояніи теперь и мы обязаны создать трибуну для всенароднаго обличенія царскаго правительства; такой трибуной должна быть соціальдемократическая газета“.

Именно такой идеальной аудиторіей для политическихъ обличеній является рабочій классъ, которому всестороннее и

живое политическое знаніе нужно прежде всего и больше всего; который наиболѣе способенъ претворять это знаніе въ активную борьбу, хотя бы она никакихъ „осязательныхъ результатовъ“ и не сулила. А трибуной для *всенародныхъ* обличеній можетъ быть только общерусская газета. „Безъ политическаго органа немыслимо въ современной Европѣ движеніе, заслуживающее названіе политическаго“, а Россія въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, относится также къ современной Европѣ. Печать давно стала уже у насъ силой — иначе бы правительство не тратило десятковъ тысячъ рублей на подкупъ ея и на субсидированіе разныхъ Катковыхъ и Мещерскихъ. И не новость въ самодержавной Россіи, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и *заставляла* открыто говорить о себѣ легальные и консервативные органы. Такъ было и въ 70-хъ и даже въ 50-хъ годахъ. А во сколько разъ шире и глубже теперь тѣ народные слои, которые готовы читать нелегальную печать и учиться по ней, „какъ жить и какъ умереть“, употребляя выраженіе рабочаго, обратившагося съ письмомъ въ Искру (№ 7). Политическія обличенія являются именно такимъ объявленіемъ войны *правительству*, какъ экономическія обличенія — объявляютъ войну фабриканту. И это объявленіе войны имѣетъ тѣмъ большее нравственное значеніе, чѣмъ шире и сильнѣе эта обличительная кампанія, чѣмъ многочисленнѣе и рѣшительнѣе тотъ общественный *классъ*, который *объявляетъ войну, чтобы начать войну*. Политическія обличенія являются поэтому уже сами по себѣ однимъ изъ могучихъ средствъ *разложенія* враждебнаго строя, средствъ отвлеченія отъ врага его случайныхъ или временныхъ союзниковъ, средствъ посѣять вражду и недовѣріе между постоянными участниками самодержавной власти.

Авангардомъ революціонныхъ силъ сумѣетъ стать въ наше время только партія, которая *съорганизуетъ* дѣйствительно *всенародныя* обличенія. А это слово: „всенародныя“ имѣетъ очень большое содержаніе. Громадное большинство обличителей изъ не-рабочаго класса (а чтобы стать авангардомъ, надо именно привлечь другіе классы) — трезвые политики и хладнокровные дѣловые люди. Они прекрасно знаютъ, какъ небезопасно „жаловаться“ даже на низшаго чиновника, а не то что на „всемогущее“ русское правительство. И они обратятся *къ намъ* съ жалобой только тогда, когда увидятъ, что эта жалоба дѣйствительно способна оказать дѣйствіе, что мы представляемъ изъ себя *политическую силу*. Чтобы стать таковой въ глазахъ постороннихъ лицъ, надо много и упорно работать надъ *повышеніемъ* нашей сознательности, иниціативности и энергіи; для этого недостаточно повѣсить ярлыкъ „авангардъ“ на теорію и практику арьергарда.

Но если мы должны взять на себя организацію дѣйствительно всенародныхъ обличеній правительства, то въ чемъ же выразится тогда классовый характеръ нашего движенія? — спроситъ и спрашиваетъ уже насъ усердный не по разуму поклонникъ „тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой“. — Да вотъ именно въ томъ, что организуемъ эти всенародныя обличенія мы, соціаль-демократы; — въ томъ, что освѣщеніе всѣхъ поднимаемыхъ агитаціей вопросовъ будетъ даваться въ неуклонно соціаль-демократическомъ духѣ безъ всякихъ потачекъ умышленнымъ и неумышленнымъ искаженіямъ марксизма; въ томъ, что вести эту всестороннюю политическую агитацію будетъ партія, соединяющая въ одно неразрывное цѣлое и натискъ на правительство отъ имени всего народа и революціонное воспитаніе пролетаріата наряду съ охраной его политической самостоятельности и руководство экономической борьбой рабочаго класса, утилизацію тѣхъ стихійныхъ столкновеній его съ его эксплуататорами, которыя поднимаютъ и привлекаютъ въ нашъ лагерь новые и новые слои пролетаріата!

Но одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ экономизма является именно непониманіе этой связи — болѣе того: этого совпаденія самой насущной потребности пролетаріата (всестороннее политическое воспитаніе посредствомъ политической агитаціи и политическихъ обличеній) и потребности общедемократическаго движенія. Непониманіе выражается не только въ „Мартыновскихъ“ фразахъ, но также и въ тождественныхъ по смыслу съ этими фразами ссылкахъ на классовую якобы точку зрѣнія. Вотъ, напр., какъ выражаются объ этомъ авторы „экономическаго“ письма въ № 12 „Искры“:*) „Тотъ же основной недостатокъ „Искры“ (переоцѣнка идеологіи) является причиной ея непослѣдовательности въ вопросахъ объ отношеніи соціаль-демократіи къ различнымъ общественнымъ классамъ и направленіямъ. Рѣшивъ посредствомъ теоретическихъ выкладокъ“... (а не посредствомъ „роста партійныхъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей“...) „задачу о немедленномъ переходѣ къ борьбѣ противъ абсолютизма и чувствуя, вѣроятно, всю трудность этой задачи для рабочихъ при настоящемъ положеніи дѣлъ“... (и не только чувствуя, но прекрасно зная, что рабочимъ эта задача кажется менѣе трудной, чѣмъ заботящимся о малыхъ дѣтяхъ „экономическимъ“ интеллигентамъ, ибо рабочіе готовы драться

*) Недостатокъ мѣста не позволилъ намъ въ „Искрѣ“ съ полной обстоятельностью отвѣтить на это крайне характерное для экономистовъ письмо. Мы были очень рады его появленію, ибо толки о невыдержанности классовой точки зрѣнія въ „Искрѣ“ доходили до насъ уже давно и съ самыхъ различныхъ сторонъ и мы искали только удобнаго случая или оформленнаго выраженія ходячаго обвиненія, чтобы отвѣтить на него. А отвѣчать на нападенія мы привыкли не защитой, а контръ-нападеніемъ.

даже за требованія, не сулящія, говоря языкомъ незабвеннаго Мартынова, никакихъ „осязательныхъ результатовъ“)... „но не имѣя терпѣнія ждать дальнѣйшаго накопленія ими силъ для этой борьбы, Искра начинаетъ искать союзниковъ въ рядахъ либераловъ и интеллигенціи“...

Да, да, мы дѣйствительно потеряли уже всякое „терпѣніе“ „ждать“ того блаженнаго, давнымъ давно уже намъ всякими „примирителями“ обѣщаннаго, времени, когда наши экономисты перестанутъ сваливать *свою* отсталость на рабочихъ, оправдывать недостатокъ своей энергіи недостаткомъ будто бы силъ у рабочихъ. Мы спросимъ нашихъ экономистовъ: въ чемъ должно состоять „накопленіе рабочими силъ для этой борьбы“? Не очевидно ли, что въ политическомъ воспитаніи рабочихъ, въ изобличеніи предъ ними *всѣхъ* сторонъ нашего гнуснаго самодержавія? И не ясно ли, что *какъ разъ для этой работы* намъ и нужны „союзники въ рядахъ либераловъ и интеллигенціи“, готовые дѣлиться съ нами обличеніями политическаго похода на земцевъ, учителей, статистиковъ, студентовъ и проч.? Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ уже трудно понять эту удивительно „хитрую механику“? Неужели П. Б. Аксельродъ не твердитъ уже вамъ съ 1897 года: „Задача пріобрѣтенія русскими соціаль-демократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ пропагандистской дѣятельности въ средѣ самаго пролетаріата“? А Мартыновы и прочіе экономисты все-таки продолжаютъ представлять себѣ дѣло такъ, что рабочіе *сначала* должны „экономической борьбой съ хозяевами и съ правительствомъ“ накопить себѣ силы (для трэдъ-юніонистской политики), а *потомъ* уже „перейти“ — должно быть, отъ трэдъ-юніонистскаго „воспитанія активности“ къ соціаль-демократической активности!

...„Въ своихъ поискахъ — продолжаютъ экономисты — Искра нерѣдко сходитъ съ классовой точки зрѣнія, затушевывая классовыя противорѣчія и выдвигая на первый планъ общность недовольства правительствомъ, хотя причины и степень этого недовольства у „союзниковъ“ весьма различны. Таковы, напр., отношенія Искры къ земству“... Искра будто бы „обѣщаетъ неудовлетвореннымъ правительственными подачками дворянамъ помощь рабочаго класса, ни словомъ при этомъ не обмолвившись о классовой розни этихъ слоевъ населенія“. Если читатель обратится къ статьямъ „Самодержавіе и Земство“ (№ 2 и 4 Искры), о которыхъ, *вѣроятно*, говорятъ авторы письма, то увидитъ, что эти статьи*) посвящены отношенію *правительства* къ „мягкой агитаціи сословно-бю-

*) А *между* этими статьями (№ 3 Искры) была помѣщена статья спеціально о классовыхъ антагонизмахъ въ нашей деревнѣ.

рократическаго земства“, къ „самодѣятельности *даже* имущихъ классовъ“. Въ статьѣ говорится, что рабочему нельзя смотрѣть равнодушно на борьбу правительства противъ земства, и земцы приглашаются бросить мягкія рѣчи и сказать твердое и рѣзкое слово, когда предъ правительствомъ встанетъ во весь ростъ революціонная соціаль-демократія. Съ чѣмъ несогласны тутъ авторы письма? — неизвѣстно. Думаютъ ли они, что рабочій „не пойметъ“ словъ: „имущіе классы“ и „сословно-бюрократическое земство“? — что *подталкиваніе* земцевъ къ переходу отъ мягкихъ къ рѣзкимъ словамъ есть „переоцѣнка идеологіи“? Воображаютъ ли они, что рабочіе могутъ „накопить въ себѣ силы“ для борьбы съ абсолютизмомъ, если они не будутъ знать объ отношеніи абсолютизма *и* къ земству? Все это опять таки остается неизвѣстнымъ. Ясно только одно: что авторы очень смутно представляютъ себѣ политическія задачи соціаль-демократіи. Еще яснѣе это изъ ихъ фразы: „Таково же“ (т. е. тоже „затемняющее классовые антагонизмы“) „отношеніе Искры и къ студенческому движенію“. Вмѣсто призыва рабочихъ публичной демонстраціей заявить, что настоящимъ очагомъ насилія, безчинства и разнузданности является не студенчество, а русское правительство (№ 2 Искры) — мы должны были, вѣроятно, помѣстить разсужденіе въ духѣ „Р. Мысли“! И подобныя мысли высказываются соціаль-демократами осенью 1901 года, послѣ февральскихъ и мартовскихъ событій, наканунѣ новаго студенческаго подъема, обнаруживающаго, что и въ этой области „стихійность“ протеста противъ самодержавія *обгоняетъ* сознательное руководство движеніемъ со стороны соціаль-демократіи. Стихійное стремленіе рабочихъ заступиться за избиваемыхъ полиціей и казаками студентовъ обгоняетъ сознательную дѣятельность соціаль-демократической организаціи!

„Между тѣмъ въ другихъ статьяхъ — продолжаютъ авторы письма — Искра рѣзко осуждаетъ всякіе компромиссы и выступаетъ, напримѣръ, на защиту нетерпимаго поведенія гедистовъ“. Мы совѣтуемъ людямъ, которые такъ самоувѣренно и такъ легкомысленно заявляютъ обыкновенно по поводу разногласій въ средѣ современныхъ соціаль-демократовъ, что де эти разногласія не существенны и раскола не оправдываютъ, — пораздумать хорошенько надъ этими словами. Возможна ли успѣшная работа въ одной организаціи людей, которые говорятъ, что въ дѣлѣ выясненія враждебности самодержавія самымъ различнымъ классамъ, въ дѣлѣ ознакомленія рабочихъ съ оппозиціей самодержавію самыхъ различныхъ слоевъ мы сдѣлали еще поразительно мало — и людей, которые видятъ въ этомъ дѣлѣ „компромиссъ“, очевидно, компромиссъ съ теоріей „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ“?

Мы говорили о необходимости внести классовую борьбу въ деревню по поводу сорокалѣтія освобожденія крестьянъ (№ 3) и о непримиримости самоуправленія и самодержавія по поводу тайной записки Витте (№ 4); мы нападали на крѣпостничество землевладѣльцевъ и служащаго имъ правительства по поводу новаго закона (№ 8) и привѣтствовали нелегальный земскій съѣздъ, поощряя земцевъ перейти къ борьбѣ отъ униженныхъ ходатайствъ (№ 8); — мы поощряли студентовъ, начинавшихъ понимать необходимость политической борьбы и переходившихъ къ таковой (№ 3) и въ то же время бичевали „дикое непониманіе“, обнаруженное сторонниками „только студенческаго“ движенія, приглашавшими студентовъ не участвовать въ уличныхъ демонстраціяхъ (№ 3, по поводу воззванія Исполнительнаго Комитета московскаго студенчества отъ 25 февраля); — мы разоблачали „безсмысленныя мечтанія“ и „лживое лицемѣріе“ либеральныхъ лукавцевъ газеты „Россія“ (№ 5) и въ тоже время отмѣчали бѣшенство правительственнаго застѣнка, который „творилъ расправу надъ мирными литераторами, надъ старыми профессорами и учеными, надъ извѣстными либеральными земцами“ (№ 5: „Полицейскій набѣгъ на литературу“); мы разоблачали настоящее значеніе программы „государственной попечительности о благоустройствѣ быта рабочихъ“ и привѣтствовали „цѣнное признаніе“, что „лучше преобразованіями сверху предупредить требованія таковыхъ снизу, чѣмъ дожидаться послѣдняго“ (№ 6); — мы поощряли статистиковъ-протестантовъ (№ 7) и порицали статистиковъ-штрейкбрехеровъ (№ 9). Кто усматриваетъ въ этой тактикѣ затемнѣніе классоваго сознанія пролетаріата и *компромиссъ съ либерализмомъ*, — тотъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что онъ совершеннно не понимаетъ истиннаго значенія программы credo и de facto *проводитъ именно эту программу*, сколько бы онъ отъ нея ни отрекался! Потому что онъ *тѣмъ самымъ* тащитъ соціаль-демократію къ „экономической борьбѣ съ хозяевами и съ правительствомъ“ и *пасуетъ предъ либерализмомъ*, отказываясь отъ задачи активно вмѣшиваться въ *каждый* „либеральный“ вопросъ и опредѣлять *свое*, соціаль-демократическое, отношеніе къ этому вопросу.

е) Еще разъ „клеветники“, еще разъ „мистификаторы“.

Эти любезныя слова принадлежатъ, какъ помнитъ читатель, „Раб. Дѣлу“, которое отвѣчаетъ такимъ образомъ на наше обвиненіе его въ „косвенномъ подготовленіи почвы для превращенія рабочаго движенія въ орудіе буржуазной демократіи“. Въ простотѣ душевной, Раб. Дѣло рѣшило, что это обвиненіе есть не что иное какъ полемическая выходка: порѣшили, дескать, эти злые догматики наговорить намъ вся-

кихъ непріятностей: ну, а что-же можетъ быть болѣе непріятнаго какъ явиться орудіемъ буржуазной демократіи? И вотъ печатается жирнымъ шрифтомъ „опроверженіе“: „ничѣмъ не прикрашенная клевета“ (Два съѣзда, стр. 30), „мистификація“ (31), „маскарадъ“ (33). Подобно Юпитеру, Р. Дѣло (хотя оно и мало похоже на Юпитера), сердится именно потому, что оно неправо, доказывая своими торопливыми ругательствами неспособность вдуматься въ ходъ мысли своихъ противниковъ. А вѣдь немного надо бы подумать, чтобы понять, почему *всякое* преклоненіе предъ стихійностью массоваго движенія, *всякое* приниженіе соціаль-демократической политики до трэдъ-юніонистской есть именно подготовленіе почвы для превращенія рабочаго движенія въ орудіе буржуазной демократіи. Стихійное рабочее движеніе само по себѣ способно создать (и неизбѣжно создаетъ) только трэдъ-юніонизмъ, а трэдъ-юніонистская политика рабочаго класса есть именно буржуазная политика рабочаго класса. Участіе рабочаго класса въ политической борьбѣ и даже въ политической революціи нисколько еще не дѣлаетъ его политики соціаль-демократической политикой. Не вздумаетъ ли отрицать это Р. Дѣло? Не вздумаетъ ли оно наконецъ изложить передъ всѣми прямо и безъ увертокъ свое пониманіе наболѣвшихъ вопросовъ международной и русской соціаль-демократіи? — О нѣтъ, оно никогда не вздумаетъ ничего подобнаго, ибо оно твердо держится того пріема, который можно назвать пріемомъ „сказываться въ нѣтяхъ“. Я не я, лошадь не моя, я не извощикъ. Мы не экономисты, Раб. Мысль не экономизмъ, въ Россіи нѣтъ вообще экономизма. Это — замѣчательно ловкій и „политичный“ пріемъ, имѣющій только то маленькое неудобство, что органы, его практикующіе, принято называть кличкой: „чего изволите?“

„Раб. Дѣлу“ кажется, что вообще буржуазная демократія въ Россіи есть „фантомъ“ (Два съѣзда. с. 32*). Счастливые люди! Подобно страусу, прячутъ они голову подъ крыло, и воображаютъ, что отъ этого исчезаетъ все окружающее. Рядъ либеральныхъ публицистовъ, ежемѣсячно оповѣщающихъ всѣхъ о своемъ торжествѣ по поводу распаденія и даже исчезновенія марксизма; рядъ либеральныхъ газетъ (СПБ. Вѣдомости, Русскія Вѣд. и мн. др.), поощряющихъ тѣхъ либераловъ, которые несутъ рабочимъ брентановское пониманіе

*) Здѣсь же ссылка на „конкретныя русскія условія, фатально толкающія рабочее движеніе на революціонный путь“. Не хотятъ люди понять того, что революціонный путь рабочаго движенія можетъ еще быть и не соціаль-демократическимъ путемъ! Вѣдь вся западно-европейская буржуазія при абсолютизмѣ „толкала“, сознательно толкала рабочихъ на революціонный путь. Мы же, соціаль-демократы, не можемъ удовлетвориться этимъ. И если мы чѣмъ бы то ни было принижаемъ соціаль-демократическую политику до стихійной, трэдъ-юніонистской политики, то мы именно этимъ и играемъ на руку буржуазной демократіи.

классовой борьбы и трэдъ-юніонистское пониманіе политики; — плеяда критиковъ марксизма, истинныя тенденціи которыхъ такъ хорошо раскрыло credo и литературные товары которыхъ одни только безданно-безпошлинно гуляютъ по Россіи; — оживленіе революціонныхъ *не*соціаль-демократическихъ направленій, особенно послѣ февральскихъ и мартовскихъ событій; — все это, должно быть, фантомъ! Все это не имѣетъ ровно никакого отношенія къ буржуазной демократіи!

Раб. Дѣлу, какъ и авторамъ экономическаго письма въ № 12 Искры, слѣдовало бы „пораздумать надъ тѣмъ, почему это весеннія событія вызвали такое оживленіе революціонныхъ несоціаль-демократическихъ направленій, вмѣсто того, чтобы вызвать усиленіе авторитета и престижа соціаль-демократіи“? — Потому, что мы оказались не на высотѣ задачи, активность рабочихъ массъ оказалась выше нашей активности, у насъ не нашлось на лицо достаточно подготовленныхъ революціонныхъ руководителей и организаторовъ, которые бы прекрасно знали настроеніе во всѣхъ оппозиціонныхъ слояхъ и умѣли встать во главѣ движенія, превратить стихійную демонстрацію въ политическую, расширить ея политическій характеръ и т. д. При такихъ условіяхъ нашей отсталостью неизбѣжно будутъ пользоваться болѣе подвижные, болѣе энергичные революціонеры несоціаль-демократы, и рабочіе, какъ бы они самоотверженно и энергично ни дрались съ полиціей и войскомъ, какъ бы они революціонно ни выступали, окажутся только силой, поддерживающей этихъ революціонеровъ, окажутся арьергардомъ буржуазной демократіи, а не соціаль-демократическимъ авангардомъ. Возьмите германскую соціаль-демократію, у которой наши экономисты хотятъ перенять только ея слабыя стороны. Отчего *ни одно* политическое событіе въ Германіи не проходитъ безъ того, чтобы повліять на большее и большее усиленіе авторитета и престижа соціаль-демократіи? Оттого, что соціаль-демократія всегда оказывается впереди всѣхъ въ наиболѣе революціонной оцѣнкѣ этого событія, въ защитѣ всякаго протеста противъ произвола. Она не убаюкиваетъ себя разсужденіями, что экономическая борьба натолкнетъ рабочихъ на вопросъ объ ихъ безправіи и что конкретныя условія фатально толкаютъ рабочее движеніе на революціонный путь. Она вмѣшивается во всѣ области и всѣ вопросы общественной и политической жизни, и въ вопросъ о неутвержденіи Вильгельмомъ городского головы изъ буржуазныхъ прогрессистовъ (нѣмцевъ еще не успѣли просвѣтить наши экономисты, что это есть, въ сущности, компромиссъ съ либерализмомъ!), и въ вопросъ объ изданіи закона противъ „безправственныхъ“ сочиненій и изображеній, и въ вопросъ о правительственномъ вліяніи на выборъ профессоровъ и проч. и т. под. Вездѣ они оказываются впереди всѣхъ, возбуждая политическое недовольство во

всѣхъ классахъ, расталкивая сонныхъ, подтягивая отсталыхъ, давая всесторонній матеріалъ для развитія политическаго сознанія и политической активности пролетаріата. И въ результатѣ получается то, что къ передовому политическому борцу проникаются уваженіемъ даже сознательные враги соціализма, и нерѣдко важный документъ не только изъ буржуазныхъ, но даже и бюрократическихъ и придворныхъ сферъ какимъ то чудомъ попадаетъ въ редакціонный кабинетъ Vorwärts'a.

Вотъ гдѣ лежитъ разгадка того кажущагося „противорѣчія“, которое до такой степени превосходитъ мѣру пониманія Раб. Дѣла, что оно только воздѣваетъ руки горѣ и кричитъ: „маскарадъ“! Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ: мы, Раб. Дѣло, ставимъ *во главу угла массовое* рабочее движеніе (и печатаемъ это жирнымъ шрифтомъ!), мы предостерегаемъ всѣхъ и каждаго отъ преуменьшенія значенія стихійнаго элемента, мы хотимъ придать самой, *самой*, *самой* экономической борьбѣ политическій характеръ, мы хотимъ остаться въ тѣсной и органической связи съ пролетарской борьбой! А намъ говорятъ, что мы подготовляемъ почву для превращенія рабочаго движенія въ орудіе буржуазной демократіи. И кто говоритъ это? Люди, которые вступаютъ въ „компромиссъ“ съ либерализмомъ, вмѣшиваясь въ каждый „либеральный“ вопросъ (какое непониманіе „органической связи съ пролетарской борьбой“!), обращая такъ много вниманія и на студентовъ и даже (о ужасъ!) на земцевъ! Люди, которые вообще хотятъ удѣлять большій (по сравненію съ экономистами) процентъ своихъ силъ на дѣятельность среди непролетарскихъ классовъ населенія! Это-ли не „маскарадъ“??

Бѣдное Раб. Дѣло! Додумается-ли оно когда-нибудь до разгадки этой хитрой механики?

IV.

Кустарничество экономистовъ и организація революціонеровъ.

Разобранныя нами выше утвержденія Раб. Дѣла, что экономическая борьба есть наиболѣе широко примѣнимое средство политической агитаціи, что наша задача теперь — придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ и т. п., выражаютъ собою узкое пониманіе не только нашихъ политическихъ, но и нашихъ *организаціонныхъ* задачъ. Для „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ“ совершенно не нужна, — а потому на такой борьбѣ не можетъ и выработаться — общерусская централизованная организація, объединяющая въ одинъ общій натискъ всѣ и всяческія проявленія политической оппозиціи, протеста и возмущенія, организація, состоящая изъ революціонеровъ по профессіи и руководимая настоящими политическими вождями всего народа. Да это и понятно. Характеръ организаціи всякаго учрежденія естественно и неизбѣжно опредѣляется содержаніемъ дѣятельности этого учрежденія. Поэтому Раб. Дѣло своими вышеразобранными утвержденіями освящаетъ и узаконяетъ не только узость политической дѣятельности, но и узость организаціонной работы. И въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, оно является органомъ, сознательность котораго пасуетъ предъ стихійностью. А между тѣмъ преклоненіе предъ стихійно складывающимися формами организаціи, отсутствіе сознанія того, насколько узка и примитивна наша организаціонная работа, какіе еще мы „кустари“ въ этой важной области, отсутствіе этого сознанія, говорю я, представляетъ собою настоящую болѣзнь нашего движенія. Это не болѣзнь упадка, а болѣзнь роста, само собою разумѣется. Но именно теперь, когда волна стихійнаго возмущенія захлестываетъ, можно сказать, насъ какъ руководителей и организаторовъ движенія, особенно необходима самая непримиримая борьба противъ всякой защиты отсталости, противъ всякаго узаконенія узости въ этомъ дѣлѣ, особенно необходимо пробудить въ каждомъ, кто участвуетъ въ практической работѣ или только собирается взяться за нее, недовольство господствующимъ у насъ *кустарничествомъ* и непреклонную рѣшимость избавиться отъ него.

а) Что такое кустарничество?

Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ маленькой картинкой дѣятельности типичнаго социаль-демократическаго кружка 1894/1901 годовъ. Мы уже указывали на повальное увлеченіе марксизмомъ учащейся молодежи этого періода. Это увлеченіе относилось, разумѣется, не только и даже не столько къ марксизму какъ къ теоріи, а какъ къ отвѣту на вопросъ: „что дѣлать?“, какъ къ призыву идти въ походъ на врага. И новые ратники шли въ походъ съ удивительно первобытнымъ снаряженіемъ и подготовкой. Въ массѣ случаевъ не было даже почти никакого снаряженія и ровно никакой подготовки. Шли на войну, какъ мужики отъ сохи, захвативъ одну только дубину. Кружокъ студентовъ, безъ всякой связи съ старыми дѣятелями движенія, безъ всякой связи съ кружками въ другихъ мѣстностяхъ или даже въ другихъ частяхъ города (или въ иныхъ учебныхъ заведеніяхъ), безъ всякой организаціи отдѣльныхъ частей революціонной работы, безъ всякаго систематическаго плана дѣятельности на сколько-нибудь значительный періодъ, заводитъ связи съ рабочими и берется за дѣло. Кружокъ развертываетъ постепенно болѣе и болѣе широкую пропаганду и агитацію, привлекаетъ фактомъ своего выступленія сочувствіе довольно широкихъ слоевъ рабочихъ, сочувствіе нѣкоторой части образованнаго общества, доставляющаго деньги и отдающаго въ распоряженіе „Комитету“ новыя и новыя группы молодежи. Растетъ обаяніе комитета (или союза борьбы), растетъ размахъ его дѣятельности, и онъ расширяетъ эту дѣятельность совершенно стихійно: тѣ же люди, которые годъ или нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выступали въ студенческихъ кружкахъ и рѣшали вопросъ: „куда идти?“, которые заводили и поддерживали сношенія съ рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводятъ связи съ другими группами революціонеровъ, раздобываютъ литературу, берутся за изданіе мѣстной газеты, начинаютъ говорить объ устройствѣ демонстраціи, переходятъ наконецъ къ открытымъ военнымъ дѣйствіямъ (причемъ этимъ открытымъ военнымъ дѣйствіемъ можетъ явиться, смотря по обстоятельствамъ, и первый же агитаціонный листокъ, и первый номеръ газеты, и первая демонстрація). И обыкновенно первое же начало этихъ дѣйствій ведетъ за собою немедленно полный провалъ. Немедленно и полный именно потому, что эти военныя дѣйствія явились не результатомъ систематическаго, заранѣе обдуманнаго и исподволь подготовленнаго плана длинной и упорной борьбы, а просто стихійнымъ ростомъ традиціонно ведущейся кружковой работы; потому что полиція, естественно, почти всегда знала всѣхъ главныхъ дѣятелей мѣстнаго движенія, „зарекомендовавшихъ“ себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самаго

удобнаго для нея момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разростись и развернуться, чтобы имѣть осязательный corpus delicti, и нарочно оставляя всегда нѣсколькихъ извѣстныхъ ей лицъ „на разводку“ (какъ гласитъ техническое выраженіе, употребляемое, насколько мнѣ извѣстно, и нашимъ братомъ и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить съ походомъ вооруженныхъ дубинами шаекъ крестьянъ противъ современнаго войска. И надо только удивляться жизненности движенія, которое ширилось, росло и одерживало побѣды несмотря на это полное отсутствіе подготовки у сражавшихся. Правда, съ исторической точки зрѣнія, примитивность снаряженія была не только неизбѣжна вначалѣ, но *даже законна*, какъ одно изъ условій широкаго привлеченія ратниковъ. Но какъ только начались серьезныя военныя дѣйствія (а они начались уже, въ сущности, съ лѣтнихъ стачекъ 1896 года), — недостатки нашей военной организаціи стали все сильнѣе и сильнѣе давать себя чувствовать. Опѣшивъ на первыхъ порахъ и надѣлавъ рядъ ошибокъ (въ родѣ обращенія къ обществу съ описаніемъ злодѣйствъ соціалистовъ или ссылки рабочихъ изъ столицъ въ промышленные центры провинціи), правительство вскорѣ приспособилось къ новымъ условіямъ борьбы и сумѣло поставить на надлежащія мѣста свои, вооруженные всѣми усовершенствованіями, отряды провокаторовъ, шпіоновъ и жандармовъ. Погромы стали такъ часто повторяться, захватывать такую массу лицъ, выметать до такой степени начисто мѣстные кружки, что рабочая масса теряла буквально всѣхъ руководителей, движеніе пріобрѣтало невѣроятно скачкообразный характеръ, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность мѣстныхъ дѣятелей, случайность состава кружковъ, неподготовленность и узкій кругозоръ въ области теоретическихъ, политическихъ и организаціонныхъ вопросовъ были неизбѣжнымъ результатомъ описанныхъ условій. Дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе въ силу недостатка у насъ выдержки и конспиративности проникаются недовѣріемъ къ интеллигенціи и сторонятся отъ нея: интеллигенты, говорятъ они, слишкомъ необдуманно приводятъ къ проваламъ!

Что это кустарничество стало наконецъ ощущаться всѣми мыслящими соціальдемократами, какъ болѣзнь, — это знаетъ каждый, сколько-нибудь знакомый съ движеніемъ. А чтобы читатель незнакомый съ нимъ не подумалъ, что мы „конструируемъ“ искусственно особую стадію или особую болѣзнь движенія, — мы сошлемся на упомянутаго уже разъ свидѣтеля. Пусть не посѣтуютъ на насъ за длинную выписку.

„Если постепенный переходъ къ болѣе широкой практической дѣятельности, — пишетъ Б—въ въ № 6 Раб. Дѣла — переходъ, находя-

щійся въ прямой зависимости отъ общаго переходнаго времени, переживаемаго русскимъ рабочимъ движеніемъ, является характерной чертой... то есть еще другая не менѣе интересная черта въ общемъ механизмѣ русской рабочей революціи. Мы говоримъ о томъ *общемъ недостаткѣ годныхъ къ дѣйствію революціонныхъ силъ*,*) который ощущается не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Съ общимъ оживленіемъ рабочаго движенія, съ общимъ развитіемъ рабочей массы, съ все учащающимися случаями стачекъ, съ все болѣе открытой массовой борьбой рабочихъ, усиливающей правительственныя преслѣдованія, аресты, ссылку и высылку, этотъ *недостатокъ въ качественно высокихъ революціонныхъ силахъ становится все замѣтнѣе* и, несомнѣнно, остается *не безъ вліянія на глубину и общій характеръ движенія.* Многія стачки проходятъ безъ сильнаго и непосредственнаго воздѣйствія революціонныхъ организацій... чувствуется недостатокъ въ агитаціонныхъ листкахъ, и нелегальной литературѣ... рабочіе кружки остаются безъ агитаторовъ... Рядомъ съ этимъ замѣчается постоянная нужда въ денежныхъ средствахъ. Словомъ, *ростъ рабочаго движенія опережаетъ ростъ и развитіе революціонныхъ организацій.* Наличный составъ дѣйствующихъ революціонеровъ оказывается слишкомъ незначительнымъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ вліяніе на всю волнующуюся рабочую массу, чтобы придать всѣмъ волненіямъ хотя бы оттѣнокъ стройности и организованности... Отдѣльные кружки, отдѣльные революціонеры не собраны, не объединены, не составляютъ единой, сильной и дисциплинированной организаціи съ планомѣрно развитыми частями"... И, оговорившись, что немедленное появленіе новыхъ кружковъ на мѣсто разбитыхъ, „доказываетъ только жизненность движенія, ...но не показываетъ еще наличность достаточнаго количества вполнѣ пригодныхъ революціонныхъ дѣятелей", авторъ заключаетъ: „Практическая неподготовленность петербургскихъ революціонеровъ сказывается и въ результатахъ ихъ работы. Послѣдніе процессы, особенно группъ „Самоосвобожденіе" и „Борьбы труда съ капиталомъ", ясно показали, что молодой агитаторъ, незнакомый детально съ условіями труда, а, слѣдовательно и агитаціи на данномъ заводѣ, не знающій принциповъ конспираціи и усвоившій" (усвоившій ли?) „только общіе взгляды соціаль-демократіи, можетъ проработать какихъ нибудь 4, 5, 6 мѣсяцевъ. Затѣмъ наступаетъ арестъ, часто влекущій за собою разгромъ всей организаціи или по крайней мѣрѣ части ея. Спрашивается, возможна-ли успѣшная и плодотворная дѣятельность группы, если время существованія этой группы опредѣляется мѣсяцами?... Очевидно, недостатки существующихъ организацій нельзя цѣликомъ относить насчетъ переходнаго времени... очевидно, количественный и, главное, качественный составъ дѣйствующихъ организацій играетъ здѣсь немаловажную роль, и первой задачей нашихъ соціаль-демократовъ ...должно быть *реальное объединеніе организацій при строгомъ выборѣ членовъ.*"

б) Кустарничество и экономизмъ.

Мы должны теперь остановиться на вопросѣ, который навѣрное напрашивается уже у всякаго читателя. Можно ли ставить въ связь это кустарничество, какъ болѣзнь роста, свойственную *всему* движенію, съ экономизмомъ, какъ съ *однимъ* изъ теченій въ русской соціаль-демократіи? Мы думаемъ, что да. Практическая неподготовленность, неумѣлость организаціонной работы обща дѣйствительно *всѣмъ намъ*, въ томъ числѣ и тѣмъ, кто съ самаго начала неуклонно стоялъ на точкѣ зрѣнія революціоннаго марксизма. И за неподготовленность самое по себѣ никто не могъ бы, конечно, и винить практиковъ. Но кромѣ неподготовленности въ понятіе „кустарничества" входитъ еще и нѣчто другое: узкій размахъ всей революціонной работы вообще, непониманіе того, что на этой узкой работѣ и не можетъ сложиться хорошая организація революціонеровъ, наконецъ — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести въ особую „теорію", т. е. преклоненіе предъ стихійностью и въ этой области. Разъ только обнаружились такія попытки, — стало уже несомнѣннымъ, что кустарничество связано съ экономизмомъ и что мы не избавимся отъ узости нашей организаціонной дѣятельности, не избавившись отъ экономизма вообще (т. е. узкаго пониманія и теоріи марксизма и роли соціаль-демократіи и политическихъ задачъ ея). А попытки эти обнаружились въ двоякомъ направленіи. Одни стали говорить: рабочая масса не выдвинула еще сама такихъ широкихъ и боевыхъ политическихъ задачъ, которыя ей „навязываютъ" революціонеры, она должна еще бороться за *ближайшія* политическія требованія, вести „экономическую борьбу съ хозяевами и съ правительствомъ"*) (а этой „доступной" массовому движенію борьбѣ естественно соотвѣтствуетъ и „доступная" даже самой неподготовленной молодежи организація). Другіе, далекіе отъ всякой „постепеновщины", стали говорить: возможно и должно „совершить политическую революцію", но для этого нѣтъ никакой надобности въ созданіи крѣпкой организаціи революціонеровъ, воспитывающей пролетаріатъ стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы всѣ схватились за „доступную" и знакомую уже дубину. Говоря безъ аллегорій — чтобы мы устроили всеобщую стачку;**) или чтобы мы возбудили „вялый" ходъ рабочаго движенія посредствомъ „эксцитативнаго террора".***) Оба эти направленія, и оппортунисты и „революціонисты", пасуютъ предъ господствующимъ кустарничествомъ, не вѣрятъ въ возможность избавленія отъ него, не понимаютъ нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать *организацію революціонеровъ*, способную обезпечить энергію, устойчивость и преемственность политической борьбы.

Мы сейчасъ привели слова Б—ва: „ростъ рабочаго движенія опережаетъ ростъ и развитіе революціонныхъ организацій". Это „цѣнное сообщеніе близкаго наблюдателя" (отзывъ редакціи Рабочаго Дѣла о статьѣ Б—ва) имѣетъ для насъ двойную цѣнность. Оно показываетъ, что мы были правы, усматривая основную причину современнаго кризиса

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

*) „Раб. Мысль" и „Раб. Дѣло", особ. „Отвѣтъ" Плеханову.

**) Брошюра: „Кто совершитъ политическую революцію?" — въ изданномъ въ Россіи сборникѣ „Пролетарская борьба". Была также переиздана Кіевскимъ Комитетомъ.

***) „Возрожденіе революціонизма" и „Свобода".

въ русской соціаль-демократіи въ *отсталости руководителей* („идеологовъ“, революціонеровъ, соціаль-демократовъ) отъ *стихійнаго подъема массъ*. Оно показываетъ, что именно прославленіемъ и защитой кустарничества являются всѣ эти разсужденія авторовъ экономическаго письма (въ № 12 Искры), Б. Кричевскаго и Мартынова объ опасности преуменьшать значеніе стихійнаго элемента, сѣрой текущей борьбы, о тактикѣ-процессѣ и проч. Эти люди, которые безъ пренебрежительной гримасы не могутъ произносить слово: „теоретикъ“, которые называютъ „чутьемъ къ жизни“ свое колѣнопреклоненіе предъ житейской неподготовленностью и неразвитостью, обнаруживаютъ на дѣлѣ непониманіе самыхъ настоятельныхъ нашихъ *практическихъ* задачъ. Людямъ отставшимъ кричатъ: идите въ ногу! не опережайте! Людямъ, страдающимъ отъ недостатка энергіи и иниціативы въ организаціонной работѣ, отъ недостатка „плановъ“ широкой и смѣлой постановки дѣла, кричатъ о „тактикѣ-процессѣ“! Основной нашъ грѣхъ состоитъ въ *приниженіи* нашихъ политическихъ *и организаціонныхъ* задачъ до ближайшихъ, „осязательныхъ“, „конкретныхъ“ интересовъ текущей экономической борьбы, — а намъ продолжаютъ напѣвать: самой экономической борьбѣ надо придать политическій характеръ! Еще разъ: это буквально такое же „чутье къ жизни“, которое обнаруживалъ герой народнаго эпоса, кричавшій: „таскать вамъ не перетаскать!“ при видѣ похоронной процессіи.

Вспомните, съ какимъ несравненнымъ, по-истинѣ „Нарцисовскимъ“ высокомѣріемъ поучали эти мудрецы Плеханова: „рабочимъ *кружкамъ* вообще (sic!) недоступны политическія задачи въ дѣйствительномъ, *практическомъ* смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ цѣлесообразной и успѣшной *практической* борьбы за политическія требованія“ (Отвѣтъ ред. Р. Д., стр. 24). Есть кружки и кружки, господа! Кружку „кустарей“, конечно, недоступны политическія задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились отъ него. Если же эти кустари кромѣ того влюблены въ свое кустарничество, если они пишутъ слово „практическій“ непремѣнно курсивомъ и воображаютъ, что практичность требуетъ приниженія своихъ задачъ до уровня пониманія самыхъ отсталыхъ слоевъ массы, — то тогда, разумѣется, эти кустари безнадежны, и имъ, дѣйствительно, *вообще недоступны политическія задачи*. Но кружку корифеевъ, въ родѣ Алексѣева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ откликъ въ стихійно пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ кипучая энергія подхватывается и поддерживается энергіей революціоннаго класса. Плехановъ былъ тысячу разъ правъ,

когда онъ не только указалъ этотъ революціонный классъ, не только доказалъ неизбѣжность и неминуемость его стихійнаго пробужденія, но и поставилъ даже передъ „рабочими кружками“ высокую и великую политическую задачу. А вы ссылаетесь на возникшее съ тѣхъ поръ массовое движеніе для того, чтобы *принизить* эту задачу, — для того чтобы *сузить* энергію и размахъ дѣятельности „рабочихъ кружковъ“. Что это такое, какъ не влюбленность кустаря въ свое кустарничество? Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомаго всякому русскому практику факта, какія чудеса способна совершить въ революціонномъ дѣлѣ энергія не только кружка, но даже отдѣльной личности. Или вы думаете, что въ нашемъ движеніи не можетъ быть такихъ корифеевъ, которые были въ 70-хъ годахъ? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы подготовляемся, будемъ подготовляться и подготовимся! Правда, на стоячей водѣ „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ“ образовалась у насъ, къ несчастью, плѣсень, появились люди, которые становятся на колѣни и молятся на стихійность, благоговѣйно созерцая (по выраженію Плеханова) „заднюю“ русскаго пролетаріата. Но мы сумѣемъ избавиться отъ этой плѣсени. Именно теперь русскій революціонеръ, руководимый истинно-революціонной теоріей, опираясь на истинно-революціонный и стихійно пробуждающійся классъ, можетъ наконецъ — наконецъ! — выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы. Для этого нужно только, чтобы среди массы практиковъ, среди еще большей массы людей, мечтающихъ о практической работѣ уже со школьной скамьи, всякое поползновеніе принизить наши политическія задачи и размахъ нашей организаціонной работы встрѣчало насмѣшку и презрѣніе. И мы добьемся этого, будьте спокойны, господа!

Въ статьѣ „Съ чего начать?“ я писалъ противъ Рабочаго Дѣла: „Въ 24 часа можно измѣнить тактику агитаціи по какому-нибудь спеціальному вопросу, тактику проведенія какой-нибудь детали партійной организаціи, а измѣнить не только въ 24 часа, но хотя бы даже въ 24 мѣсяца свои взгляды на то, нужна-ли вообще, всегда и безусловно, боевая организація и политическая агитація въ массѣ, могутъ только люди безъ всякихъ устоевъ.“ Рабочее Дѣло отвѣчаетъ: „Это единственное изъ претендующихъ на фактическій характеръ обвиненіе Искры ни на чемъ не основано. Читатели Р. Дѣла хорошо знаютъ, что мы съ самаго начала не только звали къ политической агитаціи, не дожидаясь появленія Искры“... (говоря при этомъ, что не только рабочимъ кружкамъ, „но и массовому рабочему движенію невозможно ставить первой политической задачей — низверженіе абсолютизма“, а только борьбу за ближайшія политическія требованія, и что „бли-

жайшія политическія требованія становятся доступными для массы послѣ одной, или, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколькихъ стачекъ")... „а и своими изданіями доставляли изъ за границы дѣйствующимъ въ Россіи товарищамъ *единственный* соціальдемократическій политически-агитаціонный матеріалъ"... (причемъ вы въ этомъ единственномъ матеріалѣ не только примѣняли наиболѣе широко политическую агитацію лишь на почвѣ экономической борьбы, но и додумались наконецъ до того, что эта суженная агитація „наиболѣе широко примѣнима". И вы не замѣчаете, господа, что ваша аргументація доказываетъ именно необходимость появленія Искры — при такого рода *единственномъ* матеріалѣ — и необходимость борьбы Искры съ Рабочимъ Дѣломъ?).... „Съ другой стороны, наша издательская дѣятельность на дѣлѣ подготовляла тактическое единство партіи"... (единство убѣжденія въ томъ, что тактика есть процессъ роста партійныхъ задачъ, растущихъ вмѣстѣ съ партіей? Цѣнное единство!)... „и тѣмъ самымъ возможность „боевой организаціи", для созданія которой Союзъ дѣлалъ вообще все доступное для заграничной организаціи" (Р. Д. № 10, стр. 15). Напрасная попытка извернуться! Что вы дѣлали все для васъ доступное, этого я никогда и не думалъ отрицать. Я утверждалъ и утверждаю, что *предѣлы* „доступнаго" вамъ суживаются близорукостью вашего пониманія. Смѣшно и говорить о „боевой организаціи" для борьбы за „ближайшія политическія требованія" или для „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ".

Но если читатель хочетъ видѣть перлы „экономической" влюбленности въ кустарничество, то онъ, разумѣется, долженъ обратиться отъ эклектическаго и неустойчиваго Раб. Дѣла къ послѣдовательной и рѣшительной Раб. Мысли. „Теперь два слова о собственно такъ называемой революціонной интеллигенціи" — писалъ Р. М. въ „Отдѣльномъ Приложеніи", стр. 13 — „она, правда, не разъ показала на дѣлѣ свою полную готовность „вступить въ рѣшительную схватку съ царизмомъ". Вся бѣда только въ томъ, что, безпощадно преслѣдуемая политической полиціею, наша революціонная интеллигенція принимала борьбу съ этой политической полиціей за политическую борьбу съ самодержавіемъ. Поэтому-то для нея до сихъ поръ и остается не выясненнымъ вопросъ, „откуда взять силы для борьбы сь самодержавіемъ?"

Неправда-ли, какъ безподобно это великолѣпное пренебреженіе къ борьбѣ съ полиціей со стороны поклонника (въ худомъ смыслѣ поклонника) *стихійнаго* движенія? Нашу конспиративную неумѣлость онъ готовъ *оправдать* тѣмъ, что намъ, при стихійномъ массовомъ движеніи, и не важна, въ сущности, борьба съ политической полиціей!! Подъ этимъ чудовищнымъ выводомъ подпишутся очень и очень немногіе: до такой степени наболѣлъ у всѣхъ вопросъ о недостаткахъ

нашихъ революціонныхъ организацій. Но если подъ нимъ не подпишется, напримѣръ, Мартыновъ, то только потому, что онъ не умѣетъ или не имѣетъ смѣлости додумывать до конца своихъ положеній. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ такая „задача" какъ выставленіе массой конкретныхъ требованій, сулящихъ осязательные результаты, требуетъ особенной заботливости о созданіи прочной, централизованной, боевой организаціи революціонеровъ? развѣ эту „задачу" не выполняетъ и такая масса, которая вовсе не „борется съ политической полиціей?" Больше того: развѣ эта задача была бы выполнима, если бы кромѣ немногихъ руководителей за нее не брались также (въ громадномъ большинствѣ) такіе рабочіе, которые вовсе *неспособны* „бороться съ политической полиціей"? Такіе рабочіе, средніе люди массы, способны проявить гигантскую энергію и самоотверженіе въ стачкѣ, въ уличной борьбѣ съ полиціей и войскомъ, способны (и одни только могутъ) *рѣшить* исходъ всего нашего движенія, — но именно борьба съ *политической* полиціей требуетъ особыхъ качествъ, требуетъ революціонеровъ *по профессіи*. И мы должны заботиться не только о томъ, чтобы масса „выставляла" конкретныя требованія, но и о томъ, чтобы масса рабочихъ „выставляла" все въ большемъ числѣ такихъ революціонеровъ по профессіи. Мы подошли такимъ образомъ къ вопросу о соотношеніи между организаціей профессіональныхъ революціонеровъ и чисто-рабочимъ движеніемъ. Мало отразившійся въ литературѣ, этотъ вопросъ много занималъ насъ, „политиковъ", въ разговорахъ и спорахъ съ болѣе или менѣе тяготѣющими къ экономизму товарищами. На немъ стоитъ особо остановиться. Но сначала закончимъ еще одной цитатой иллюстрацію нашего положенія о связи кустарничества съ экономизмомъ.

„Группа Осв. Труда — писалъ г. NN въ своемъ „отвѣтѣ" — требуетъ прямой борьбы съ правительствомъ, не взвѣсивъ, гдѣ матеріальная сила для этой борьбы, не указавъ, *гдѣ пути для нея.*" И, подчеркнувъ послѣднія слова, авторъ дѣлаетъ къ слову „пути" такое примѣчаніе: „Это обстоятельство не можетъ быть объяснено конспиративными цѣлями, такъ какъ въ программѣ рѣчь идетъ не о заговорѣ, а о *массовомъ движеніи*. Масса же не можетъ идти тайными путями. Развѣ возможна тайная стачка? Развѣ возможна тайная манифестація и петиція?" (Vademecum, стр. 59). Авторъ вплотную подошелъ и къ этой „матеріальной силѣ" (устроители стачекъ и манифестацій) и къ „путямъ" для борьбы, но оказался все-таки въ растерянномъ недоумѣніи, ибо онъ „преклоняется" предъ массовымъ движеніемъ т. е. смотритъ на него какъ на нѣчто, *избавляющее* насъ отъ нашей, революціонной, активности, а не какъ на нѣчто, долженствующее ободрять и *подталкивать* нашу революціонную активность. Тайная стачка

невозможна — для участниковъ ея и непосредственно соприкасающихся съ ней лицъ. Но для массы русскихъ рабочихъ эта стачка можетъ остаться (и большей частью остается) „тайной", ибо правительство позаботится отрѣзать всякое сношеніе съ стачечниками, позаботится сдѣлать невозможнымъ всякое распространеніе свѣдѣній о стачкѣ. Вотъ тутъ уже нужна спеціальная „борьба съ политической полиціей", борьба, которую никогда не сможетъ активно вести столь же широкая масса, какая участвуетъ въ стачкахъ. Эту борьбу должны организовать „по всѣмъ правиламъ искусства" люди, профессіонально занятые революціонной дѣятельностью. Организація этой борьбы не стала *менѣе нужной* оттого, что въ движеніе стихійно втягивается масса. Напротивъ, отъ этого организація становится *болѣе нужной*, ибо мы, соціалисты, не исполнили бы своихъ прямыхъ обязанностей передъ массой, если бы не сумѣли помѣшать полиціи дѣлать тайной (а иногда и сами не подготовляли тайно) всякую стачку и всякую манифестацію. *Сумѣть* же это мы въ состояніи именно потому, что стихійно пробуждающаяся масса будетъ *выдвигать также изъ своей среды* все бо́льшее и бо́льшее число „революціонеровъ по профессіи" (если мы не вздумаемъ на всякіе лады приглашать рабочихъ топтаться на одномъ мѣстѣ).

в) Организація рабочихъ и организація революціонеровъ.

Если понятіе политической борьбы для соціаль-демократа покрывается понятіемъ „экономической борьбы съ хозяевами и правительствомъ", то естественно ожидать, что понятіе „организація революціонеровъ" будетъ для него болѣе или менѣе покрываться понятіемъ: „организація рабочихъ". И это дѣйствительно случается, такъ что, разговаривая объ организаціи, мы оказываемся буквально говорящими на разныхъ языкахъ. Какъ сейчасъ помню, напримѣръ, разговоръ съ однимъ довольно послѣдовательнымъ экономистомъ, котораго мнѣ не доводилось знать раньше. Рѣчь зашла о брошюрѣ: „Кто совершитъ политическую революцію?" и мы быстро сошлись на томъ, что ея основной недостатокъ — игнорированіе вопроса объ организаціи. Мы воображали уже, что мы солидарны другъ съ другомъ — но... разговоръ идетъ дальше, и оказывается, что мы говоримъ про разное. Мой собесѣдникъ обвиняетъ автора за игнорированіе стачечныхъ кассъ, обществъ взаимопомощи и т. п., я же имѣлъ въ виду организацію революціонеровъ, необходимую для „совершенія" политической революціи. И, какъ только обнаружилось это разногласіе, — я не запомню уже, чтобы мнѣ приходилось вообще по какому бы то ни было принципіальному вопросу соглашаться съ этимъ экономистомъ!

Въ чемъ же состоялъ источникъ нашихъ разногласій? Да именно въ томъ, что экономисты постоянно сбиваются съ

соціаль-демократизма на трэдъ-юніонизмъ и въ организаціонныхъ, какъ и въ политическихъ, задачахъ. Политическая борьба соціаль-демократіи гораздо шире и сложнѣе, чѣмъ экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами и правительствомъ. Точно такъ же (и вслѣдствіе этого) организація революціонной соціаль-демократической партіи неизбѣжно должна быть *иного рода*, чѣмъ организація рабочихъ для такой борьбы. Организація рабочихъ должна быть, во-первыхъ, профессіональной; во-вторыхъ, она должна быть возможно болѣе широкой; въ-третьихъ, она должна быть возможно менѣе конспиративной (я говорю, разумѣется, здѣсь и ниже, имѣя въ виду только самодержавную Россію). Наоборотъ, организація революціонеровъ должна обнимать прежде всего и главнымъ образомъ людей, которыхъ профессія состоитъ изъ революціонной дѣятельности (потому я и говорю объ организаціи *революціонеровъ*, имѣя въ виду революціонеровъ-соціаль-демократовъ). Предъ этимъ общимъ признакомъ членовъ такой организаціи *должно совершенно стираться всякое различіе рабочихъ и интеллигентовъ*, не говоря уже о различіи отдѣльныхъ профессій тѣхъ и другихъ. Эта организація необходимо должна быть не очень широкой и возможно болѣе конспиративной. Остановимся на этомъ троякомъ различіи.

Въ странахъ съ политической свободой различіе профессіональной и политической организаціи совершенно ясно, какъ ясно и различіе трэдъ-юніоновъ и соціаль-демократіи. Отношенія послѣдней къ первымъ неизбѣжно видоизмѣняются, конечно, въ разныхъ странахъ смотря по историческимъ, юридическимъ и другимъ условіямъ, — они могутъ быть болѣе или менѣе тѣсными, сложными и проч. (они должны быть, съ нашей точки зрѣнія, возможно болѣе тѣсными и возможно менѣе сложными), но о совпаденіи организаціи профессіональныхъ союзовъ съ организаціей соціаль-демократической партіи въ свободныхъ странахъ нѣтъ и рѣчи. Въ Россіи же гнетъ самодержавія стираетъ, на первый взглядъ, всякое различіе между соціаль-демократической организаціей и рабочимъ союзомъ, ибо *всякіе* рабочіе союзы и *всякіе* кружки запрещены, ибо главное проявленіе и орудіе экономической борьбы рабочихъ — стачка — является вообще уголовнымъ (а иногда даже политическимъ!) проступкомъ. Такимъ образомъ наши условія, съ одной стороны, очень „наталкиваютъ" ведущихъ экономическую борьбу рабочихъ на политическіе вопросы, а, съ другой стороны, „наталкиваютъ" соціаль-демократовъ на смѣшеніе трэдъ-юніонизма и соціаль-демократизма (и наши Кричевскіе, Мартыновы и Ко., усердно толкуя о „наталкиваніи" перваго рода, не замѣчаютъ „наталкиванія" второго рода). Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ людей, на 99 сотыхъ поглощенныхъ „экономической борьбой съ хозяевами и правительствомъ". Одни изъ нихъ въ теченіе *всего* періода ихъ дѣятельности

(4—6 мѣс.) ни разу не натолкнутся на вопросъ о необходимости болѣе сложной организаціи революціонеровъ; другіе „натолкнутся", пожалуй, на сравнительно распространенную бернштейніанскую литературу, изъ которой почерпнутъ убѣжденіе въ сугубой важности „поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы". Третьи, наконецъ, увлекутся, можетъ быть, соблазнительной идеей явить міру новый образецъ „тѣсной и органической связи съ пролетарской борьбой", связи профессіональнаго и соціаль-демократическаго движенія. Чѣмъ позже выступаетъ страна на арену капитализма, а, слѣдовательно, и рабочаго движенія, — могутъ разсуждать такіе люди, — тѣмъ больше могутъ соціалисты принимать участія въ профессіональномъ движеніи и оказывать ему поддержку, тѣмъ меньше можетъ и должно быть несоціаль-демократическихъ профессіональныхъ союзовъ. До сихъ поръ такое разсужденіе вполнѣ правильно, но бѣда въ томъ, что идутъ еще дальше и мечтаютъ о полномъ сліяніи соціаль-демократизма и трэдъ-юніонизма. Мы сейчасъ увидимъ на примѣрѣ Устава СПБ. Союза Борьбы, какъ вредно отражаются эти мечты на нашихъ организаціонныхъ планахъ.

Организаціи рабочихъ для экономической борьбы должны быть профессіональными организаціями. Всякій соціаль-демократъ-рабочій долженъ по мѣрѣ возможности оказывать содѣйствіе и активно работать въ этихъ организаціяхъ. Это такъ. Но вовсе не въ нашихъ интересахъ требовать, чтобы членами „цеховыхъ" союзовъ могли быть только соціаль-демократы: это сузило бы размѣры нашего вліянія на массу. Пусть въ цеховомъ союзѣ участвуетъ всякій рабочій, понимающій необходимость объединенія для борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ. Самая цѣль цеховыхъ союзовъ была бы недостижима, если бы они не объединяли всѣхъ, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень пониманія, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организаціями. И чѣмъ шире эти организаціи, тѣмъ шире будетъ и наше вліяніе на нихъ, вліяніе оказываемое не только „стихійнымъ" развитіемъ экономической борьбы, но и прямымъ, сознательнымъ воздѣйствіемъ на товарищей соціалистическихъ членовъ союза. Но при широкомъ составѣ организаціи невозможна строгая конспирація (требующая гораздо большей подготовки, чѣмъ необходимо для участія въ экономической борьбѣ). Какъ примирить это противорѣчіе между необходимостью широкаго состава и строгой конспираціи? Какъ достигнуть того, чтобы цеховыя организаціи были возможно менѣе конспиративны? Для этого можетъ быть, вообще говоря, только два пути: либо легализація цеховыхъ союзовъ (въ нѣкоторыхъ странахъ предшествовавшая легализаціи соціалистическихъ и политическихъ союзовъ) либо сохраненіе организаціи тайной, но настолько „свободной",

мало-оформленной, lose, какъ говорятъ нѣмцы, чтобы конспирація для массы членовъ сводилась почти къ нулю.

Легализація не-соціалистическихъ и не-политическихъ рабочихъ союзовъ въ Россіи уже началась, и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что каждый шагъ нашего быстро растущаго соціаль-демократическаго рабочаго движенія будетъ умножать и поощрять попытки этой легализаціи, — попытки, исходящія главнымъ образомъ отъ сторонниковъ существующаго строя, но отчасти и отъ самихъ рабочихъ и отъ либеральной интеллигенціи. Знамя легализаціи уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содѣйствіе ей уже обѣщано и дано гг. Озеровыми и Вормсами, среди рабочихъ есть уже послѣдователи новаго теченія. И мы не можемъ отнынѣ не считаться съ этимъ теченіемъ. Какъ считаться, — объ этомъ среди соціаль-демократовъ врядъ-ли можетъ быть два мнѣнія. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участіе Зубатовыхъ и Васильевыхъ, жандармовъ и поповъ въ этомъ теченіи и разъяснять рабочимъ истинныя намѣренія этихъ участниковъ. Мы обязаны разоблачать также всякія примирительныя, „гармоническія" нотки, которыя будутъ проскальзывать въ рѣчахъ либеральныхъ дѣятелей на открытыхъ собраніяхъ рабочихъ, — все равно, берутъ-ли они эти ноты въ силу искренняго своего убѣжденія въ желательности мирнаго сотрудничества классовъ, въ силу-ли желанія подслужиться начальству или наконецъ просто по неловкости. Мы обязаны, наконецъ, предостерегать рабочихъ отъ той ловушки, которую имъ ставитъ зачастую полиція, высматривая „людей съ огонькомъ" на этихъ открытыхъ собраніяхъ и въ дозволенныхъ обществахъ, пытаясь чрезъ посредство легальныхъ организацій ввести провокаторовъ и въ нелегальныя.

Но дѣлать все это — вовсе не значитъ забывать о томъ, что *въ концѣ концовъ* легализація рабочаго движенія принесетъ пользу именно намъ, а отнюдь не Зубатовымъ. Напротивъ, какъ разъ своей обличительной кампаніей мы и отдѣляемъ плевелы отъ пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это — привлеченіе вниманія еще болѣе широкихъ и самыхъ отсталыхъ слоевъ рабочихъ къ соціальнымъ и политическимъ вопросамъ, это — освобожденіе насъ, революціонеровъ, отъ такихъ функцій, которыя по существу легальны (распространеніе легальныхъ книгъ, взаимопомощь и т. п.) и развитіе которыхъ неизбѣжно будетъ давать намъ все большій и больщій матеріалъ для агитаціи. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ и должны сказать Зубатовымъ и Озеровымъ: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочимъ ловушку (въ смыслѣ-ли прямого провокаторства или въ смыслѣ „честнаго" развращенія рабочихъ „струвизмомъ") — мы уже позаботимся о вашемъ разоблаченіи. Поскольку вы дѣлаете дѣйствительный шагъ впередъ, — хотя бы въ формѣ самаго

„робкаго зигзага“, но шагъ впередъ — мы скажемъ: сдѣлайте одолженіе! Дѣйствительнымъ шагомъ впередъ можетъ быть только дѣйствительное, хотя бы миніатюрное, расширеніе простора для рабочихъ. А всякое такое расширеніе послужитъ на пользу намъ и ускоритъ появленіе такихъ легальныхъ обществъ, въ которыхъ не провокаторы будутъ ловить соціалистовъ, а соціалисты будутъ ловить себѣ адептовъ. Однимъ словомъ, наше дѣло теперь бороться съ плевелами. Не наше дѣло ростить въ комнатныхъ горшкахъ пшеницу. Вырывая плевелы, мы тѣмъ самымъ очищаемъ почву для возможнаго простанія сѣмянъ пшеницы. И покуда Афанасіи Иванычи съ Пульхеріями Ивановнами занимаются комнатнымъ растеніеводствомъ, мы должны готовить жнецовъ, которые съумѣли бы и косить сегодняшніе плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу.*)

Итакъ, посредствомъ легализаціи *рѣшать* вопросъ о созданіи возможно менѣе конспиративной и возможно болѣе широкой прифессіональной организаціи *мы* не можемъ (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли намъ хотя частичную возможность такого рѣшенія, — для чего намъ слѣдуетъ какъ можно энергичнѣе воевать съ ними!). Остается путь тайныхъ профессіональныхъ организацій, и *мы должны* оказать всяческое содѣйствіе рабочимъ, которые уже вступаютъ (какъ намъ доподлинно извѣстно) на этотъ путь. Профессіональныя организаціи не только могутъ принести громадную пользу въ дѣлѣ развитія и упроченія экономической борьбы, но и стать весьма важнымъ пособникомъ политической агитаціи и революціонной организаціи. Для того, чтобы достигнуть этого результата, для того, чтобы направить начинающееся профессіональное движеніе въ желательное для соціаль-демократіи русло, — необходимо прежде всего ясно представить себѣ нелѣпость того плана организаціи, съ которымъ вотъ уже почти пять лѣтъ носятся петербургскіе экономисты. Планъ этотъ изложенъ и въ „Уставѣ рабочей кассы“ іюля 1897 года (Лист. Раб., № 9—10, стр. 46, — изъ № 1 Раб. Мысли) и въ „Уставѣ союзной рабочей организаціи“ октября 1900 года (особый листокъ, печатанный въ С.-Петербургѣ и упомянутый въ № 1 Искры). Основной недостатокъ

*) Борьба Искры съ плевелами вызвала со стороны Раб. Дѣла такую сердитую выходку: „Для Искры же знаменіемъ времени служатъ не столько эти крупныя событія (весеннія), какъ жалкія попытки Зубатовскихъ агентовъ „легализировать“ рабочее движеніе. Она не видитъ, что эти факты именно и говорятъ противъ нея; они-то и свидѣтельствуютъ о томъ, что рабочее движеніе приняло очень угрожающіе размѣры въ глазахъ правительства“ (Два съѣзда, стр. 27). Виной всему — „догматизмъ“ этихъ „глухихъ къ властнымъ велѣніямъ жизни“ ортодоксовъ. Упорно не хотятъ видѣть аршинной пшеницы и воюютъ съ вершковыми плевелами! Это-ли не „извращенное чувство перспективы по отношенію къ русскому рабочему движенію“ (тамъ же, стр. 27)?

обоихъ уставовъ — детальное оформленіе широкой рабочей организаціи и смѣшеніе съ этой послѣднею организаціи революціонеровъ. Возьмемъ второй уставъ, какъ болѣе разработанный. Корпусъ его состоитъ изъ *пятидесяти двухъ* параграфовъ: 23 пар. излагаютъ устройство, порядокъ веденія дѣлъ и предѣлы вѣдомства „рабочихъ кружковъ“, устраиваемыхъ на каждой фабрикѣ („не болѣе 10 человѣкъ“) и выбирающихъ „центральныя (фабричныя) группы“. „Центральная группа — гласитъ § 2 — слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ на ея фабрикѣ или заводѣ и ведетъ хронику событій на немъ.“ „Центральная группа ежемѣсячно даетъ отчетъ всѣмъ плательщикамъ о состояніи кассы“ (§ 17) и т. п. 10 параг. посвящены „районной организаціи“ и 19 — крайне сложному сплетенію „Комитета рабочей организаціи“ и „Комитета СПБ. Союза Борьбы“ (выборные отъ каждаго района и отъ „исполнительныхъ группъ“ — „группъ пропагандистовъ, для сношенія съ провинціей, для сношенія съ заграницей, для завѣдыванія складами, издательской, кассовой“).

Соціаль-демократія = „исполнительныя группы“ по отношенію къ экономической борьбѣ рабочихъ! Трудно было бы рельефнѣе демонстрировать, какъ сбивается мысль экономиста съ соціаль-демократизма на трэдъ-юніонизмъ, какъ чуждо ему всякое представленіе о томъ, что соціаль-демократъ долженъ прежде всего думать объ организаціи революціонеровъ, способныхъ руководить *всей* освободительной борьбой пролетаріата. Говорить о „политическомъ освобожденіи рабочаго класса“, о борьбѣ съ „царскимъ произволомъ“ — и писать такіе уставы организаціи значитъ не имѣть ровно никакого понятія о настоящихъ политическихъ задачахъ соціаль-демократіи. Ни единый изъ полусотни параграфовъ не обнаруживаетъ и проблеска пониманія того, что необходима самая широкая политическая агитація въ массахъ, освѣщающая всѣ стороны русскаго абсолютизма, весь обликъ разныхъ общественныхъ классовъ въ Россіи. Да и не только политическія, даже трэдъ-юніонистскія цѣли не осуществимы при такомъ уставѣ, ибо онѣ требуютъ организаціи *по профессіямъ*, о которой вовсе и не упоминается.

Но едва ли не всего болѣе характерна поразительная тяжеловѣсность всей этой „системы“, пытающейся связать каждую отдѣльную фабрику съ „комитетомъ“ постоянной нитью единообразныхъ и до смѣшного мелочныхъ правилъ, при трехъстепенной системѣ выборовъ. Сдавленная узкимъ кругозоромъ экономизма, мысль ударяется здѣсь въ детали, отъ которыхъ такъ и отдаетъ волокитой и канцелярщиной. На дѣлѣ, конечно, три четверти всѣхъ этихъ параграфовъ никогда не примѣняются, но за то жандармамъ такая „конспиративная“ организація съ центральной группой на каждой фабрикѣ облегчаетъ устройство неимовѣрно широкихъ проваловъ. Поль-

скіе товарищи пережили уже такую полосу движенія, когда всѣ увлекались широкимъ основаніемъ рабочихъ кассъ, но они очень скоро отказались отъ этой мысли, убѣдившись, что доставляютъ только обильную жатву жандармамъ. Если мы хотимъ широкихъ рабочихъ организацій и не хотимъ широкихъ проваловъ, не хотимъ доставлять удовольствія жандармамъ, то мы должны стремиться къ тому, чтобы эти организаціи были совершенно неоформлены. — Возможно-ли будетъ тогда функціонированіе ихъ? — А вотъ посмотрите на эти функціи: . . . . „слѣдить за всѣмъ, что происходитъ на фабрикѣ и вести хронику событій на ней“ (§ 2 устава). Неужели это непремѣнно нужно оформливать? Неужели это не можетъ быть еще лучше достигнуто корреспонденціями въ нелегальныя газеты безъ всякаго образованія для этого особыхъ группъ? . . . „Руководить борьбой рабочихъ за улучшеніе ихъ положенія на заводѣ“ (§ 3 устава). Опять не къ чему оформливать. Какія требованія хотятъ выдвинуть рабочіе, это всякій мало-мальски толковый агитаторъ вывѣдаетъ досконально изъ простой бесѣды, а, вывѣдавъ, сумѣетъ передать въ узкую уже, а не широкую, организацію революціонеровъ для доставки соотвѣтствующаго листка. . . . „Организовать кассу . . . со взносомъ по 2 коп. съ рубля“ (§ 9) — и затѣмъ ежемѣсячно давать всѣмъ отчетъ о кассѣ (§ 17), исключать не платящихъ членовъ (§ 10) и т. п. Вотъ это для полиціи прямо рай, потому что ничего нѣтъ легче проникнуть во всю эту конспирацію „центральной фабричной кассы“ и деньги конфисковать и всѣхъ лучшихъ людей убрать. Не проще-ли пускать копѣечныя или двухкопѣечныя марки со штемпелемъ извѣстной (очень узкой и очень конспиративной) организаціи, или безъ всякихъ марокъ дѣлать сборы, отчеты по которымъ печатаетъ, съ извѣстнымъ условнымъ паролемъ, нелегальная газета? Цѣль будетъ достигнута та же, а жандармы во сто разъ труднѣе доберутся тогда до нитей.

Я могъ бы продолжать свой примѣрный разборъ устава, но думаю, что и сказаннаго довольно. Маленькое, тѣсно сплоченное ядро самыхъ надежныхъ, опытныхъ и закаленныхъ рабочихъ, имѣющее довѣренныхъ людей въ главныхъ районахъ и связанное, по всѣмъ правиламъ строжайшей конспираціи, съ организаціей революціонеровъ, вполнѣ сможетъ выполнить, при самомъ широкомъ содѣйствіи массы и безъ всякаго оформленія, *всѣ* функціи, которыя лежатъ на професіональной организаціи, и кромѣ того выполнить именно такъ, какъ это желательно для соціаль-демократіи. Только такимъ путемъ и можно достигнуть *упроченія* и развитія, вопреки всѣмъ жандармамъ, *соціаль-демократическаго* професіональнаго движенія.

Мнѣ возразятъ: организація, до такой степени lose, что она и вовсе не оформлена, что въ ней и членовъ-то даже, завѣдомыхъ и зарегистрованныхъ, никакихъ нѣтъ, не можетъ быть и названа организаціей. — Можетъ быть. Я за названіемъ не гонюсь. Но все, что нужно, эта „организація безъ членовъ“ сдѣлаетъ и обезпечитъ съ самаго начала прочную связь нашихъ будущихъ трэдъ-юніоновъ съ соціализмомъ. А кто хочетъ *широкой* организаціи рабочихъ съ выборами, отчетами, всеобщими голосованіями и пр. при абсолютизмѣ, — тотъ просто неисправимый утопистъ.

Мораль отсюда простая: если мы начнемъ съ прочной постановки крѣпкой организаціи революціонеровъ, то мы сможемъ обезпечить устойчивость движенія въ его цѣломъ, осуществить и соціаль-демократическія и собственно трэдъ-юніонистскія цѣли. Если же мы начнемъ съ наиболѣе якобы „доступной“ массѣ (а на дѣлѣ съ наиболѣе доступной жандармамъ и дѣлающей революціонеровъ наиболѣе доступными полиціи) широкой рабочей организаціи, то мы ни тѣхъ ни другихъ цѣлей не осуществимъ, отъ кустарничества не избавимся и своей раздробленностью, своей вѣчной разгромленностью будемъ только дѣлать наиболѣе доступными массѣ трэдъ-юніоны Зубатовскаго или Озеровскаго типа.

Въ чемъ же собственно должны состоять функціи этой организаціи революціонеровъ? — Объ этомъ мы сейчасъ подробно побесѣдуемъ. Но сначала разберемъ еще одно весьма типичное разсужденіе нашего террориста, который опять-таки оказывается (печальная его судьба!) въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ экономистомъ. Въ журналѣ для рабочихъ „Свобода“ (№ 1) есть статья: „Организація“, авторъ которой хочетъ защитить своихъ знакомыхъ, иваново-вознесенскихъ рабочихъ-экономистовъ.

„Плохо — пишетъ онъ — когда толпа безмолвна, безсознательна, когда движеніе идетъ не съ низовъ. Вотъ посмотрите: студенты изъ университетскаго города разъѣзжаются на праздники или на лѣто по домамъ — и рабочее движеніе пріостанавливается. Развѣ такое рабочее движеніе, подталкиваемое со стороны, можетъ быть дѣйствительной силой? Куда тамъ . . . . Оно еще не выучилось ходить своими ногами, и его водятъ на помочахъ. И такъ во всемъ: студенты разъѣхались — остановка; выхватили наиболѣе способныхъ изъ сливокъ — молоко закисло; арестовали „Комитетъ“ — пока то устроится новый, опять затишье; да неизвѣстно еще, какой устроится — можетъ быть, совсѣмъ непохожій на прежній: тотъ говорилъ одно, а этотъ скажетъ обратное. Связь между вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ теряется, опытъ прошлаго не въ поученье будущему. И все оттого, что нѣтъ корней въ глубинѣ, въ толпѣ, работаетъ не сотня дураковъ, а десятокъ умниковъ. Десятокъ всегда можно выловить щучьимъ хайломъ, но, разъ организація охватываетъ толпу, все идетъ отъ толпы, — ничье усердіе не въ состояніи погубить дѣла“ (63 стр.).

Факты описаны вѣрно. Картинка нашего кустарничества недурная. Но выводы — достойные Рабочей Мысли и по ихъ неразумности и по ихъ политической безтактности. Это — верхъ неразумія, ибо авторъ смѣшиваетъ философскій и соціально-историческій вопросъ о „корняхъ“ движенія въ „глу-

бинѣ“ съ технически-организаціоннымъ вопросомъ о лучшей борьбѣ съ жандармами. Это — верхъ политической безтактности, ибо вмѣсто того, чтобы аппелировать отъ плохихъ руководителей къ хорошимъ руководителямъ, авторъ аппелируетъ отъ руководителей вообще къ „толпѣ“. Это — такая же попытка тащить насъ назадъ въ организаціонномъ отношеніи, какъ въ политическомъ отношеніи тащитъ назадъ мысль о замѣнѣ политической агитаціи эксцитативнымъ терроромъ. Я, право, испытываю настоящій embarras de richesses, не зная, съ чего начать разборъ преподносимой намъ „Свободою“ путаницы. Попробую начать, для наглядности, съ примѣра. Возьмите нѣмцевъ. Надѣюсь, вы не станете отрицать, что у нихъ организація охватываетъ толпу, все идетъ отъ толпы, рабочее движеніе научилось ходить своими ногами? А между тѣмъ какъ умѣетъ эта милліонная толпа цѣнить „десятокъ“ своихъ испытанныхъ политическихъ вождей, какъ крѣпко держится она за нихъ! Въ парламентѣ бывало не разъ, что депутаты враждебныхъ партій дразнили соціалистовъ: „хороши демократы! на словахъ только у васъ движеніе рабочаго класса, — а на дѣлѣ выступаетъ все та же компанія вожаковъ. Все тотъ же Бебель, все тотъ же Либкнехтъ изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе. Да ваши якобы-выборные делегаты отъ рабочихъ болѣе несмѣняемы, чѣмъ назначаемые императоромъ чиновники!“ Но нѣмцы встрѣчали только презрительной усмѣшкой эти демагогическія попытки противопоставить „вожакамъ“ „толпу“, разжечь въ послѣдней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движенія его прочность и его устойчивость посредствомъ подрыва довѣрія массы къ „десятку умниковъ“. У нѣмцевъ достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политическаго опыта, чтобы понимать, что безъ „десятка“ талантливыхъ (а таланты не рождаются сотнями), испытанныхъ, профессіонально подготовленныхъ и долгой школой обученныхъ вождей, превосходно спѣвшихся другъ съ другомъ, невозможна въ современномъ обществѣ стойкая борьба ни одного класса. Нѣмцы видывали и въ своей средѣ демагоговъ, которые льстили „сотнямъ дураковъ“, превознося ихъ надъ „десятками умниковъ“, льстили „мускулистому кулаку“ массы, возбуждая ее (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно „революціонныя“ дѣйствія и поселяя недовѣріе къ выдержаннымъ и стойкимъ вождямъ. И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбѣ со всѣми и всяческими демагогическими элементами внутри соціализма такъ выросъ и окрѣпъ нѣмецкій соціализмъ. А наши мудрецы въ такой періодъ, когда весь кризисъ русской соціаль-демократіи объясняется тѣмъ, что у стихійно пробужденныхъ массъ не оказывается на лицо достаточно подготовленныхъ, развитыхъ и опытныхъ руководителей, вѣщаютъ съ глубокомысліемъ Иванушки: „плохо, когда движеніе идетъ не съ низовъ“!

„Комитетъ изъ студентовъ не годится, онъ неустойчивъ.“ — Совершенно справедливо. Но отсюда выводъ тотъ, что нуженъ комитетъ изъ профессіональныхъ *революціонеровъ*, все равно, студентъ-ли или рабочій сумѣетъ выработать изъ себя профессіональнаго революціонера. А вы дѣлаете выводъ тотъ, что не слѣдъ подталкивать рабочее движеніе со стороны! По своей политической наивности, вы и не замѣчаете, что играете этимъ на руку нашимъ экономистамъ и нашему кустарничеству. Въ чемъ это выражалось, позвольте спросить, „подталкиваніе“ нашихъ рабочихъ нашими студентами? *Единственно* въ томъ, что студентъ несъ рабочему тѣ обрывки политическаго знанія, которые у него были, тѣ крохи соціалистическихъ идей, которыя ему перепали (ибо главная умственная пища современнаго студента, легальный марксизмъ, и не могъ дать ничего кромѣ азбуки, кромѣ крохъ). *Этакаго* „подталкиванія со стороны“ не слишкомъ много, а наоборотъ слишкомъ мало, безбожно и безсовѣстно мало было въ нашемъ движеніи, ибо мы черезчуръ усердно варились въ собственномъ соку, черезчуръ рабски преклонялись предъ элементарной „экономической борьбой рабочихъ съ хозяевами и съ правительствомъ“. *Этакимъ-то* „подталкиваніемъ“ во сто разъ больше должны заниматься и будемъ заниматься мы, революціонеры по профессіи. Но именно тѣмъ, что вы выбираете такое гнусное слово, какъ „подталкиваніе со стороны“, которое неизбѣжно вызываетъ у рабочаго (по крайней мѣрѣ, у рабочаго, столь же неразвитого, какъ неразвиты вы) недовѣріе ко *всѣмъ*, кто несетъ ему со стороны политическое знаніе и революціонный опытъ, вызываетъ инстинктивное желаніе дать отпоръ *всѣмъ* такимъ людямъ, — вы оказываетесь *демагогомъ*, а демагоги худшіе враги рабочаго класса.

Да, да! Не спѣшите поднимать вопль по поводу „нетоварищескихъ пріемовъ“ моей полемики! Я и не думаю заподазривать чистоту вашихъ намѣреній, я уже сказалъ, что демагогомъ можно сдѣлаться и въ силу одной только политической наивности. Но я показалъ, что вы опустились до демагогіи. И я никогда не устану повторять, что демагоги худшіе враги рабочаго класса. Худшіе именно потому, что они разжигаютъ дурные инстинкты толпы, что неразвитымъ рабочимъ невозможно распознать этихъ враговъ, выступающихъ и иногда искренне выступающихъ въ качествѣ ихъ друзей. Худшіе — потому, что въ періодъ разброда и шатанія, въ періодъ, когда только еще складывается физіономія нашего движенія, нѣтъ ничего легче какъ демагогически увлечь толпу, которую потомъ только самыя горькія испытанія смогутъ убѣдить въ ея ошибкѣ. Вотъ почему лозунгомъ момента для современнаго русскаго соціаль-демократа должна

быть рѣшительная борьба и противъ опускающейся до демагогіи „Свободы“ и противъ опускающагося до демагогіи „Рабочаго Дѣла“ (о чемъ еще подробно будетъ говорено*) ниже).

„Десятокъ умниковъ легче выловить, чѣмъ сотню дураковъ.“ Эта великолѣпная истина (за преподнесеніе которой вамъ всегда будетъ апплодировать сотня дураковъ) кажется самоочевидной только благодаря тому, что вы во время хода разсужденія перескочили съ одного вопроса на другой. Вы начали говорить и продолжаете говорить о вылавливаніи „комитета“, о вылавливаніи „организаціи“, а теперь перескочили на вопросъ о вылавливаніи „корней“ движенія „въ глубинѣ“. Конечно, наше движеніе неуловимо только потому, что оно имѣетъ сотни и сотни тысячъ корней въ глубинѣ, но рѣчь-то вѣдь идетъ совсѣмъ не объ этомъ. Въ смыслѣ „корней въ глубинѣ“ насъ не могутъ „выловить“ и теперь, несмотря на все наше кустарничество, и тѣмъ не менѣе всѣ мы жалуемся и не можемъ не жаловаться на вылавливаніе *„организацій“*, разрушающее всякую преемственность движенія. А разъ вы поставите вопросъ о вылавливаніи *организацій* и не будете сбиваться съ него, то я вамъ скажу, что десятокъ умниковъ выловить гораздо труднѣе, чѣмъ сотню дураковъ. И я буду защищать это положеніе, сколько бы вы ни науськивали на меня толпу за мой „анти-демократизмъ“ и т. п. Подъ „умниками“ въ отношеніи организаціонномъ надо разумѣть только, какъ я уже не разъ указывалъ, *профессіональныхъ революціонеровъ*, все равно изъ студентовъ или изъ рабочихъ они выработаются. И вотъ я утверждаю: (1) что ни одно революціонное движеніе не можетъ быть прочно безъ устойчивой и хранящей преемственность организаціи руководителей; (2) что чѣмъ шире масса, стихійно вовлекаемая въ борьбу, составляющая базисъ движенія и участвующая въ немъ, тѣмъ настоятельнѣе необходимость въ такой организаціи и тѣмъ прочнѣе должна быть эта организація (ибо тѣмъ легче всякимъ демагогамъ увлечь неразвитые слои массы); (3) что такая организація должна состоять главнымъ образомъ изъ людей, профессіонально занимающихся революціонной дѣятельностью; (4) что въ самодержавной странѣ чѣмъ болѣе мы *сузимъ* составъ членовъ такой организаціи до участія въ ней такихъ только членовъ, которые профессіонально занимаются революціонной дѣятельностью и получили профессіональную подготовку въ искусствѣ борьбы съ политической полиціей, тѣмъ труднѣе будетъ „выловить“ такую организацію, и — (5) — тѣмъ *шире* будетъ составъ

*) Здѣсь же замѣтимъ только, что все сказанное нами по поводу „подталкиванія со стороны“ и всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій „Свободы“ объ организаціи *цѣликомъ* относится ко *всѣмъ* экономистамъ и „рабочедѣленцамъ“ въ томъ числѣ, ибо они частью активно проповѣдывали и защищали тѣ же взгляды на вопросы организаціи, частью сбивались на нихъ.

лицъ и изъ рабочаго класса и изъ остальныхъ классовъ общества, которые будутъ имѣть возможность участвовать въ движеніи и активно работать въ немъ.

Предлагаю нашимъ экономистамъ, террористамъ и „экономистамъ-террористамъ“*) опровергнуть эти положенія, изъ которыхъ я остановлюсь сейчасъ на двухъ послѣднихъ. Вопросъ о легкости выловить „десятокъ умниковъ“ и „сотню дураковъ“ сводится къ разобранному выше вопросу о томъ, возможна-ли массовая *организація* при необходимости строжайшей конспираціи. Широкую организацію мы никогда не сможемъ поставить на ту конспиративную высоту, безъ которой не можетъ быть и рѣчи объ устойчивой и хранящей преемственность борьбы съ правительствомъ. И сосредоточеніе всѣхъ конспиративныхъ функцій въ рукахъ возможно небольшого числа профессіональныхъ революціонеровъ вовсе не означаетъ, что эти послѣдніе будутъ „думать за всѣхъ“, что толпа не будетъ принимать дѣятельнаго участія въ *движеніи*. Напротивъ, эти профессіональные революціонеры будутъ выдвигаться толпой все въ большемъ числѣ, ибо толпа будетъ тогда знать, что недостаточно собраться нѣсколькимъ студентамъ и ведущимъ экономическую борьбу рабочимъ, чтобы составить „комитетъ“, а что необходимо годами вырабатывать изъ себя профессіональнаго революціонера, и толпа будетъ „думать“ не объ одномъ только кустарничествѣ, а именно о такой выработкѣ. Централизація конспиративныхъ функцій *организаціи* вовсе не означаетъ централизаціи всѣхъ функцій *движенія*. Активное участіе самой широкой массы въ нелегальной литературѣ не уменьшится, а вдесятеро *усилится* оттого, что „десятокъ“ профессіональныхъ революціонеровъ централизуетъ конспиративныя функціи этого дѣла. Такъ и только такъ мы добьемся того, что чтеніе нелегальной литературы, сотрудничество въ ней, отчасти даже и распространеніе ея *почти перестанутъ быть конспиративнымъ дѣломъ*, ибо полиція скоро пойметъ нелѣпость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждаго экземпляра изъ разбрасываемыхъ тысячами изданій. И это относится не только къ печати, а и ко всѣмъ функціямъ

*) Этотъ терминъ, можетъ быть, болѣе правиленъ по отношенію къ „Свободѣ“, чѣмъ предыдущій, ибо въ „Возрожденіи революціонизма“ защищается терроризмъ, а въ разбираемой статьѣ — экономизмъ. Охота смертная, да участь горькая! — можно вообще сказать про „Свободу“. Самые хорошіе задатки и самыя лучшія намѣренія — и путаница въ результатѣ, путаница главнымъ образомъ благодаря тому, что, защищая преемственность организаціи, „Свобода“ не хочетъ знать преемственности революціонной мысли и соціаль-демократической теоріи. Стараться опять вызвать къ жизни профессіональнаго революціонера („Возр. рев.“) и предлагать для этого, во-первыхъ, эксцитативный терроръ, а, во-вторыхъ, „организацію рабочихъ-середняковъ“ (Свобода, № 1, стр. 66 и сл.), поменьше „подталкиваемыхъ со стороны“, — это значитъ, по истинѣ, для согрѣванія своего жилища ломать на дрова это самое жилище.

движенія, вплоть до демонстраціи. Самое активное и самое широкое участіе въ ней массы не только не пострадаетъ, а напротивъ много выиграетъ отъ того, что „десятокъ“ испытанныхъ, профессіонально вышколенныхъ не менѣе нашей полиціи, революціонеровъ централизуетъ всѣ конспиративныя стороны дѣла, подготовленіе листковъ, выработку приблизительнаго плана, назначеніе отряда руководителей для каждаго района города, для каждаго фабричнаго квартала, для каждаго учебнаго заведенія и т. п. (я знаю, мнѣ возразятъ о „недемократичности“ моихъ воззрѣній, но я отвѣчу на это, совсѣмъ неумное, возраженіе подробно ниже). Централизація наиболѣе конспиративныхъ функцій организаціей революціонеровъ не обезсилитъ, а обогатитъ широту и содержательность дѣятельности цѣлой массы другихъ организацій, разсчитанныхъ на широкую публику и потому возможно менѣе оформленныхъ и возможно менѣе конспиративныхъ: и рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, и рабочихъ кружковъ самообразованія и чтенія нелегальной литературы, и соціалистическихъ, а также демократическихъ кружковъ во *всѣхъ* другихъ слояхъ населенія и проч. и проч. Такіе кружки, союзы и организаціи необходимы повсюду въ *самомъ широкомъ* числѣ съ самыми разнообразными функціями, но нелѣпо и вредно *смѣшивать* ихъ съ организаціей *революціонеровъ*, стирать грань между ними, угашать въ массѣ и безъ того невѣроятно потускнѣвшее сознаніе того, что для „обслуживанія“ массоваго движенія нужны люди, спеціально посвящающіе себя цѣликомъ соціаль-демократической дѣятельности и что такіе люди должны съ терпѣніемъ и упорствомъ *вырабатывать* изъ себя профессіональныхъ революціонеровъ.

Да, это сознаніе невѣроятно потускнѣло. Основной нашъ грѣхъ въ организаціонномъ отношеніи — что *мы своимъ кустарничествомъ уронили престижъ революціонера на Руси*. Дряблый и шаткій въ вопросахъ теоретическихъ, съ узкимъ кругозоромъ, ссылающійся на стихійность массы въ оправданіе своей вялости, болѣе похожій на секретаря трэдъ-юніона, чѣмъ на народнаго трибуна, не умѣющій выдвинуть широкаго и смѣлаго плана, который бы внушилъ уваженіе и противникамъ, неопытный и неловкій въ своемъ профессіональномъ искусствѣ, — борьбѣ съ политической полиціей, — помилуйте! это — не революціонеръ, а какой то жалкій кустарь!

Пусть не обижается на меня за это рѣзкое слово ни одинъ практикъ, ибо, поскольку рѣчь идетъ о неподготовленности, я отношу его прежде всего къ самому себѣ. Я работалъ въ кружкѣ, который ставилъ себѣ очень широкія, всеобъемлющія задачи, — и всѣмъ намъ, членамъ этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать отъ сознанія того, что мы оказываемся кустарями въ такой историческій моментъ,

когда можно было бы, видоизмѣняя извѣстное изреченіе, сказать: дайте намъ организацію революціонеровъ — и мы перевернемъ Россію! И чѣмъ чаще мнѣ съ тѣхъ поръ приходилось вспоминать о томъ жгучемъ чувствѣ стыда, которое я тогда испытывалъ, тѣмъ больше у меня накоплялось горечи противъ тѣхъ лже-соціаль-демократовъ, которые своей проповѣдью „позорятъ революціонера санъ“, которые не понимаютъ того, что наша задача — не защищать принаженіе революціонера до кустаря, а *поднимать* кустарей до революціонеровъ.

г) Размахъ организаціонной работы.

Мы слышали выше отъ Б—ва „о томъ недостаткѣ годныхъ къ дѣйствію революціонныхъ силъ, который ощущается не только въ Петербургѣ, но и по всей Россіи“. И врядъ-ли кто станетъ оспаривать этотъ фактъ. Но вопросъ въ томъ, какъ объяснить его? Б—въ пишетъ:

„Мы не будемъ вдаваться въ выясненіе историческихъ причинъ этого явленія; скажемъ только, что общество, деморализованное продолжительной политической реакціей и разрозненное совершившимися и совершающимися экономическими измѣненіями, выдѣляетъ изъ своей среды *крайне малое число лицъ, годныхъ къ революціонной работѣ*; что рабочій классъ, выдѣляя революціонеровъ-рабочихъ, отчасти пополняетъ ряды нелегальныхъ организацій, — но что число такихъ революціонеровъ не отвѣчаетъ потребностямъ времени. Тѣмъ болѣе, что рабочій, занятый на фабрикѣ 11½ часовъ, по своему положенію можетъ исполнять преимущественно функціи агитатора; пропаганда же и организація, доставка и воспроизведеніе нелегальной литературы, выпускъ прокламацій и т. д. по неволѣ главной тяжестью ложатся на крайне незначительныя интеллигентныя силы“. (Р. Дѣло, № 6, с. 38—39).

Мы во многомъ несогласны съ этимъ мнѣніемъ Б—ва и особенно несогласны съ подчеркнутыми нами словами, которыя особенно рельефно показываютъ, что изстрадавшись (какъ и всякій сколько-нибудь думавшій практикъ) отъ нашего кустарничества, Б—въ не можетъ, вслѣдствіе его придавленности экономизмомъ, нащупать выходъ изъ невыносимаго положенія. Нѣтъ, общество выдѣляетъ крайне *много* лицъ, годныхъ для „дѣла“, но мы не умѣемъ утилизировать всѣхъ ихъ. Критическое, переходное состояніе нашего движенія въ разсматриваемомъ отношеніи можно формулировать словами: *людей нѣтъ и — людей масса*. Людей масса, потому что и рабочій классъ и все болѣе и болѣе разнообразные слои общества выдѣляютъ съ каждымъ годомъ все больше и больше недовольныхъ, желающихъ протестовать, готовыхъ оказать посильное содѣйствіе борьбѣ съ абсолютизмомъ, невыносимость котораго еще не всѣми сознается, но все болѣе широкой массой и все острѣе ощущается. И въ тоже время людей нѣтъ, потому что нѣтъ руководителей, нѣтъ политическихъ вождей, нѣтъ организаторскихъ талантовъ, способныхъ поставить такую широкую и въ тоже время единую и стройную работу, которая бы давала примѣненіе каждой,

хотя бы самой незначительной силѣ. „Ростъ и развитіе революціонныхъ организацій“ отстаетъ не только отъ роста рабочаго движенія, что признаетъ и Б—въ, но и отъ роста общедемократическаго движенія во всѣхъ слояхъ народа. (Впрочемъ, въ настоящее время, вѣроятно, Б—въ призналъ бы и это дополненіе къ его выводу). Размахъ революціонной работы слишкомъ узокъ сравнительно съ широкимъ стихійнымъ базисомъ движенія, слишкомъ придавленъ убогой теоріей „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ“. А между тѣмъ въ настоящее время не только политическіе агитаторы, но и организаторы-соціаль-демократы должны „идти во всѣ классы населенія“.*) И врядъ-ли хоть одинъ практикъ усомнится въ томъ, что соціаль-демократы могли бы распредѣлить тысячи дробныхъ функцій своей организаціонной работы между отдѣльными представителями самыхъ различныхъ классовъ. Недостатокъ спеціализаціи — одинъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ нашей техники, на который такъ горько и такъ справедливо жалуется Б—въ. Чѣмъ мельче будутъ отдѣльныя „операціи“ общаго дѣла, тѣмъ больше можно найти лицъ, способныхъ къ выполненію такихъ операцій (и совершенно неспособныхъ въ большинствѣ случаевъ къ тому, чтобы стать профессіональными революціонерами), и тѣмъ труднѣе для полиціи „выловить“ всѣхъ этихъ „детальныхъ работниковъ“, тѣмъ труднѣе для нея смастерить изъ поимки человѣка на какой-либо мелочи „дѣло“, окупающее расходы казны на „охрану“. А что касается числа готовыхъ оказывать намъ содѣйствіе лицъ, то мы уже и въ предъидущей главѣ указывали на гигантскую перемѣну, происшедшую въ этомъ отношеніи за какихъ-нибудь пять лѣтъ. Но, съ другой стороны, и для того, чтобы собрать воедино всѣ эти мелкія дроби, и для того, чтобы не раздробить вмѣстѣ съ функціями движенія самого движенія, и для того, чтобы внушить исполнителю мелкихъ функцій ту вѣру въ необходимость и значеніе его работы, безъ которой онъ никогда и не будетъ работать,**) — для всего этого необходима именно крѣпкая организація испытанныхъ революціо-

*) Напримѣръ, въ военной средѣ въ послѣднее время замѣчается несомнѣнное оживленіе демократическаго духа, отчасти вслѣдствіе учащающихся случаевъ уличной борьбы противъ такихъ „враговъ“, какъ рабочіе и студенты. И, какъ только позволятъ наличныя силы, мы непремѣнно должны обратить самое серьезное вниманіе на пропаганду и агитацію среди солдатъ и офицеровъ, на созданіе „военныхъ организацій“, входящихъ въ нашу партію.

**) Я помню, одинъ товарищъ передавалъ мнѣ, какъ горько жаловался готовый помогать и помогавшій соціаль-демократіи фабричный инспекторъ на то, что онъ не знаетъ, доходитъ ли его „информація“ до настоящаго революціоннаго центра, насколько нужна его помощь и насколько имѣется возможность утилизировать его маленькія и мелкія услуги. Всякій практикъ знаетъ, конечно, не одинъ подобный случай, когда наше кустарничество отнимало у насъ союзниковъ. А „мелкія“ въ отдѣльности и нео-

неровъ. При такой организаціи вѣра въ силу партіи укрѣпится тѣмъ болѣе и распространится тѣмъ шире, чѣмъ конспиративнѣе будетъ эта организація, — а вѣдь на войнѣ, извѣстное дѣло, важнѣе всего внушить вѣру въ свои силы не только своей арміи, но и непріятелю и всѣмъ *нейтральнымъ* элементамъ; дружественный нейтралитетъ можетъ иногда рѣшить дѣло. При такой организаціи, стоящей на твердомъ теоретическомъ базисѣ и располагающей соціаль-демократическимъ органомъ, нечего будетъ бояться того, что движеніе собьютъ съ пути многочисленные, привлеченные къ нему, „сторонніе“ элементы (напротивъ, именно теперь, при господствующемъ кустарничествѣ мы наблюдаемъ, какъ многіе соціаль-демократы тянутъ по линіи „credo“, воображая только себя соціаль-демократами). Однимъ словомъ, спеціализація необходимо предполагаетъ централизацію и, въ свою очередь, безусловно требуетъ ея.

Но самъ же Б—въ, такъ прекрасно обрисовавшій всю необходимость спеціализаціи, недостаточно оцѣниваетъ ее, по нашему мнѣнію, во второй части приведеннаго разсужденія. Число революціонеровъ изъ рабочихъ недостаточно, говоритъ онъ. Это совершенно справедливо, и мы опять-таки подчеркиваемъ, что „цѣнное сообщеніе близкаго наблюдателя“ вполнѣ подтверждаетъ нашъ взглядъ на причины современнаго кризиса въ соціаль-демократіи, а, слѣдовательно, и на средства исцѣленія отъ него. Не только вообще отстаютъ революціонеры отъ стихійнаго подъема массъ, но даже и рабочіе революціонеры отстаютъ отъ стихійнаго подъема рабочихъ массъ. А этотъ *фактъ* самымъ нагляднымъ образомъ подтверждаетъ, даже съ „практической“ точки зрѣнія, не только нелѣпость, но и *политическую реакціонность* той „педагогіи“, которою насъ такъ часто угощаютъ при обсужденіи вопроса о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ рабочимъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что самая первая, самая настоятельная наша обязанность — содѣйствіе выработкѣ рабочихъ-революціонеровъ, стоящихъ на такомъ же уровнѣ *въ отношеніи партійной дѣятельности*, какъ и интеллигенты-революціонеры (мы подчеркиваемъ слова: въ отношеніи пар-

цѣнимыя въ суммѣ услуги могли бы и стали бы намъ оказывать служащіе и чиновники не только по фабричной, но и по почтовой, желѣзнодорожной, таможенной, дворянской, поповской и *всякой* другой части, вплоть даже до полицейской и придворной! Еслибы у насъ была уже настоящая партія, дѣйствительно боевая организація революціонеровъ, мы не ставили бы ребромъ всѣхъ такихъ „пособниковъ“, не торопились бы всегда и безусловно втягивать ихъ въ самую сердцевину „нелегальщины“, а, напротивъ, особенно берегли бы ихъ, и даже спеціально подготовляли бы людей на такія функціи, памятуя, что многіе студенты могли бы больше пользы принести партіи въ качествѣ „пособниковъ“ — чиновниковъ, чѣмъ въ качествѣ „краткосрочныхъ“ революціонеровъ. Но — повторяю еще разъ — примѣнять эту тактику вправѣ только вполнѣ уже прочная организація, не испытывающая недостатка въ активныхъ силахъ.

тійной дѣятельности, ибо въ другихъ отношеніяхъ достиженіе такого же уровня рабочими, хотя и необходимо, но далеко не такъ легко и не такъ настоятельно). Поэтому *главное* вниманіе должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочихъ до революціонеровъ, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самимъ непремѣнно до „рабочей массы“, какъ хотятъ экономисты, непремѣнно до „рабочихъ-середняковъ“, какъ хочетъ „Свобода“ (поднимающаяся въ этомъ отношеніи на вторую ступеньку экономической „педагогіи“). Я далекъ отъ мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочихъ и особо-популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталыхъ рабочихъ. Но меня возмущаетъ это постоянное припутываніе педагогіи къ вопросамъ политики, къ вопросамъ организаціи. Вѣдь вы, господа радѣтели о „рабочемъ-середнякѣ“, въ сущности, скорѣе оскорбляете рабочихъ своимъ желаніемъ непремѣнно *нагнуться*, прежде чѣмъ заговорить о рабочей политикѣ или о рабочей организаціи. Да говорите же вы о серьезныхъ вещахъ выпрямившись, и предоставьте педагогію педагогамъ, а не политикамъ и не организаторамъ! Развѣ среди интеллигенціи нѣтъ тоже передовиковъ, „середняковъ“ и „массы“? Развѣ для интеллигенціи не признается также всѣми необходимость популярной литературы и не пишется эта литература? Но представьте только себѣ, что въ статьѣ объ организаціи студентовъ или гимназистовъ авторъ станетъ, какъ открытіе какое-то, разжевывать, что нужна прежде всего организація „студентовъ-середняковъ“. Такого автора навѣрное осмѣютъ — и по дѣломъ. Да вы дайте намъ, скажутъ ему, организаціонныя идейки, ежели онѣ у васъ есть, а ужъ тамъ мы сами разберемъ, кто изъ насъ „середнякъ“, кто выше и кто ниже. А ежели у васъ *своихъ* организаціонныхъ идеекъ нѣтъ, — всѣ ваши потуги насчетъ „массы“ и „середняковъ“ окажутся просто скучными. Поймите же, что самые уже вопросы о „политикѣ“, объ „организаціи“ настолько серьезны, что объ нихъ нельзя говорить иначе какъ вполнѣ серьезно: можно и должно *подготовлять* рабочихъ (и студентовъ и гимназистовъ) къ тому, чтобы съ ними *можно было заговорить* объ этихъ вопросахъ, но разъ уже вы заговорили о нихъ, давайте настоящіе отвѣты, не пятьтесь назадъ, къ „середнякамъ“ или къ „массѣ“, не отдѣлывайтесь прибаутками или фразами.*)

*) Свобода, № 1, статья „Организація“, стр. 66: „тяжелой поступью рабочая громада будетъ крѣпить всѣ требованія, которыя выставятся отъ лица россійскаго Труда“, — непремѣнно съ большой буквы! И этотъ-же авторъ восклицаетъ: „я вовсе не отношусь враждебно къ интеллигенціи, но“ ... (это то самое *но*, которое Щедринъ переводилъ словами: выше лба уши не растутъ!) ... „но меня всегда страшно сердитъ, когда придетъ человѣкъ и наговоритъ очень красивыхъ и прекрасныхъ вещей и требуетъ, чтобы онѣ были приняты за свою (его?) красоту и иныя достоинства“ (62). Да, меня это тоже „всегда страшно сердитъ“ ...

Рабочій-революціонеръ для полной подготовки къ своему дѣлу тоже долженъ становиться профессіональнымъ революціонеромъ. Поэтому неправъ Б—въ, когда онъ говоритъ, что такъ какъ рабочій занятъ на фабрикѣ по $11^1/_2$ часовъ, то остальныя революціонныя функціи (кромѣ агитаціи) „*по неволѣ* главной тяжестью ложатся на крайне незначительныя интеллигентныя силы“. Вовсе это не „по неволѣ“ такъ дѣлается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаемъ своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своимъ способностямъ рабочему превращаться въ *профессіональнаго* агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика и пр. и пр. Въ этомъ отношеніи мы прямо позорно расхищаемъ свои силы, не умѣя беречь то, что надо особенно заботливо ростить и выращивать. Посмотрите на нѣмцевъ: у нихъ во сто разъ больше силъ, чѣмъ у насъ, но они прекрасно понимаютъ, что дѣйствительно способные агитаторы и пр. выдѣляются „середняками“ вовсе не слишкомъ часто. Поэтому они тотчасъ же стараются поставить всякаго способнаго рабочаго въ такія условія, при которыхъ его способности могли бы получить полное развитіе и полное примѣненіе: его дѣлаютъ профессіональнымъ агитаторомъ, его побуждаютъ расширить поприще его дѣятельности, распространяя ее съ одной фабрики на все ремесло, съ одной мѣстности на всю страну. Онъ пріобрѣтаетъ опытность и ловкость въ своей профессіи, онъ расширяетъ свой кругозоръ и свои знанія, онъ наблюдаетъ бокъ-о-бокъ выдающихся политическихъ вождей другихъ мѣстностей и другихъ партій, онъ старается подняться самъ на такую же высоту и соединить въ себѣ знаніе рабочей среды и свѣжесть соціалистическихъ убѣжденій съ той профессіональной выучкой, безъ которой пролетаріатъ *не можетъ* вести упорную борьбу съ великолѣпно обученными рядами его враговъ. Такъ и только такъ выдвигаются изъ рабочей массы Бебели и Ауэры. Но то, что въ политически свободной странѣ дѣлается въ значительной степени само собою, то у насъ должны систематически проводить наши организаціи. Сколько нибудь талантливый и „подающій надежды“ агитаторъ изъ рабочихъ *не долженъ* работать на фабрикѣ по 11 часовъ. Мы должны позаботиться о томъ, чтобы онъ жилъ на средства партіи, чтобы онъ умѣлъ во-время перейти на нелегальное положеніе, чтобы онъ перемѣнялъ мѣсто своей дѣятельности, ибо иначе онъ не выработаетъ большой опытности, не расширитъ своего кругозора, не сумѣетъ продержаться нѣсколько, по крайней мѣрѣ, лѣтъ въ борьбѣ съ жандармами. Чѣмъ шире и глубже становится стихійный подъемъ рабочихъ массъ, тѣмъ больше выдвигаютъ онѣ не только талантливыхъ агитаторовъ, но и талантливыхъ организаторовъ и пропагандистовъ и „практиковъ“ въ хорошемъ смыслѣ (которыхъ такъ мало среди нашей интеллигенціи,

большей частью немножко по-россійски халатной и неповоротливой). Когда у насъ будутъ отряды спеціально подготовленныхъ и прошедшихъ длинную школу рабочихъ-революціонеровъ (и притомъ, разумѣется, революціонеровъ „всѣхъ родовъ оружія“), — тогда съ этими отрядами не совладаетъ никакая политическая полиція въ мірѣ, ибо эти отряды людей, беззавѣтно преданныхъ революціи, будутъ пользоваться также беззавѣтнымъ довѣріемъ самыхъ широкихъ рабочихъ массъ. И это — наша прямая *вина*, что мы слишкомъ мало „подталкиваемъ“ рабочихъ на эту общую имъ съ „интеллигентами“ дорогу профессіонально-революціонной выучки, слишкомъ часто тащимъ ихъ назадъ своими глупыми рѣчами о томъ, что „доступно“ рабочей массѣ, „рабочимъ-середнякамъ“ и т. п.

Въ этихъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, узкій размахъ организаціонной работы стоитъ въ несомнѣнной и неразрывной (хотя громаднымъ большинствомъ „экономистовъ“ и начинающихъ практиковъ несознаваемой) связи съ суженіемъ нашей теоріи и нашихъ политическихъ задачъ. Преклоненіе предъ стихійностью вызываетъ какую-то боязнь хотя на шагъ отойти отъ „доступнаго“ массѣ, боязнь подняться слишкомъ высоко надъ простымъ прислуживаніемъ ближайшимъ и непосредственнымъ запросамъ массы. Не бойтесь, господа! Помните, что мы стоимъ въ организаціонномъ отношеніи такъ низко, что нелѣпа даже самая мысль о томъ, чтобы мы *могли* подняться *слишкомъ* высоко!

г) „Заговорщическая“ организація и „демократизмъ“.

А есть среди насъ очень много людей, которые такъ чутки къ „голосу жизни“, что всего больше боятся именно этого, обвиняя тѣхъ, кто держится излагаемыхъ здѣсь взглядовъ въ „народовольчествѣ“, въ непониманіи „демократизма“ и проч. Приходится остановиться на этихъ обвиненіяхъ, которыя подхватило, разумѣется, и Рабочее Дѣло.

Пишущему эти строки очень хорошо извѣстно, что петербургскіе экономисты обвиняли въ народовольчествѣ еще „Рабочую Газету“ (что и понятно, если сравнить ее съ Раб. Мыслью). Насъ нисколько не удивило поэтому, когда, вскорѣ послѣ возникновенія Искры, одинъ товарищъ сообщилъ намъ, что соціаль-демократы города X называютъ Искру „народовольческимъ“ органомъ. Намъ это обвиненіе, разумѣется, было только лестно, ибо какого же порядочнаго соціал-демократа не обвиняли экономисты въ народовольчествѣ?

Вызываются эти обвиненія недоразумѣніями двоякаго рода. Во-первыхъ, у насъ такъ плохо знаютъ исторію революціоннаго движенія, что называютъ „народовольчествомъ“ всякую идею о боевой централизованной организаціи, объявляющей

рѣшительную войну царизму. Но та превосходная организація, которая была у революціонеровъ 70-хъ годовъ и которая намъ всѣмъ должна бы была служить образцомъ, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*, расколовшимися на чернопередѣльцевъ и народовольцевъ. Такимъ образомъ видѣть въ боевой революціонной организаціи что либо специфически народовольческое нелѣпо и исторически и логически, ибо *всякое* революціонное направленіе, если оно только дѣйствительно думаетъ о серьезной борьбѣ, не можетъ обойтись безъ такой организаціи. Не въ томъ состояла ошибка народовольцевъ, что они постарались привлечь къ своей организаціи *всѣхъ* недовольныхъ и направить эту организацію на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ. Въ этомъ состоитъ, наоборотъ, ихъ великая историческая заслуга. Ошибка же ихъ была въ томъ, что они опирались на теорію, которая въ сущности была вовсе не революціонной теоріей, и не умѣли или не могли неразрывно связать своего движенія съ классовой борьбой внутри развивающагося капиталистическаго общества. И только самое грубое непониманіе марксизма (или „пониманіе“ его въ духѣ „струвизма“) могло породить мнѣніе, что возникновеніе массоваго, стихійнаго рабочаго движенія *избавляетъ* насъ отъ обязанности создать такую-же хорошую, какая была у землевольцевъ, создать еще несравненно лучшую организацію революціонеровъ. Напротивъ, это движеніе именно *возлагаетъ* на насъ эту обязанность, ибо стихійная борьба пролетаріата и не сдѣлается настоящей „классовой борьбой“ его до тѣхъ поръ, пока эта борьба не будетъ руководима крѣпкой организаціей революціонеровъ.

Во-вторыхъ, многіе — и въ томъ числѣ, повидимому, Б. Кричевскій (Р. Д. № 10, с. 18) — неправильно понимаютъ ту полемику противъ „заговорщическаго“ взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда соціаль-демократы. Мы возставали и всегда будемъ, конечно, возставать противъ *суженія* политической борьбы до заговора,*) но это, разумѣется, вовсе не означало отрицаніе необходимости крѣпкой революціонной организаціи. И, напр., въ брошюрѣ, названной въ примѣчаніи, наряду съ полемикой противъ сведенія политической борьбы къ заговору, обрисовывается (какъ соціаль-демократическій идеалъ) организація, настолько крѣпкая, чтобы она могла „прибѣгнуть для нанесенія рѣшительнаго удара абсолютизму“ и къ „возстанію“ и ко всякому „другому пріему аттаки“.**) По своей *формѣ*, такая крѣпкая революціон-

*) Ср. „Задачи русскихъ соціаль-демократовъ“, стр. 21, полемика противъ П. Л. Лаврова.

**) „Задачи рус. соц.-дем.“, стр. 23. Кстати, вотъ еще одна иллюстрація того, что *Раб. Дѣло* либо не понимаетъ того, что оно говоритъ, либо мѣняетъ свои взгляды „по вѣтру“. Въ № 1 Р. Дѣла напечатано курсивомъ: *„изложенная суть брошюры совпадаетъ цѣликомъ съ редакціонной*

ная организація въ самодержавной странѣ можетъ быть названа и „заговорщической“ организаціей, ибо французское слово „конспирація“ равносильно русскому „заговоръ“, а конспиративность необходима для такой организаціи въ максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условіе такой организаціи, что всѣ остальныя условія (число членовъ, подборъ ихъ, функціи и проч.) должны быть сообразованы съ нимъ. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвиненія въ томъ, что мы, соціаль-демократы, хотимъ создать заговорщическую организацію. Эти обвиненія должны быть такъ же лестны для каждаго врага экономизма, какъ и обвиненія въ „народовольчествѣ“.

Намъ возразятъ: такая могучая и строго тайная организація, концентрирующая въ своихъ рукахъ всѣ нити конспиративной дѣятельности, организація по необходимости централистическая, можетъ слишкомъ легко броситься въ преждевременную аттаку, можетъ необдуманно обострить движеніе, раньше чѣмъ это можно и нужно по росту политическаго недовольства, по силѣ броженія и озлобленія въ рабочемъ классѣ и проч. Мы отвѣтимъ на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организація *можетъ* повести на необдуманный бой, который *можетъ* кончиться вовсе не небходимымъ при другихъ условіяхъ пораженіемъ. Но ограничиваться абстрактными соображеніями въ такомъ вопросѣ невозможно, ибо всякое сраженіе включаетъ въ себя абстрактную возможность пораженія, и нѣтъ другого средства *уменьшить* эту возможность, какъ организованная подготовка сраженія. Если же мы поставимъ вопросъ на конкретную почву современныхъ русскихъ условій, то придется сдѣлать положительный выводъ, что крѣпкая революціонная организація безусловно необходима именно для того, чтобы придать устойчивость движенію и *предохранить* его отъ возможности необдуманныхъ аттакъ. Именно теперь, при отсутствіи такой организаціи и при быстромъ стихійномъ ростѣ революціоннаго движенія *наблюдаются уже* двѣ противоположныя крайности (которыя, какъ имъ и полагается, „сходятся“): то совершенно несостоятельный экономизмъ и проповѣдь умѣренности, то столь же несостоятельный „эксцитативный терроръ“, стремящійся „въ развивающемся и укрѣпляющемся, но еще находящемся ближе къ началу, чѣмъ къ концу, движеніи искусственно вызвать симптомы его конца“ (В. З. въ Зарѣ, № 2—3, с. 353). И примѣръ Раб. Дѣла показываетъ, что *есть уже*

программой Рабочаго Дѣла“ (стр. 142). Въ самомъ дѣлѣ? Съ „Задачами“ совпадаетъ воззрѣніе, что массовому движенію нельзя ставить первой задачей низверженіе самодержавія? совпадаетъ теорія „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ“? совпадаетъ теорія стадій? Предлагаемъ читателю судить, можетъ ли быть рѣчь о принципіальной устойчивости органа, такъ оригинально понимающаго „совпаденіе“.

соціаль-демократы, пасующіе предъ обѣими крайностями. Такое явленіе неудивительно, помимо остальныхъ причинъ, и потому, что „экономическая борьба съ хозяевами и съ правительствомъ“ *никогда* не удовлетворитъ революціонера, и противоположныя крайности всегда будутъ возникать то здѣсь то тамъ. Только централизованная боевая организація, выдержанно проводящая соціаль-демократическую политику и удовлетворяющая, такъ сказать, всѣ революціонные инстинкты и стремленія, въ состояніи предохранить движеніе отъ необдуманной аттаки и подготовить обѣщающую успѣхъ аттаку.

Намъ возразятъ далѣе, что излагаемый взглядъ на организацію противорѣчитъ „демократическому принципу“. Насколько предъидущее обвиненіе специфически русскаго происхожденія, настолько это — *специфически заграничнаго* характера. И только заграничная организація („союзъ“ русскихъ с.-д.) могла дать своей редакціи въ числѣ прочихъ инструкцій слѣдующую:

„*Организаціонный принципъ.* Въ интересахъ успѣшнаго развитія и объединенія соціаль-демократіи слѣдуетъ подчеркивать, развивать, бороться за широкій демократическій принципъ ея партійной организаціи, что́ особенно необходимо въ виду обнаруживавшихся въ рядахъ нашей партіи анти-демократическихъ тенденцій“ (Два съѣзда, стр. 18).

Какъ именно борется „Раб. Дѣло“ съ „анти-демократическими тенденціями“ Искры, это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ. А теперь присмотримся поближе къ этому „принципу“, выдвигаемому экономистами. Всякій согласится, вѣроятно, что „широкій демократическій принципъ“ включаетъ въ себѣ два слѣдующія необходимыя условія: во-первыхъ, полную гласность и, во-вторыхъ, выборность всѣхъ функцій. Безъ гласности смѣшно было бы говорить о демократизмѣ, и притомъ такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организаціи. Мы назовемъ демократической организацію нѣмецкой соціалистической партіи, ибо въ ней все дѣлается открыто, вплоть до засѣданій партійнаго съѣзда; но никто не назоветъ демократической организаціей — такую, которая закрыта отъ всѣхъ не-членовъ покровомъ тайны. Спрашивается, какой же смыслъ имѣетъ выставленіе „*широкаго* демократическаго принципа“, когда основное условіе этого принципа *неисполнимо* для тайной организаціи? „Широкій принципъ“ оказывается просто звонкой, но пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи насущныхъ задачъ момента въ организаціонномъ отношеніи. Всѣ знаютъ, какъ велика господствующая у насъ неконспиративность „широкой“ массы революціонеровъ. Мы видѣли, какъ горько жалуется на это Б—въ, требующій совершенно справедливо „строгаго выбора членовъ“ (Р. Д. № 6, стр. 42). И вотъ являются люди, хвастающіеся своимъ „чутьемъ къ жизни“, которые при такомъ положеніи дѣлъ *подчеркиваютъ* не необходимость строжайшей конспираціи и

строжайшаго (а, слѣд., болѣе тѣснаго) выбора членовъ, а — *„широкій* демократическій принципъ“! Это называется попасть пальцемъ въ небо.

Не лучше обстоитъ дѣло и со вторымъ признакомъ демократизма, съ выборностью. Въ странахъ съ политической свободой это условіе подразумѣвается само собою. „Членомъ партіи считается всякій, кто признаетъ принципы партійной программы и поддерживаетъ партію по мѣрѣ своихъ силъ“ — гласитъ первый параграфъ организаціоннаго устава нѣмецкой соціаль-демократической партіи. И такъ какъ вся политическая арена открыта передъ всѣми, какъ подмостки сцены передъ зрителями театра, то это признаніе или непризнаніе, поддержка или противодѣйствіе извѣстны всѣмъ и каждому и изъ газетъ и изъ народныхъ собраній. Всѣ знаютъ, что такой то политическій дѣятель началъ съ того-то, пережилъ такую-то эволюцію, проявилъ себя въ минуту жизни трудную такъ-то, отличается вообще такими-то качествами, — и потому, естественно, такого дѣятеля могутъ съ знаніемъ дѣла выбирать или не выбирать на извѣстную партійную должность *всѣ* члены партіи. Всеобщій (въ буквальномъ смыслѣ слова) контроль за каждымъ шагомъ человѣка партіи на его политическомъ поприщѣ создаетъ автоматически дѣйствующій механизмъ, дающій то, что называется въ біологіи „выживаніемъ наиболѣе приспособленныхъ“. „Естественный отборъ“ полной гласности, выборности и всеобщаго контроля обезпечиваетъ то, что каждый дѣятель оказывается въ концѣ концовъ „на своей полочкѣ“, берется за наиболѣе подходящее его силамъ и способностямъ дѣло, испытываетъ на себѣ самомъ всѣ послѣдствія своихъ ошибокъ и доказываетъ передъ глазами всѣхъ свою способность сознавать ошибки и избѣгать ихъ.

Попробуйте-ка вставить эту картину въ рамки нашего самодержавія! Мыслимо ли у насъ, чтобы всѣ, „кто признаетъ принципы партійной программы и поддерживаетъ партію по мѣрѣ своихъ силъ“ контролировали каждый шагъ революціонера-конспиратора? Чтобы всѣ они выбирали изъ числа послѣднихъ того или другого, когда революціонеръ *обязанъ* въ интересахъ работы скрывать отъ девяти десятыхъ этихъ „всѣхъ“, кто онъ такой? Вдумайтесь хоть немного въ настоящее значеніе тѣхъ громкихъ словъ, съ которыми выступаетъ Раб. Дѣло, и вы увидите, что „широкій демократизмъ“ партійной организаціи въ потемкахъ самодержавія, при господствѣ жандармскаго подбора, есть лишь *пустая и вредная игрушка.* Это — пустая игрушка, ибо на дѣлѣ никогда никакая революціонная организація *широкаго* демократизма не проводила и не можетъ проводить даже при всемъ своемъ желаніи. Это — вредная игрушка, ибо попытки проводить на дѣлѣ „широкій демократическій принципъ“ облегчаютъ только полиціи широкіе провалы и увѣковѣчиваютъ царящее кустарничество, отвлекаютъ мысль практиковъ отъ серьезной настоятельной задачи вырабатывать изъ себя профессіональныхъ революціонеровъ къ составленію подробныхъ „бумажныхъ“ уставовъ о системахъ выборовъ. Только заграницей, гдѣ нерѣдко собираются люди, не имѣющіе возможности найти себѣ настоящаго, живого дѣла, могла кое-гдѣ и особенно въ разныхъ мелкихъ группахъ развиться эта „игра въ демократизмъ“.

Чтобы показать читателю всю неблаговидность излюбленнаго пріема Раб. Дѣла выдвигать такой благовидный „принципъ“, какъ демократизмъ въ революціонномъ дѣлѣ, мы сошлемся опять таки на свидѣтеля. Свидѣтель этотъ — Е. Серебряковъ, редакторъ лондонскаго журнала „Наканунѣ“, — питаетъ большую слабость къ Раб. Дѣлу и большую ненависть къ Плеханову и „плехановцамъ“; въ статьяхъ по поводу раскола заграничнаго „союза русскихъ соціаль-демократовъ“ „Наканунѣ“ рѣшительно взяло сторону Р. Дѣла и обрушилось цѣлой тучей жалкихъ словъ на Плеханова. Тѣмъ цѣннѣе для насъ этотъ свидѣтель по данному вопросу. Въ № 7 „Наканунѣ“ (іюль 1899 г.) въ статьѣ: „По поводу воззванія группы самоосвобожденія рабочихъ“ Е. Серебряковъ указывалъ на „неприличіе“ поднимать вопросы „о самообольщеніи, о главенствѣ, о такъ называемомъ ареопагѣ въ серьезномъ революціонномъ движеніи“ и писалъ, между прочимъ:

> „Мышкинъ, Рогачевъ, Желябовъ, Михайловъ, Перовская, Фигнеръ и пр. никогда не считали себя вожаками, и никто ихъ не выбиралъ и не назначалъ, хотя въ дѣйствительности они были таковыми, ибо какъ въ періодъ пропаганды, такъ и въ періодъ борьбы съ правительствомъ они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, шли въ наиболѣе опасныя мѣста, и ихъ дѣятельность была наиболѣе продуктивна. И главенство являлось не результатомъ ихъ желаній, а довѣрія къ ихъ уму, къ ихъ энергіи и преданности со стороны окружающихъ товарищей. Бояться же какого то ареопага (а если не бояться, то зачѣмъ писать о немъ), который можетъ самовластно управлять движеніемъ, уже слишкомъ наивно. Кто же его будетъ слушать?“

Мы спрашиваемъ читателя, чѣмъ отличается „ареопагъ“ отъ „антидемократическихъ тенденцій“? И не очевидно ли, что „благовидный“ организаціонный принципъ Р. Дѣла точно также и наивенъ и неприличенъ, — наивенъ, потому что „ареопага“, или людей съ „антидемократическими тенденціями“ никто просто не станетъ слушаться, разъ не будетъ „довѣрія къ ихъ уму, энергіи и преданности со стороны окружающихъ товарищей“. Неприличенъ, — какъ демагогическая выходка, спекулирующая на тщеславіе однихъ, на незнакомство съ дѣйствительнымъ состояніемъ нашего движенія другихъ, на неподготовленность и незнакомство съ исторіей революціоннаго движенія третьихъ. Единственнымъ серьезнымъ организаціоннымъ принципомъ для дѣятелей

нашего движенія должна быть: строжайшая конспирація, строжайшій выборъ членовъ, подготовка профессіональныхъ революціонеровъ. Разъ есть на лицо эти качества, — обезпечено и нѣчто большее чѣмъ „демократизмъ", именно: полное товарищеское довѣріе между революціонерами. А это большее безусловно необходимо для насъ, ибо о замѣнѣ его демократическимъ всеобщимъ контролемъ у насъ въ Россіи не можетъ быть и рѣчи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность дѣйствительно „демократическаго" контроля дѣлаетъ членовъ революціонной организаціи безконтрольными: имъ некогда думать объ игрушечныхъ формахъ демократизма (демократизма внутри тѣснаго ядра пользующихся полнымъ взаимнымъ довѣріемъ товарищей), но свою *отвѣтственность* чувствуютъ они очень живо, зная притомъ по опыту, что для избавленія отъ негоднаго члена организація настоящихъ революціонеровъ не остановится ни предъ какими средствами. Да и есть у насъ довольно развитое, имѣющее за собой цѣлую исторію, общественное мнѣніе русской (и международной) революціонной среды, карающее съ безпощадной суровостью всякое отступленіе отъ обязанностей товарищества (а вѣдь „демократизмъ", настоящій, не игрушечный демократизмъ входитъ, какъ часть въ цѣлое, въ это понятіе товарищества!). Примите все это во вниманіе — и вы поймете, какой затхлый запахъ заграничной игры въ генеральство поднимается отъ этихъ разговоровъ и резолюцій объ „антидемократическихъ тенденціяхъ"!

Надо замѣтить еще, что другой источникъ такихъ разговоровъ, т. е. наивность, питается также смутностью представленій о томъ, что такое демократія. Въ книгѣ супруговъ Веббъ объ англійскихъ трэдъ-юніонахъ есть любопытная глава: „примитивная демократія". Авторы разсказываютъ тамъ, какъ англійскіе рабочіе въ первый періодъ существованія ихъ союзовъ считали необходимымъ признакомъ демократіи, чтобы всѣ дѣлали все по части управленія союзами: не только всѣ вопросы рѣшались голосованіями всѣхъ членовъ, но и должности отправлялись всѣми членами по очереди. Нуженъ былъ долгій историческій опытъ, чтобы рабочіе поняли нелѣпость такого представленія о демократіи и необходимость представительныхъ учрежденій, съ одной стороны, профессіональныхъ должностныхъ лицъ, съ другой. Нужно было нѣсколько случаевъ финансоваго краха союзныхъ кассъ, чтобы рабочіе поняли, что вопросъ о пропорціональномъ отношеніи платимыхъ взносовъ и получаемыхъ пособій не можетъ быть рѣшенъ однимъ только демократическимъ голосованіемъ, а требуетъ также голоса спеціалиста по страховому дѣлу. Возьмите, далѣе, книгу Каутскаго о парламентаризмѣ и народномъ законодательствѣ, — и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадаютъ съ урокомъ

многолѣтной практики „стихійно" объединявшихся рабочихъ. Каутскій рѣшительно возстаетъ противъ примитивнаго пониманія демократіи Риттингаузеномъ, высмѣиваетъ людей, готовыхъ во имя ея требовать, чтобы „народныя газеты прямо редактировались народомъ", доказываетъ необходимость *профессіональныхъ* журналистовъ, парламентаріевъ и пр. для соціаль-демократическаго руководства классовой борьбой пролетаріата, нападаетъ на „соціализмъ анархистовъ и литераторовъ", въ „погонѣ за эффектами" превозносящихъ прямое народное законодательство и не понимающихъ весьма условной примѣнимости его въ современномъ обществѣ.

Кто работалъ практически въ нашемъ движеніи, тотъ знаетъ, какъ широко распространено среди массы учащейся молодежи и рабочихъ „примитивное" воззрѣніе на демократію. Неудивительно, что это воззрѣніе проникаетъ и въ уставы и въ литературу. Экономисты бернштейніанскаго толка писали въ своемъ уставѣ: „§ 10. Всѣ дѣла, касающіяся интересовъ всей союзной организаціи, рѣшаются большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ ея". Экономисты террористскаго толка вторятъ имъ: „необходимо, чтобы комитетскія рѣшенія обходили всѣ кружки, и только тогда становились дѣствительными рѣшеніями" (Свобода № 1, с. 67). Замѣтьте, что это требованіе широко примѣнять референдумъ выдвигается *сверхъ* требованія построить на выборномъ началѣ *всю* организацію! Мы далеки отъ мысли, конечно, осуждать за это практиковъ, имѣвшихъ слишкомъ мало возможности познакомиться съ теоріей и практикой дѣйствительно демократическихъ организацій. Но когда Раб. Дѣло, которое претендуетъ на руководящую роль, ограничивается при такихъ условіяхъ резолюціей о широкомъ демократическомъ принципѣ, то какъ же не назвать это простой „погоней за эффектомъ"?

е) Мѣстная и общерусская работа.

Если возраженія противъ излагаемаго здѣсь плана организаціи съ точки зрѣнія ея недемократизма и заговорщическаго характера совершенно неосновательны, то остается еще вопросъ, очень часто выдвигаемый и заслуживающій подробнаго разсмотрѣнія. Это вопросъ о соотношеніи мѣстной и общерусской работы. Высказывается опасеніе, не поведетъ ли образованіе централистической организаціи къ перемѣщенію центра тяжести съ первой на вторую? не повредитъ ли это движенію, ослабивъ прочность нашихъ связей съ рабочей массой и вообще устойчивость мѣстной агитаціи? Мы отвѣтимъ на это, что наше движеніе послѣднихъ лѣтъ страдаетъ какъ разъ отъ того, что мѣстные дѣятели черезчуръ поглощены мѣстной работой; что поэтому нѣсколько передвинуть центръ тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо: что такое передвиженіе не ослабитъ, а укрѣ-

питъ и прочность нашихъ связей и устойчивость нашей мѣстной агитаціи. Возьмемъ вопросъ о центральномъ и мѣстныхъ органахъ и попросимъ читателя не забывать, что газетное дѣло является для насъ не болѣе какъ *примѣромъ*, иллюстрирующимъ неизмѣримо болѣе широкое и разностороннее революціонное дѣло вообще.

Въ первый періодъ массоваго движенія (1896—1898 гг.) дѣлается мѣстными дѣятелями попытка поставить общерусскій органъ — „Рабочую Газету"; въ слѣдующій періодъ (1898—1900 г.) — движеніе дѣлаетъ громадный шагъ впередъ, но вниманіе руководителей всецѣло поглощается мѣстными органами. Если подсчитать вмѣстѣ всѣ эти мѣстные органы, то окажется,*) что приходится круглымъ счетомъ по одному номеру газеты въ мѣсяцъ. Развѣ это не наглядная иллюстрація нашего кустарничества? Развѣ это не показываетъ съ очевидностью отсталости нашей революціонной организаціи отъ стихійнаго подъема движенія? Если бы *то же число* номеровъ газетъ было выпущено не раздробленными мѣстными группами, а единой организаціей, — мы не только сберегли бы массу силъ, но и обезпечили бы неизмѣримо большую устойчивость и преемственность нашей работы. Это простое соображеніе слишкомъ часто упускаютъ изъ виду и тѣ практики, которые *активно* работаютъ почти исключительно надъ мѣстными органами (къ сожалѣнію, въ громадномъ большинствѣ случаевъ это и сейчасъ обстоитъ такъ) и тѣ публицисты, которые проявляютъ въ данномъ вопросѣ удивительное донъ-кихотство. Практикъ довольствуется обыкновенно тѣмъ соображеніемъ, что мѣстнымъ дѣятелямъ „трудно"**) заняться постановкой общерусской газеты и что лучше мѣстныя газеты, чѣмъ никакихъ газетъ. Послѣднее, конечно, вполнѣ справедливо, и мы не уступимъ никакому практику въ признаніи громаднаго значенія и громадной пользы мѣстныхъ газетъ *вообще*. Но вѣдь рѣчь идетъ не объ этомъ, а о томъ, нельзя-ли избавиться отъ раздробленности и кустарничества, такъ наглядно выражающихся въ 30 номерахъ мѣстныхъ газетъ по всей Россіи за $2^1/_2$ года. Не ограничивайтесь же безспорнымъ, но слишкомъ общимъ положеніемъ о пользѣ мѣстныхъ газетъ вообще, а имѣйте также мужество открыто признать ихъ отрицательныя стороны, обнаруженныя опытомъ двухъ съ половиной лѣтъ. Этотъ опытъ свидѣтельствуетъ, что мѣстныя газеты при нашихъ условіяхъ оказы-

---

*) См. Докладъ парижскому конгрессу, стр. 14: „Съ того времени (1897 г.) до весны 1900 года вышли въ разныхъ мѣстахъ 30 номеровъ разныхъ газетъ. . . . Въ среднемъ появлялось больше одного номера въ мѣсяцъ."

**) Трудность это только кажущаяся. На самомъ дѣлѣ *нѣтъ* такого мѣстнаго кружка, который не имѣлъ бы возможности активно взяться за ту или иную функцію общерусскаго дѣла. „Не говори:. не могу, а говори: не хочу."

ваются въ большинствѣ случаевъ принципіально неустойчивыми, политически лишенными значенія, въ отношеніи расхода революціонныхъ силъ — непомѣрно дорогими, въ отношеніи техническомъ — совершенно неудовлетворительными (я имѣю въ виду разумѣется, не технику печатанія, а частоту и регулярность выхода). И всѣ указанные недостатки — не случайность, а неизбѣжный результатъ той раздробленности, которая, съ одной стороны, объясняетъ преобладаніе мѣстныхъ газетъ въ разсматриваемый періодъ, а, съ другой стороны, *поддерживается* этимъ преобладаніемъ. Отдѣльной мѣстной организаціи прямо-таки *не подъ силу* обезпечить принципіальную устойчивость своей газеты и поставить ее на высоту политическаго органа, *не подъ силу* собрать и использовать достаточный матеріалъ для освѣщенія всей нашей политической жизни. А тотъ доводъ, которымъ защищаютъ обыкновенно необходимость многочисленныхъ мѣстныхъ газетъ въ свободныхъ странахъ — дешевизна ихъ при печатаніи мѣстными рабочими и бо́льшая полнота и быстрота информаціи мѣстнаго населенія — этотъ *доводъ* обращается у насъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, *противъ* мѣстныхъ газетъ. Онѣ оказываются непомѣрно дорогими, въ смыслѣ расхода революціонныхъ силъ, и *особенно* рѣдко выходящими по той простой причинѣ, что для *нелегальной* газеты, какъ бы она мала ни была, необходимъ такой громадный конспиративный аппаратъ, который требуетъ фабричной крупной промышленности, ибо въ кустарной мастерской и не изготовить этого аппарата. Примитивность же конспиративнаго аппарата ведетъ сплошь и рядомъ къ тому (всякій практикъ знаетъ массу примѣровъ такого рода), что полиція пользуется выходомъ и распространеніемъ одного-двухъ номеровъ для *массоваго* провала, сметающаго все настолько чисто, что приходится начинать опять съ начала. Хорошій конспиративный аппаратъ требуетъ хорошей профессіональной подготовки революціонеровъ и послѣдовательнѣйшимъ образомъ проведеннаго раздѣленія труда, а оба эти требованія совершенно неподсильны для отдѣльной мѣстной организаціи, какъ бы сильна она въ данную минуту ни была. Не говоря уже объ общихъ интересахъ всего нашего движенія (принципіально-выдержанное соціалистическое и политическое воспитаніе рабочихъ), но и спеціально мѣстные интересы *лучше обслуживаются не мѣстными органами:* это кажется парадоксомъ только на первый взглядъ, а на дѣлѣ указанный нами опытъ двухъ съ половиной лѣтъ неопровержимо доказываетъ это. Всякій согласится, что если бы всѣ тѣ мѣстныя силы, которыя выпустили 30 номеровъ газетъ, работали надъ одной газетой, то эта послѣдняя легко дала бы 60, если не сто, номеровъ, а, слѣдовательно, и полнѣе отразила бы всѣ особенности движенія чисто мѣстнаго характера. Несомнѣнно, что такая съ-

организованность нелегка, но надо же, чтобы мы сознали ея необходимость, чтобы каждый мѣстный кружокъ думалъ и *активно работалъ* надъ ней, не ожидая толчка изъ-внѣ, не обольщаясь той доступностью, той близостью мѣстнаго органа, которая — на основаніи данныхъ нашего революціоннаго опыта — оказывается въ значительной степени призрачной.

И плохую услугу оказываютъ практической работѣ тѣ, мнящіе себя особенно близкими къ практикамъ, публицисты, которые не видятъ этой призрачности и отдѣлываются удивительно дешевымъ и удивительно-пустымъ разсужденіемъ: нужны мѣстныя газеты, нужны районныя газеты, нужны обще-русскія газеты. Конечно, все это, вообще говоря, нужно, но нужно вѣдь тоже и думать объ условіяхъ среды и момента, разъ берешься за конкретный организаціонный вопросъ. Развѣ это не донъ-кихотство въ самомъ дѣлѣ, когда „Свобода" (№ 1, стр. 68), спеціально „останавливаясь на *вопросѣ о газетѣ*", пишетъ: „Намъ кажется, что во всякомъ мало-мальски значительномъ мѣстѣ скопленія рабочихъ — должна быть своя собственная рабочая газета. Не привозная откуда нибудь, а именно своя собственная." Если этотъ публицистъ не хочетъ думать о значеніи своихъ словъ, то подумайте хоть вы за него, читатель: сколько въ Россіи десятковъ, если не сотенъ, „мало-мальски значительныхъ мѣстъ скопленія рабочихъ", и какимъ бы это было увѣковѣченіемъ нашего кустарничества, если бы дѣйствительно всякая мѣстная организація принялась за свою собственную газету! Какъ бы облегчила эта раздробленность задачу нашихъ жандармовъ вылавливать — и притомъ безъ „мало-мальски значительнаго" труда — мѣстныхъ дѣятелей въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности, не давая развиться изъ нихъ настоящимъ революціонерамъ! — Въ общероссійской газетѣ — продолжаетъ авторъ — не интересны были бы описанія продѣлокъ фабрикантовъ и „мелочей фабричной жизни въ разныхъ, не своихъ городахъ", а „орловцу о своихъ орловскихъ дѣлахъ вовсе не скучно читать. Каждый разъ онъ знаетъ, кого „прохватили", кого „пробрали", и духъ его играетъ" (стр. 69). Да, да, духъ орловца играетъ, но слишкомъ „играетъ" также и мысль нашего публициста. Тактична-ли эта защита крохоборства? — вотъ о чемъ слѣдовало бы ему подумать. Мы никому не уступимъ въ признаніи необходимости и важности фабричныхъ обличеній, но надо же помнить, что мы дошли уже до того, что петербуржцамъ стало скучно читать петербургскія корреспонденціи петербургской газеты „Рабочая Мысль". Для фабричныхъ обличеній на мѣстахъ у насъ всегда были и *всегда должны будутъ остаться* листки, — но типъ *газеты* мы должны поднимать, а не принижать до фабричнаго листка. Для „газеты" намъ нужны обличенія не-столько „мелочей", сколько крупныхъ, типичныхъ недостатковъ фабричной жизни,

обличенія сдѣланныя на примѣрахъ особенно рельефныхъ и способныя потому заинтересовать *всѣхъ* рабочихъ и всѣхъ руководителей движенія, способныя дѣйствительно обогатить ихъ знанія, расширить ихъ кругозоръ, положить начало пробужденію новаго района, новаго профессіональнаго слоя рабочихъ.

„Затѣмъ, въ мѣстной газетѣ всѣ продѣлки фабричнаго начальства, другихъ-ли властей можно схватывать сейчасъ же на горячемъ мѣстѣ. А до газеты общей, далекой пока-то дойдетъ извѣстіе — на мѣстѣ уже и позабыть успѣли о томъ, что случилось: Когда, бишь, это — дай богъ памяти!" (тамъ же). Вотъ именно: дай богъ памяти! Изданные въ $2\frac{1}{2}$ года 30 номеровъ приходятся, какъ мы узнаемъ изъ того же источника, на 6 городовъ. Это даетъ на одинъ городъ въ среднемъ *по номеру газеты въ полгода!* И если даже нашъ легкомысленный публицистъ *утроитъ* въ своемъ предположеніи производительность мѣстной работы (что было бы безусловно неправильно по отношенію къ среднему городу, ибо въ рамкахъ кустарничества невозможно значительное расширеніе производительности), — то все таки получимъ только по номеру въ два мѣсяца т. е. нѣчто вовсе не похожее на „схватыванье на горячемъ мѣстѣ". А между тѣмъ достаточно объединиться десяти мѣстнымъ организаціямъ и отрядить своихъ делегатовъ на активныя функціи по оборудованію общей газеты, — и тогда можно было бы *по всей Россіи* „схватывать" не мелочи, а дѣйствительно выдающіяся и типичныя безобразія разъ въ двѣ недѣли. Въ этомъ не усомнится никто, знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ нашихъ организаціяхъ. О поимкѣ же врага на мѣстѣ преступленія, если понимать это серьезно, а не въ смыслѣ только краснаго словца, нечего и думать нелегальной газетѣ вообще: это доступно только подметному листку, ибо предѣльный срокъ для такой поимки не превышаетъ большей частью одного — двухъ дней (возьмите, напримѣръ, обычную кратковременную стачку или фабричное побоище или демонстрацію и т. п.).

„Рабочій живетъ не только на фабрикѣ, но и въ городѣ" — продолжаетъ нашъ авторъ, поднимаясь отъ частнаго къ общему съ такой строгой послѣдовательностью, которая сдѣлала бы честь самому Борису Кричевскому. И онъ указываетъ на вопросы о городскихъ думахъ, городскихъ больницахъ, городскихъ школахъ, требуя, чтобы рабочая газета не обходила молчаніемъ городскія дѣла вообще. — Требованіе само по себѣ прекрасное, но иллюстрирующее особенно наглядно ту безсодержательную абстрактность, которой слишкомъ часто ограничиваются при разсужденіи о мѣстныхъ газетахъ. Во-первыхъ, если бы дѣйствительно „во всякомъ мало-мальски значительномъ мѣстѣ скопленія рабочихъ" появились газеты съ такимъ

подробнымъ городскимъ отдѣломъ, какъ хочетъ „Свобода“, то это неминуемо выродилось бы, при нашихъ русскихъ условіяхъ, въ настоящее крохоборство, повело бы къ ослабленію сознанія о важности общерусскаго революціоннаго натиска на царское самодержавіе, усилило бы очень живучіе и скорѣе притаившіеся или придавленные, чѣмъ вырванные съ корнемъ, ростки того направленія, которое уже прославилось знаменитымъ изреченіемъ о революціонерахъ, слишкомъ много говорящихъ о несуществующемъ парламентѣ и слишкомъ мало о существующихъ городскихъ думахъ. Мы говоримъ: неминуемо, подчеркивая этимъ, что Свобода завѣдомо не хочетъ этого, а хочетъ обратнаго. Но однихъ благихъ намѣреній недостаточно. — Для того, чтобы поставить освѣщеніе городскихъ дѣлъ въ надлежащую перспективу ко всей нашей работѣ, нужно *сначала*, чтобы эта перспектива была вполнѣ выработана, твердо установлена не одними только разсужденіями, но и массой примѣровъ, чтобы она пріобрѣла уже прочность *традиціи*. Этого у насъ далеко еще нѣтъ, а нужно это именно *сначала*, прежде чѣмъ позволительно будетъ думать и толковать о широкой мѣстной прессѣ.

Во-вторыхъ, чтобы дѣйствительно хорошо и интересно написать о городскихъ дѣлахъ, надо хорошо и не по книжкѣ только знать эти дѣла. А соціаль-демократовъ, обладающихъ этимъ знаніемъ, почти совершенно нѣтъ *во всей Россіи*. Чтобы писать въ газетѣ (а не въ популярной брошюрѣ) о городскихъ и государственныхъ дѣлахъ, надо имѣть свѣжій, разносторонній, умѣлымъ человѣкомъ собранный и обработанный матеріалъ. А для того, чтобы собирать и обработывать такой матеріалъ, недостаточна „примитивная демократія“ примитивнаго кружка, въ которомъ всѣ дѣлаютъ все и забавляются игрой въ референдумы. Для это необходимъ штабъ спеціалистовъ-писателей, спеціалистовъ-корреспондентовъ, армія репортеровъ-соціаль-демократовъ, заводящихъ связи вездѣ и повсюду, умѣющихъ проникнуть во всѣ и всяческія „государственныя тайны“ (съ которыми россійскій чиновникъ такъ важничаетъ и которыя онъ такъ легко разбалтываетъ), пролѣзть во всякія „закулисы“, армія людей, обязанныхъ „по должности“ быть вездѣсущими и всезнающими. И мы, партія борьбы противъ *всякаго* экономическаго, политическаго, соціальнаго, національнаго гнета, можемъ и должны найти, собрать, обучить, мобилизовать и двинуть въ походъ такую армію всезнающихъ людей, — но вѣдь это надо еще сдѣлать! А у насъ не только еще не сдѣлано въ громадномъ большинствѣ мѣстностей ни шагу въ этомъ направленіи, но нѣтъ даже сплошь да рядомъ и *сознанія* необходимости сдѣлать это. Поищите-ка въ нашей соціаль-демократической прессѣ живыхъ и интересныхъ статей, корреспонденцій и обличеній нашихъ дипломатическихъ, военныхъ, церковныхъ, городскихъ,

финансовыхъ и пр. и пр. дѣлъ и дѣлишекъ: вы не найдете *почти ничего* или совсѣмъ мало.*) Вотъ почему „меня всегда страшно сердитъ, когда придетъ человѣкъ и наговоритъ очень красивыхъ и прекрасныхъ вещей“ о необходимости „во всякомъ мало-мальски значительномъ мѣстѣ скопленія рабочихъ“ газетъ, обличающихъ и фабричныя и городскія и государственныя безобразія!

Преобладаніе мѣстной прессы надъ центральною есть признакъ либо скудости либо роскоши. Скудости — когда движеніе не выработало еще силъ для крупнаго производства, когда оно прозябаетъ еще въ кустарничествѣ и почти тонетъ въ „мелочахъ фабричной жизни“. Роскоши — когда движеніе *вполнѣ осилило уже* задачу всесторонних обличеній и всесторонней агитаціи, такъ что кромѣ центральнаго органа становятся необходимы многочисленные мѣстные. Пусть рѣшаетъ уже каждый для себя, о чемъ свидѣтельствуетъ преобладаніе мѣстныхъ газетъ у насъ въ настоящее время. Я же ограничусь точной формулировкой своего вывода, чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ. До сихъ поръ у насъ большинство мѣстныхъ организацій думаетъ почти исключительно о мѣстныхъ органахъ и почти только надъ ними активно работаетъ. Это ненормально. Должно быть наоборотъ: чтобы большинство мѣстныхъ организацій думало главнымъ образомъ объ общерусскомъ органѣ и главнымъ образомъ надъ нимъ работало. До тѣхъ поръ, пока не будетъ этого, мы не сумѣемъ поставить *ни одной* газеты, сколько нибудь способной дѣйствительно обслуживать движеніе *всесторонней* агитаціей въ печати. А когда это будетъ, — тогда нормальное отношеніе между необходимымъ центральнымъ и необходимыми мѣстными органами установится само собой.

* * *

На первый взглядъ можетъ показаться, что къ области спеціально экономической борьбы непримѣнимъ выводъ о необходимости передвинуть центръ тяжести съ мѣстной на общерусскую работу: непосредственнымъ врагомъ рабочихъ являются здѣсь отдѣльные предприниматели или группы ихъ, не связанныя организаціей хотя бы отдаленно напоминающей

*) Вотъ почему даже примѣръ исключительно хорошихъ мѣстныхъ органовъ вполнѣ подтверждаетъ нашу точку зрѣнія. Напримѣръ, Южный Рабочій — прекрасная газета, совсѣмъ неповинная въ принципіальной неустойчивости. Но то, что̀ она хотѣла дать для мѣстнаго движенія, было не достигнуто благодаря рѣдкому выходу и широкимъ проваламъ. То, что̀ всего болѣе настоятельно для партіи въ данный моментъ, — принципіальная постановка коренныхъ вопросовъ движенія и всесторонняя политическая агитація, — оказалось не подъ силу мѣстному органу. А то, что она давала особенно хорошаго, въ родѣ статей о съѣздѣ горнопромышленниковъ, о безработицѣ и т. п. — не представляло изъ себя строго мѣстнаго матеріала *и требовалось для всей Россіи*, а не для одного юга. Такихъ статей не было и во всей нашей соціаль-демократической прессѣ.

чисто военную, строго централистическую, руководимую до самыхъ мелочей единой волей организацію русскаго правительства, нашего непосредственнаго врага въ политической борьбѣ.

Но это не такъ. Экономическая борьба — мы уже много разъ указывали на это — есть профессіональная борьба и потому она требуетъ объединенія по профессіямъ рабочихъ, а не только по мѣсту работы ихъ. И это профессіональное объединеніе становится тѣмъ болѣе настоятельно необходимымъ, чѣмъ быстрѣе идетъ впередъ объединеніе нашихъ предпринимателей во всякаго рода общества и синдикаты. Наша раздробленность и наше кустарничество прямо мѣшаютъ этому объединенію, для котораго необходима единая общерусская организація революціонеровъ, способная взять на себя руководство общерусскими профессіональными союзами рабочихъ. Мы уже говорили выше о желательномъ типѣ организаціи для этой цѣли и теперь добавимъ только нѣсколько словъ въ связи съ вопросомъ о нашей прессѣ.

Что въ каждой соціаль-демократической газетѣ долженъ быть *отдѣлъ* профессіональной (экономической) борьбы, — это едва ли кѣмъ-нибудь подвергается сомнѣнію. Но ростъ профессіональнаго движенія заставляетъ думать и о профессіональной прессѣ. Намъ кажется однако, что о профессіональныхъ газетахъ въ Россіи, за рѣдкими исключеніями, пока не можетъ быть и рѣчи: это — роскошь, а у насъ нѣтъ сплошь да рядомъ и хлѣба насущнаго. Подходящей къ условіямъ нелегальной работы и необходимой теперь уже формой профессіональной прессы должны были бы быть у насъ *профессіональныя брошюры*. Въ нихъ слѣдовало бы собирать и систематически группировать *легальный* *) и нелегальный матеріалъ по вопросу объ условіяхъ труда въ данномъ промыслѣ, о различіи въ этомъ отношеніи разныхъ мѣстностей въ Россіи, о главныхъ требованіяхъ рабочихъ данной профессіи, о недостаткахъ относящагося къ ней законодательства, о выдающихся случаяхъ экономической борьбы рабочихъ этого цеха, о зачаткахъ, современномъ состояніи и нуждахъ ихъ профессіональной организаціи и т. п. Такія брошюры, во-первыхъ, избавили бы нашу соціаль-демократическую прессу отъ массы такихъ профессіональныхъ подробностей, которыя спеціально интересуютъ только рабочихъ даннаго ремесла; во-вторыхъ, онѣ фиксировали бы результаты нашего опыта въ профессіональной борьбѣ, сохраняли собираемый матеріалъ, который теперь буквально теряется въ массѣ листковъ и отрывочныхъ корреспонденцій, и обобщали этотъ матеріалъ; въ третьихъ, онѣ могли бы служить своего рода руководствомъ для агитаторовъ, ибо условія труда измѣняются сравнительно медленно, основныя требованія рабочихъ даннаго ремесла чрезвычайно устойчивы (ср. требованія ткачей московскаго района въ 1885 г. и петербургскаго въ 1896 г.), и сводъ этихъ требованій и нуждъ могъ бы годами служить прекраснымъ пособіемъ для экономической агитаціи въ отсталыхъ мѣстностяхъ или среди отсталыхъ слоевъ рабочихъ; примѣры успѣшныхъ стачекъ въ одномъ районѣ, данныя о болѣе высокомъ уровнѣ жизни, о лучшихъ условіяхъ труда въ одной мѣстности поощряли бы и рабочихъ другихъ мѣстностей къ новой и новой борьбѣ; въ четвертыхъ, взявъ на себя почипъ обобщенія профессіональной борьбы и закрѣпивъ такимъ образомъ связь русскаго профессіональнаго движенія съ соціализмомъ, соціаль-демократія позаботилась бы въ то же время о томъ, чтобы наша трэдъ-юніонистская работа занимала не слишкомъ малую и не слишкомъ большую долю въ общей суммѣ нашей соціаль-демократической работы. Мѣстной организаціи, если она оторвана отъ организацій въ другихъ городахъ, очень трудно, иногда даже почти невозможно бываетъ соблюсти при этомъ правильную пропорцію (и примѣръ Рабочей Мысли показываетъ, до какого чудовищнаго преувеличенія въ сторону трэдъ-юніонизма можно при этомъ доходить). Но общерусская организація революціонеровъ, стоящая на неуклонной точкѣ зрѣнія марксизма, руководящая всей политической борьбой и располагающая штабомъ профессіональныхъ агитаторовъ, никогда не затруднится въ опредѣленіи этой правильной пропорціи.

---

*) Легальный матеріалъ особенно важенъ въ этомъ отношеніи, и мы особенно отстали въ умѣніи систематически собирать и утилизировать его. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что по одному легальному матеріалу можно еще кое-какъ написать профессіональную брошюру, а по одному нелегальному — невозможно. Собирая нелегальный матеріалъ отъ рабочихъ по вопросамъ въ родѣ изданныхъ Раб. Мыслью, мы понапрасну тратимъ массу силъ революціонера (котораго въ этомъ легко замѣнилъ бы легальный дѣятель) и всетаки никогда не получаемъ хорошаго матеріала, ибо рабочимъ, знающимъ сплошь да рядомъ только одно отдѣленіе большой фабрики и почти всегда знающимъ экономическіе результаты, а не общія условія и нормы своей работы, невозможно и пріобрѣсти такихъ знаній, какія есть у фабричныхъ служащихъ, инспекторовъ, врачей и т. п. и какія въ массѣ разсѣяны въ мелкихъ газетныхъ корреспонденціяхъ и въ спеціальныхъ промышленныхъ, санитарныхъ, земскихъ и пр. изданіяхъ.

Какъ сейчасъ помню свой „первый опытъ“, котораго бы я никогда не повторилъ. Я возился много недѣль, допрашивая „съ пристрастіемъ“ одного

ходившаго ко мнѣ рабочаго о всѣхъ и всяческихъ порядкахъ на громадномъ заводѣ, гдѣ онъ работалъ. Правда, описаніе (одного только завода!) я, хотя и съ громаднымъ трудомъ, все же кое-какъ составилъ, но за то рабочій, бывало, вытирая потъ, говорилъ подъ конецъ занятій съ улыбкой: „мнѣ легче экстру проработать, чѣмъ вамъ на вопросы отвѣчать!“

Чѣмъ энергичнѣе будемъ мы вести революціонную борьбу, тѣмъ больше вынуждено будетъ правительство легализировать часть „профессіональной“ работы, снимая тѣмъ съ насъ часть нашего бремени.

V.

„Планъ“ общерусской политической газеты.

„Самый крупный промахъ Искры въ этомъ отношеніи — пишетъ Б. Кричевскій (Р. Д. № 10, с. 30), обвиняя насъ въ тенденціи „превратить теорію, путемъ ея изолированія отъ практики, въ мертвую доктрину“, — „ея „планъ“ общепартійной организаціи“ (т. е. статья „Съ чего начать“). И Мартыновъ вторитъ ему, заявляя, что „тенденція Искры умалять значеніе поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы по сравненію съ пропагандой блестящихъ и законченныхъ идей... увѣнчалась планомъ организаціи партіи, который она предлагаетъ въ № 4 въ статьѣ „Съ чего начать“?“ (тамъ же, с. 61). Наконецъ, въ самое послѣднее время къ людямъ, возмущеннымъ этимъ „планомъ“ (кавычки должны выражать ироническое къ нему отношеніе), присоединился и Л. Надеждинъ въ только что полученной нами брошюрѣ „Канунъ революціи“ (изданіе знакомой уже намъ „революціонно-соціалистической группы“ *Свобода*), гдѣ заявляется, что „говорить теперь объ организаціи, тянущейся нитками отъ общерусской газеты — это плодить кабинетныя мысли и кабинетную работу“ (стр. 126), это — проявленіе „литературщины“ и т. п.

Что нашъ террористъ оказался солидарнымъ съ защитниками поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы, это не можетъ насъ удивить послѣ того, какъ мы прослѣдили корни этой близости въ главахъ о политикѣ и объ организаціи. Но мы должны замѣтить теперь же, что Л. Надеждинъ, и одинъ только онъ, попытался добросовѣстно вникнуть въ ходъ мысли непонравившейся ему статьи, попытался отвѣтить на нее по существу, — между тѣмъ какъ Раб. Дѣло не сказало ровно ничего по существу, а постаралось только запутать вопросъ посредствомъ цѣлой кучи непристойныхъ демагогическихъ выходокъ. И, какъ это ни непріятно, приходится потратить время сначала на расчистку авгіевой конюшни.

а) Кто обидѣлся за статью „Съ чего начать“?

Приведемъ букетецъ тѣхъ выраженій и восклицаній, съ которыми обрушилось на насъ Раб. Дѣло. „Не газета можетъ создать партійную организацію, а наоборотъ“ . . . „Газета,

стоящая *надъ* партіей, *внѣ ея контроля* и независимая отъ нея благодаря собственной сѣти агентовъ“ . . . „Какимъ чудомъ Искра забыла о фактически существующихъ соціаль-демократическихъ организаціяхъ той партіи, къ которой она принадлежитъ?“ . . . „Обладатели твердыхъ принциповъ и соотвѣтственнаго плана являются и верховными регуляторами реальной борьбы партіи, диктующими ей выполненіе своего плана“ . . . „Планъ изгоняетъ наши живыя и жизненныя организаціи въ царство тѣней и хочетъ вызвать къ жизни фантастическую сѣть агентовъ“ . . . „Если бы планъ Искры былъ приведенъ въ исполненіе, онъ привелъ бы къ полному вытравленію слѣдовъ складывавшейся у насъ Росс. С. Д. Р. Партіи“ . . . „Органъ пропагандистскій становится безконтрольнымъ, самодержавнымъ законодателемъ всей практической революціонной борьбы“ . . . „Какъ должна отнестись наша партія къ ея *полному* подчиненію автономной редакціи“ и т. д. и т. д.

Какъ видитъ читатель изъ содержанія и тона этихъ цитатъ, Раб. Дѣло *обидѣлось*. Но обидѣлось оно не за себя, а за организаціи и комитеты нашей партіи, которыхъ будто-бы Искра хочетъ изгнать въ царство тѣней и даже вытравить ихъ слѣды. Какіе ужасы, подумаешь! Странно только одно: Статья „Съ чего начать“ появилась въ маѣ 1901 года, статьи Р. Дѣла — въ сентябрѣ 1901 г., теперь уже половина января 1902 г. За всѣ эти 5 мѣсяцевъ (и до сентября и послѣ сентября) *ни одинъ* комитетъ и *ни одна* организація партіи не выступила съ формальнымъ протестомъ противъ этого чудища, которое хочетъ комитеты и организаціи изгнать въ царство тѣней! А вѣдь за это время и въ Искрѣ и въ массѣ другихъ, мѣстныхъ и не мѣстныхъ, изданій появились десятки и сотни сообщеній изъ всѣхъ концовъ Россіи. Какъ это произошло, что тѣ, кого хотятъ изгнать въ царство тѣней, не замѣтили этого и не обидѣлись на это, — а обидѣлось третье лицо?

Произошло это оттого, что комитеты и другія организаціи заняты настоящимъ дѣломъ, а не игрой въ „демократизмъ“. Комитеты прочли статью „Съ чего начать“, увидѣли, что это попытка „выработать извѣстный планъ организаціи, *чтобы къ постройкѣ ея могло быть приступлено со всѣхъ сторонъ*“ и, такъ какъ они прекрасно знали и видѣли, что *ни одна* изъ этихъ „всѣхъ сторонъ“ не подумаетъ „приступить къ постройкѣ“, пока не убѣдится въ ея необходимости и вѣрности архитектурнаго плана, то они, естественно, и не подумали „обижаться“ за продерзость людей, сказавшихъ въ Искрѣ: „Въ виду неотложной важности вопроса мы рѣшаемся, съ своей стороны, предложить вниманію товарищей набросокъ плана, подробнѣе развиваемаго нами въ подготовляемой къ печати брошюрѣ“. Неужели можно было, при добросовѣст-

номъ отношеніи къ дѣлу, не понять того, что если товарищи *примутъ* предложенный ихъ вниманію планъ, то они будутъ проводить его не изъ „подчиненія“, а изъ убѣжденія въ его необходимости для нашего общаго дѣла, а если они *не примутъ* его, — то „набросокъ“ (какое претенціозное слово, неправда ли?) такъ и останется простымъ наброскомъ? Неужели это не демагогія, когда съ наброскомъ плана воюютъ не только тѣмъ, что „разносятъ“ его и совѣтуютъ товарищамъ отвергнуть этотъ планъ, — а тѣмъ, что *натравливаютъ* малоопытныхъ въ революціонномъ дѣлѣ людей на авторовъ наброска *за одно то*, что они *смѣютъ* „законодательствовать“, выступать „верховными регуляторами“, т. е. смѣютъ *предлагать* набросокъ плана?? Можетъ-ли наша партія развиваться и идти впередъ, если за попытку *поднять* мѣстныхъ дѣятелей до болѣе широкихъ взглядовъ, задачъ, плановъ и т. п. будутъ возражать не только съ точки зрѣнія невѣрности этихъ взглядовъ, а съ точки зрѣнія „обидъ“ за то, что насъ „хотятъ“ „*поднимать*“? Вѣдь вотъ Л. Надеждинъ тоже „разнесъ“ нашъ планъ, но до такой демагогіи, которая уже не можетъ быть объяснена одной наивностью или примитивностью политическихъ взглядовъ, онъ не опустился, обвиненіе въ „инспекторствѣ надъ партіей“ онъ отвергъ рѣшительно и съ самаго начала. И потому Надеждину можно и должно на его критику плана отвѣтить по существу, а Раб. Дѣлу можно отвѣтить только презрѣніемъ.

Но презрѣніе къ унижающемуся до криковъ о „самодержавіи“ и „подчиненіи“ писателю не избавляетъ еще насъ отъ обязанности распутать ту путаницу, которая преподносится такими людьми читателю. И вотъ тутъ мы можемъ наглядно показать всѣмъ, какого пошиба эти ходячія фразы о „широкомъ демократизмѣ“. Насъ обвиняютъ въ забвеніи комитетовъ, въ желаніи или попыткѣ изгнать ихъ въ царство тѣней и пр. Какъ отвѣтить на эти обвиненія, когда мы *не можемъ* разсказать читателю *почти ничего фактическаго* о нашихъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ комитетамъ, не можемъ по условіямъ конспираціи? Люди, бросающіе хлесткое и раздражающее толпу обвиненіе, оказываются впереди насъ благодаря ихъ развязности, благодаря ихъ пренебрежительному отношенію къ обязанностямъ революціонера, который тщательно скрываетъ отъ глазъ свѣта тѣ отношенія и связи, которыя онъ имѣетъ, которыя онъ налаживаетъ или пытается наладить. Понятно, что конкуррировать на поприщѣ „демократизма“ съ такими людьми мы разъ на всегда отказываемся. Что же касается до непосвященнаго во всѣ партійныя дѣла читателя, то единственнымъ средствомъ исполнить свой долгъ по отношенію къ нему является разсказъ не о томъ, что́ есть и что́ находится im Werden, а о *частичкѣ* того, что было и о чемъ позволительно разсказывать, какъ о прошломъ.

Бундъ намекаетъ на наше „самозванство“,*) заграничный „Союзъ“ обвиняетъ насъ въ попыткѣ вытравить слѣды партіи. Извольте, господа. Вы получите полное удовлетвореніе, когда мы разскажемъ публикѣ *четыре факта* изъ прошлаго.

Первый**) фактъ. Члены одного изъ „Союзовъ борьбы“, принимавшіе непосредственное участіе въ образованіи нашей партіи и въ посылкѣ делегата на партійный съѣздъ, основавшій ее, договариваются съ однимъ изъ членовъ группы „Искры“ объ основаніи особой рабочей библіотеки для обслуживанія нуждъ всего движенія. Основать рабочую библіотеку не удается, и написанныя для нея брошюры „Задачи русскихъ соціаль-демократовъ“ и „Новый фабричный законъ“ попадаютъ окольнымъ путемъ и черезъ третьихъ лицъ заграницу, гдѣ ихъ и печатаютъ.

Второй фактъ. Члены Центр. Комитета Бунда обращаются къ одному изъ членовъ группы Искры съ предложеніемъ сьорганизовать, какъ Бундъ тогда выражался, „литературную лабораторію“. При томъ они указываютъ, что если это не удастся сдѣлать, то наше движеніе можетъ сильно пойти назадъ. Результатомъ переговоровъ является брошюра „Рабочее дѣло въ Россіи“.***)

Третій фактъ. Центр. Ком. Бунда чрезъ посредство одного провинціальнаго городка обращается къ одному изъ членовъ „Искры“ съ предложеніемъ принять на себя редакцію возобновляемой „Рабочей Газеты“ и получаетъ, конечно, согласіе. Предложеніе затѣмъ измѣняется: предлагаютъ сотрудничество, въ виду новой комбинаціи съ редакціей. И на это получается, разумѣется, согласіе. Посылаются статьи (которыя удалось сохранить) — „Наша программа“ — съ прямымъ протестомъ противъ бернштейніады, поворота въ легальной литературѣ и Рабочей Мысли; „Наша ближайшая задача“ („организація правильно выходящаго и тѣсно связаннаго со всѣми мѣстными группами органа партіи“; недостатки господствующаго „кустарничества“); „Насущный вопросъ“ (разборъ возраженія, что надо *сначала* развить дѣятельность мѣстныхъ группъ, прежде чѣмъ браться за постановку общаго органа; настаиваніе на первостепенной важности „революціонной организаціи“ — на необходимости „довести организацію, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства“). Пред-

*) Искра № 8, отвѣтъ Центр. Ком. Вс. Евр. С. въ Р. и П. на нашу статью по національному вопросу.

**) Мы размѣщаемъ эти факты нарочно не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они имѣли мѣсто.

***) Кстати, авторъ этой брошюры проситъ меня заявить, что она, какъ и прежнія его брошюры, была послана въ союзъ при предположеніи, что редакторомъ его изданій является Группа Осв. Труда (въ силу нѣкоторыхъ условій онъ въ это время, т. е. въ февралѣ 1899 г., не могъ знать о перемѣнѣ редакціи). Брошюра эта будетъ скоро переиздана Лигой.

ложеніе возобновить „Рабочую Газету“ не осуществляется, и статьи остаются ненапечатанными.

Четвертый фактъ. Членъ комитета, организующій второй очередной съѣздъ нашей партіи, сообщаетъ члену группы „Искры“ программу съѣзда и ставитъ кандидатуру этой группы на функцію редактированія возобновляемой „Рабочей Газеты“. Его предварительный, такъ сказать, шагъ санкціонируется затѣмъ и тѣмъ комитетомъ, къ которому онъ принадлежалъ, и Центр. Комитетомъ Бунда; группа „Искры“ получаетъ указаніе о мѣстѣ и времени съѣзда, но (не увѣренная, можно ли ей будетъ, по нѣкоторымъ причинамъ, послать делегата на этотъ съѣздъ) составляетъ также письменный докладъ съѣзду. Въ этомъ докладѣ проводится та мысль, что однимъ выборомъ Центральнаго Комитета мы не только не рѣшимъ вопроса объ объединеніи въ такое время полнаго разброда, какъ переживаемое нами, но и рискуемъ компрометировать великую идею созданія партіи въ случаѣ новаго быстраго и полнаго провала, который болѣе чѣмъ вѣроятенъ при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому съ приглашенія всѣхъ комитетовъ и всѣхъ другихъ организацій поддерживать возобновленный общій органъ, который *реально* свяжетъ всѣ комитеты *фактической* связью, *реально* подготовитъ группу руководителей всѣмъ движеніемъ, — а превратить такую созданную комитетами группу въ Ц. К. комитеты и партія легко уже сумѣютъ, разъ такая группа выростетъ и окрѣпнетъ. Съѣздъ однако не осуществляется вслѣдствіе ряда проваловъ, и докладъ по конспиративнымъ соображеніямъ уничтожается, будучи прочтенъ только нѣсколькими товарищами, въ томъ числѣ уполномоченными одного комитета.

Пусть теперь читатель самъ судитъ о характерѣ такихъ пріемовъ, какъ намекъ на самозванство со стороны Бунда или какъ доводъ Раб. Дѣла, что мы хотимъ изгнать комитеты въ царство тѣней, „замѣнить“ организацію партіи организаціей распространенія идей одной газеты. Да именно комитетамъ, *по неоднократнымъ приглашеніямъ ихъ*, и докладывали мы о необходимости принять опредѣленный планъ общей работы. Именно для партійной организаціи разрабатывали мы этотъ планъ въ статьяхъ въ Рабочую Газету и въ докладѣ съѣзду партіи, опять таки по приглашенію тѣхъ, кто занималъ такое вліятельное положеніе въ партіи, что бралъ на себя иниціативу ея (фактическаго) возстановленія. И только послѣ того, какъ окончились неудачей *двукратныя* попытки партійной организаціи *вмѣстѣ съ нами* возобновить центральный органъ партіи *оффиціально*, мы сочли своей прямой обязанностью выступить съ органомъ *неоффиціальнымъ* для того, чтобы при *третьей* попыткѣ товарищи имѣли уже передъ собою извѣстные результаты *опыта*, а не одни га-

дательныя предположенія. Въ настоящее время нѣкоторые результаты этого опыта находятся уже у всѣхъ передъ глазами, и всѣ товарищи могутъ судить, правильно ли мы понимали свою обязанность и что слѣдуетъ думать о людяхъ, которые стараются ввести въ заблужденіе лицъ, незнакомыхъ съ ближайшимъ прошлымъ, изъ досады на то, что мы доказывали однимъ — ихъ непослѣдовательность въ „національномъ“ вопросѣ, другимъ — непозволительность безпринципныхъ шатаній.

б) Можетъ ли газета быть коллективнымъ организаторомъ?

Весь гвоздь статьи „Съ чего начать?“ состоитъ въ постановкѣ *именно* этого вопроса и въ утвердительномъ его рѣшеніи. Единственную, извѣстную намъ, попытку разобрать этотъ вопросъ по существу и доказать необходимость отрицательнаго его рѣшенія дѣлаетъ Л. Надеждинъ, доводы котораго мы и воспроизведемъ цѣликомъ:

...„Намъ очень нравится постановка въ Искрѣ (№ 4) вопроса о необходимости общерусской газеты, но мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы эта постановка подходила подъ заглавіе статьи: „Съ чего начать?“ Это одно изъ дѣлъ, несомнѣнно крайне важныхъ, но не имъ, не цѣлой серіей популярныхъ листковъ, не горою прокламацій можетъ быть положено начало боевой организаціи для революціоннаго момента. Необходимо приступить къ сильнымъ политическимъ организаціямъ на мѣстахъ. У насъ ихъ нѣтъ, у насъ шла главнымъ образомъ работа среди интеллигентныхъ рабочихъ, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу. *Если не воспитаются сильныя политическія организаціи на мѣстахъ, что значитъ хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета?* Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, но и никого не зажигающая! Вокругъ нея, въ дѣлѣ для нея соберется народъ, съорганизуется — думаетъ Искра. *Да ему гораздо ближе собраться и съорганизоваться вокругъ дѣла болѣе конкретнаго!* Такимъ можетъ и должна явиться широкая постановка мѣстныхъ газетъ, приготовленіе теперь же рабочихъ силъ къ демонстраціямъ, постоянная работа мѣстныхъ организацій среди безработныхъ (неотступно распространять между ними листки и листовки, созывать ихъ на собранія, на отпоры правительству и т. п.). Надо на мѣстахъ завязать живую политическую работу, и тогда явится необходимымъ объединеніе на этой реальной почвѣ, — оно будетъ не искусственнымъ, не бумажнымъ, — не газетами достигается такое объединеніе мѣстныхъ работъ въ общерусское дѣло!“ (Канунъ рев., с. 54).

Мы подчеркивали тѣ мѣста этой краснорѣчивой тирады, которыя наиболѣе рельефно показываютъ и неправильность оцѣнки авторомъ нашего плана и неправильность его точки зрѣнія вообще, противопоставляемой здѣсь Искрѣ. Если не воспитаются сильныя политическія организаціи на мѣстахъ, — ничего не будетъ значить и превосходнѣйшая общерусская газета. — Совершенно справедливо. Но въ томъ-то и суть, что *нѣтъ иного средства* **воспитать** сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты. Авторъ просмотрѣлъ самое существенное заявленіе Искры, сдѣланное ею *до перехода* къ изложенію ея „плана“: необходимъ „призывъ къ выработкѣ революціонной организаціи,

способной объединить всѣ силы и руководить движеніемъ *не только по названію*, но и на самомъ дѣлѣ, т. е. быть *всегда готовой къ поддержкѣ всякаго протеста и всякой вспышки*, пользуясь ими для умноженія и укрѣпленія военныхъ силъ, годныхъ для рѣшительнаго боя". Но принципіально то съ этимъ теперь, послѣ февраля и марта, всѣ согласятся — продолжаетъ Искра, — а намъ нужно не принципіальное, а *практическое рѣшеніе вопроса*, нужно немедленно выставить такой опредѣленный планъ постройки, чтобы сейчасъ же *съ разныхъ сторонъ* всѣ могли приняться за постройку. А насъ опять отъ практическаго рѣшенія тащатъ назадъ — къ принципіально вѣрной, безспорной, великой, но совершенно недостаточной, совершенно непонятной для широкой массы работающихъ истинѣ: „воспитывать сильныя политическія организаціи"! Не объ этомъ уже идетъ рѣчь, почтенный авторъ, а о томъ, *какъ именно* воспитывать и воспитать надо!

Невѣрно, что „у насъ шла главнымъ образомъ работа среди интеллигентныхъ рабочихъ, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу". Въ такой формѣ это положеніе сбивается на обычное для „Свободы", и ошибочное въ корнѣ противопоставленіе интеллигентныхъ рабочихъ „массѣ". У насъ и интеллигентные то рабочіе въ послѣдніе годы „почти что исключительно вели экономическую борьбу". Это съ одной стороны. А съ другой стороны, никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможемъ *воспитаться* руководителямъ этой борьбы и изъ интеллигентныхъ рабочихъ и изъ интеллигентовъ; воспитаться же такіе руководители могутъ *исключительно* на систематической, текущей оцѣнкѣ *всѣхъ* сторонъ нашей политической жизни, *всѣхъ попытокъ* протеста и борьбы различныхъ классовъ и по различнымъ поводамъ. Поэтому говорить о „воспитаніи политическихъ организацій" и въ тоже время *противопоставлять* „бумажное дѣло" политической газеты — „живой политической работѣ на мѣстахъ" просто смѣшно! Да вѣдь Искра и подводитъ свой „планъ" газеты къ "плану„ выработать такую „боевую готовность", чтобы поддерживать и движеніе безработныхъ и крестьянскіе бунты и недовольство земцевъ и „возмущеніе населенія противъ зарвавшагося царскаго башибузука" и проч. Вѣдь всякій знакомый съ движеніемъ знаетъ досконально, что объ этомъ *даже и не думаетъ* громадное большинство мѣстныхъ организацій, что многія изъ намѣчаемыхъ здѣсь перспективъ „живой политической работы" *ни разу еще* не проводились въ жизнь ни единой организаціею, что попытка, напр., обратить вниманіе на ростъ недовольства и протеста въ земской интеллигенціи вызываетъ чувство растеряннаго недоумѣнія и у Надеждина („господи, да не для земцевъ ли этотъ органъ?", „Канунъ", с. 129), и у экономистовъ (№ 12 Искры, письмо) и у многихъ

практиковъ. При этихъ условіяхъ „начать" можно *только* съ того, чтобы побудить людей *думать* обо всемъ этомъ, побудить ихъ суммировать и обобщать всѣ и всяческіе проблески броженія и активной борьбы. „Живую политическую работу" можно *начать* въ наше время приниженія соціаль-демократическихъ задачъ *исключительно* съ живой политической агитаціи, невозможной безъ общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты.

Люди, усматривающіе въ „планѣ" Искры проявленіе „литературщины", не поняли совершенно самой сути плана, увидѣвъ цѣль въ томъ, что выдвигается какъ наиболѣе подходящее въ настоящій моментъ средство. Эти люди не дали себѣ труда подумать о двухъ сравненіяхъ, которыми наглядно иллюстрировался предлагаемый планъ. Постановка общерусской политической газеты — говорилось въ Искрѣ — должна быть *основной нитью*, держась которой мы могли-бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацію (т. е. революціонную организацію, всегда готовую къ поддержкѣ всякаго протеста и всякой вспышки). Скажите пожалуйста: когда каменщики кладутъ въ разныхъ мѣстахъ камни громадной и совершенно невиданной постройки, — не „бумажное" ли это дѣло проведеніе нитки, помогающей находить правильное мѣсто для кладки, указывающей на конечную цѣль общей работы, дающей возможность пустить въ ходъ не только каждый камень, но и каждый кусокъ камня, который смыкаясь съ предъидущими и послѣдующими, возводитъ законченную и всеобъемлющую линію? И развѣ мы не переживаемъ какъ разъ такого момента въ нашей партійной жизни, когда у насъ есть и камни и каменщики, а не хватаетъ именно видимой для всѣхъ нити, за которую всѣ могли бы взяться? Пусть кричатъ, что, протягивая нить, мы хотимъ командовать: если-бы мы хотѣли командовать, господа, мы бы написали вмѣсто „Искра № 1" — „Рабочая Газета № 3", какъ намъ предлагали нѣкоторые товарищи и какъ мы *имѣли бы полное право сдѣлать* послѣ тѣхъ событій, о которыхъ было разсказано выше. Но мы не сдѣлали этого: мы хотѣли оставить себѣ свободныя руки для непримиримой борьбы со всякими лжесоціаль-демократами; мы хотѣли, чтобы нашу нитку, ежели она проведена правильно, стали уважать за ея правильность, а не за то, что она проведена оффиціальнымъ органомъ.

„Вопросъ объединенія мѣстной дѣятельности въ центральныхъ органахъ вертится въ заколдованномъ кругу: — поучаетъ насъ Л. Надеждинъ — для объединенія требуется однородность элементовъ, а эта однородность сама можетъ быть создана только чѣмъ нибудь объединяющимъ, но это объединяющее можетъ явиться продуктомъ сильныхъ мѣстныхъ организацій, которыя теперь отнюдь не отличаются

однороднымъ характеромъ“. Истина столь же почтенная и столь же безспорная, какъ и та, что надо воспитывать сильныя политическія организаціи. Истина столь же, какъ и та, безплодная. *Всякій* вопросъ „вертится въ заколдованномъ кругу“, ибо вся политическая жизнь есть безконечная цѣпь изъ безконечнаго ряда звеньевъ. Все искусство политика въ томъ и состоитъ, чтобы найти и крѣпко-крѣпко уцѣпиться за такое именно звенышко, которое всего меньше можетъ быть выбито изъ рукъ, которое всего важнѣе въ данный моментъ, которое всего болѣе гарантируетъ обладателю звенышка обладаніе всей цѣпью.*) Будь у насъ отрядъ опытныхъ каменщиковъ, настолько спѣвшихся, чтобы они и безъ нитки могли класть камни именно тамъ, гдѣ нужно (это вовсе не невозможно, если говорить абстрактно),—тогда мы могли бы, пожалуй, взяться и за другое звенышко. Но въ томъ то и бѣда, что опытныхъ и спѣвшихся каменщиковъ у насъ еще нѣтъ, что камни сплошь да рядомъ кладутся совсѣмъ зря, кладутся не по общей ниткѣ, а до того раздробленно, что непріятель сдуваетъ ихъ, какъ будто бы это были не камни, а песчинки.

Другое сравненіе: „Газета—не только коллективный пропагандистъ и коллективный агитаторъ, но также и коллективный организаторъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи *ее можно сравнить съ лѣсами*, которые строются вокругъ возводимаго зданія, намѣчаютъ контуры постройки, облегчаютъ сношенія между отдѣльными строителями, помогаютъ имъ распредѣлять работу и обозрѣвать общіе результаты, достигнутые организованнымъ трудомъ“.**) Неправда-ли, какъ это похоже на преувеличеніе своей роли литераторомъ, человѣкомъ кабинетной работы? Лѣса для самаго жилища вовсе не требуются, лѣса строются изъ худшаго матеріала, лѣса возводятся на небольшой срокъ и выкидываются въ печку, разъ только зданіе хотя бы вчернѣ закончено. Относительно построекъ революціонныхъ организацій опытъ свидѣтельствуетъ, что ихъ и безъ лѣсовъ удается иногда построить—возьмите семидесятые годы. Но теперь у насъ и представить себѣ нельзя возможности возвести безъ лѣсовъ необходимую для насъ постройку.

Надеждинъ не соглашается съ этимъ и говоритъ: „вокругъ газеты, въ дѣлѣ для нея соберется народъ, сорганизуется

*) Товарищъ Кричевскій и товарищъ Мартыновъ! Обращаю ваше вниманіе на это возмутительное проявленіе „самодержавія“, „безконтрольной авторитетности“, „верховнаго регулированія“ и пр. Помилуйте: хочетъ *обладать* всей цѣпью!! Пишите же скорѣе жалобу. Вотъ вамъ готовая тема для двухъ передовицъ въ № 12 Рабочаго Дѣла!

**) Мартыновъ, приведя въ Р. Дѣлѣ первую фразу этой цитаты (№ 10, с. 62) опустилъ именно вторую фразу, какъ бы подчеркивая этимъ свое нежеланіе касаться существа вопроса или свою неспособность понять это существо.

— думаетъ Искра. *Да ему гораздо ближе* собраться и сорганизоваться вокругъ дѣла *болѣе конкретнаго!*“ Такъ, такъ: „гораздо ближе вокругъ болѣе конкретнаго“... Русская пословица говоритъ: не плюй въ колодезъ,—пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и изъ такого колодца, въ который уже наплевано. До какихъ только гадостей не договорились наши великолѣпные легальные „критики марксизма“ и нелегальные поклонники Рабочей Мысли во имя этой большей конкретности! Какъ придавлено все наше движеніе нашей узостью, безъинціативностью и робостью, оправдываемой традиціонными доводами „гораздо ближе вокругъ болѣе конкретнаго“! И Надеждинъ, — считающій себя особенно чуткимъ къ „жизни“, осуждающій особенно строго „кабинетныхъ“ людей, обвиняющій (съ претензіей на остроуміе) Искру въ слабости вездѣ видѣть экономизмъ, воображающій, что онъ стоитъ гораздо выше этого дѣленія на ортодоксовъ и критиковъ, — не замѣчаетъ того, что онъ играетъ своими доводами на руку возмущающей его узости, что онъ пьетъ изъ самаго что-ни-на-есть проплеваннаго колодца! Да, самаго искренняго возмущенія узостью, самаго горячаго желанья поднять преклоняющихся передъ ней людей еще недостаточно, если возмущающійся носится безъ руля и безъ вѣтрилъ и такъ же „стихійно“, какъ и революціонеры 70-хъ годовъ, хватается за „эксцитативный терроръ“, за „аграрный терроръ“, за „набатъ“ и т. под. Посмотрите на это „болѣе конкретное“, вокругъ чего, — онъ думаетъ, — „гораздо ближе“ будетъ собраться и сорганизоваться: 1. мѣстныя газеты; 2. приготовленіе къ демонстраціямъ; 3. работа среди безработныхъ. Съ перваго же взгляда видно, что всѣ эти дѣла выхвачены совершенно случайно, на удачу, чтобы сказать что-нибудь, ибо какъ бы мы ни смотрѣли на нихъ, видѣть въ нихъ что либо спеціально пригодное „собрать и сорганизовать“ совсѣмъ уже несуразно. Вѣдь тотъ же самый Надеждинъ парой страницъ ниже говоритъ: „пора бы намъ просто констатировать фактъ: на мѣстахъ зедется крайне жалкая работа, комитеты не дѣлаютъ и десятой части того, что могли бы дѣлать... тѣ объединяющіе центры, какіе у насъ есть теперь, — это фикція, это — революціонная канцелярщина, взаимное пожалованіе другъ друга въ генералы, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не выростутъ мѣстныя сильныя организаціи“. Въ этихъ словахъ, несомнѣнно, наряду съ преувеличеніями, заключается много горькой истины, и неужели Надеждинъ не видитъ связи между жалкой работой на мѣстахъ и той узостью кругозора дѣятелей, узостью размаха ихъ дѣятельности, которые неизбѣжны при неподготовленности замыкающихся въ рамки мѣстныхъ организацій дѣятелей? Неужели онъ, подобно автору статьи объ организаціи въ „Свободѣ“, забылъ о томъ,

какъ переходъ къ широкой мѣстной прессѣ (съ 1898 года) сопровождался особеннымъ усиленіемъ экономизма и „кустарничества"? Да еслибы даже и возможна была сколько-нибудь удовлетворительная постановка „широкой мѣстной прессы" (а мы показали выше, что она невозможна, за исключеніемъ совершенно особенныхъ случаевъ), то и тогда мѣстные органы не могли бы „собрать и съорганизовать" *всѣ* силы революціонеровъ для *общаго* натиска на самодержавіе, для руководства *единой* борьбой. Не забудьте, что рѣчь идетъ здѣсь *только* о „собирающемъ", объ организаторскомъ значеніи газеты, и мы могли бы предложить защищающему раздробленность Надеждину имъ же поставленный ироническій вопросъ: „не получили ли мы откуда нибудь въ наслѣдство 200 000 революціонныхъ организаторскихъ силъ?" Далѣе, „приготовленіе къ демонстраціямъ" нельзя *противопоставлять* плану Искры уже потому, что этотъ планъ какъ разъ самыя широкія демонстраціи и предусматриваетъ *какъ одну изъ цѣлей*; рѣчь же идетъ о выборѣ практическаго *средства*. Надеждинъ опять запутался здѣсь, упустивъ изъ виду, что „приготовлять" демонстраціи (до сихъ поръ происходившія въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно стихійно) можетъ только уже „собранное и съорганизованное" войско, а мы именно *не умѣемъ* собрать и съорганизовать. „Работа среди безработныхъ". Опять та же путаница, ибо это тоже представляетъ изъ себя одно изъ военныхъ дѣйствій мобилизованнаго войска, а не планъ мобилизовать войско. До какой степени и тутъ недооцѣниваетъ Надеждинъ вреда нашей раздробленности, отсутствія у насъ „200 000 силъ", видно изъ слѣдующаго. Искру упрекали многіе (въ томъ числѣ и Надеждинъ) за бѣдность свѣдѣній о безработицѣ, за случайность корреспонденцій о самыхъ обыденныхъ явленіяхъ деревенской жизни. Упрекъ справедливъ, но Искра тутъ „безъ вины виновата". Мы стараемся „провести ниточку" и черезъ деревню, но каменщиковъ тамъ почти нигдѣ нѣтъ, и *приходится* поощрять *всякаго*, сообщающаго даже обыденный фактъ, — въ надеждѣ, что это умножитъ число сотрудниковъ по этой области и *научитъ всѣхъ насъ* выбирать наконецъ и дѣйствительно-выпуклые факты. Но матеріала то для учёбы такъ мало, что безъ обобщенія его по всей Россіи учиться рѣшительно не на чемъ. Несомнѣнно, что человѣкъ, обладающій хотя приблизительно такими же агитаторскими способностями и такимъ знаніемъ жизни босяка, какія видны у Надеждина, могъ бы оказать агитаціей среди безработныхъ неоцѣнимыя услуги движенію, — но такой человѣкъ зарылъ бы въ землю свой талантъ, если бы не позаботился оповѣщать *всѣхъ* русскихъ товарищей о каждомъ шагѣ своей работы на поученье и примѣръ людямъ, которые, въ массѣ своей, и не умѣютъ еще взяться за новое дѣло.

О важности объединенія, о необходимости „собрать и съорганизовать" говорятъ теперь рѣшительно всѣ, но нѣтъ въ большинствѣ случаевъ никакого опредѣленнаго представленія о томъ, съ чего начать и какъ вести это дѣло объединенія. Всѣ согласятся, навѣрное, что если мы „объединяемъ" отдѣльные, — скажемъ, районные — кружки одного города, то для этого необходимы *общія учрежденія* т. е. не одно только общее званье „союза", а дѣйствительно *общая* работа, обмѣнъ матеріаломъ, опытомъ и силами, распредѣленіе функцій уже не только по районамъ, а по спеціальностямъ всей городской дѣятельности. Всякій согласится, что солидный конспиративный аппаратъ не окупится (если можно употребить коммерческое выраженіе) „средствами" (и матеріальными и личными, разумѣется) одного района, что на этомъ узкомъ поприщѣ не развернуться таланту спеціалиста. То же самое относится однако и къ объединенію разныхъ городовъ, ибо и такое поприще, какъ отдѣльная мѣстность, *оказывается* и оказалась уже въ исторіи нашего соціаль-демократическаго движенія непомѣрно узкимъ: мы это подробно доказывали выше на примѣрѣ и политической агитаціи и организаціонной работы. Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать *фактическую* связь между городами на *регулярной общей* работѣ, ибо раздробленность придавливаетъ людей, которые „сидятъ какъ въ ямѣ" (по выраженію автора одного письма въ Искру), не зная, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, у кого имъ поучиться, какъ добыть себѣ опытъ, какъ удовлетворить желаніе широкой дѣятельности. И я продолжаю настаивать, что эту *фактическую* связь можно *начать* создавать только на общей газетѣ, какъ единственномъ регулярномъ общерусскомъ предпріятіи суммирующемъ итоги самыхъ разнообразныхъ видовъ дѣятельности и тѣмъ *подталкивающемъ* людей идти неустанно впередъ по *всѣмъ* многочисленнымъ путямъ, ведущимъ къ революціи, какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Если мы не на словахъ только хотимъ объединенія, то надо, чтобы каждый мѣстный кружокъ *тотчасъ же удѣлилъ*, скажемъ, четверть своихъ силъ *активной* работѣ надъ *общимъ* дѣломъ, и газета сразу показываетъ ему*) общій абрисъ, размѣры и характеръ этого дѣла, показываетъ, какіе именно пробѣлы всего сильнѣе ощущаются во всей общерусской дѣятельности, гдѣ нѣтъ агитаціи, гдѣ слабы связи, какія колесики громаднаго общаго механизма могъ-бы

---

*) *Оговорка:* если онъ сочувствуетъ направленію этой газеты и считаетъ полезнымъ для дѣла стать ея сотрудникомъ, понимая подъ этимъ не только литературное, а вообще всякое революціонное сотрудничество. *Примѣчаніе для Рабочаго Дѣла:* между революціонерами, которые цѣнятъ дѣло, а не игру въ демократизмъ, которые не отдѣляютъ „сочувствія" отъ самаго активнаго и живого участія, эта оговорка подразумѣвается сама собою.

данный кружокъ подправить или замѣнить лучшими. Кружокъ не работавшій еще, а только ищущій работы, могъ-бы начинать уже не какъ кустарь въ отдѣльной маленькой мастерской, не вѣдающій ни развитія „промышленности" до него, ни общаго состоянія данныхъ промышленныхъ способовъ производста, а какъ участникъ широкаго предпріятія, *отражающаго* весь общереволюціонный натискъ на самодержавіе. И чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждаго колесика, чѣмъ больше число детальныхъ работниковъ надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше смятенія въ общихъ рядахъ вызывали бы неизбѣжные провалы.

Фактическую связь начала бы создавать уже одна функція распространенія газеты (если бы таковая заслуживала названія газеты т. е. выходила регулярно и не разъ въ мѣсяцъ, какъ выходятъ толстые журналы, а раза четыре въ мѣсяцъ). Теперь сношенія между городами по надобностямъ революціоннаго дѣла являются величайшей рѣдкостью и, во всякомъ случаѣ, исключеніемъ; тогда эти сношенія стали бы правиломъ и обезпечивали, разумѣется, не только распространеніе газеты, а также (что́ гораздо важнѣе) обмѣнъ опытомъ, матеріалами, силами и средствами. Размахъ организаціонной работы сразу сталъ бы во много разъ шире, и успѣхъ одной мѣстности поощрялъ бы постоянно къ дальнѣйшему усовершенствованію, къ желанію воспользоваться готовымъ уже опытомъ дѣйствующаго въ другомъ концѣ страны товарища. Мѣстная работа стала бы гораздо богаче и разностороннѣе, чѣмъ теперь: политическія и экономическія обличенія, собираемыя по всей Россіи, давали бы умственную пищу рабочимъ всѣхъ профессій и *всѣхъ ступеней развитія*, давали матеріалъ и поводъ для бесѣдъ и чтеній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, поднятымъ къ тому же и намеками легальной печати и разговорами въ обществѣ и „стыдливыми" правительственными сообщеніями. Каждая вспышка, каждая демонстрація оцѣнивалась и обсуждалась бы со всѣхъ сторонъ во всѣхъ концахъ Россіи, вызывая желаніе не отстать отъ другихъ, сдѣлать лучше другихъ — (мы, соціалисты, вовсе не отвергаемъ вообще всякаго соревнованія, всякой „конкурренціи"!), — подготовить сознательно то, что́ въ первый разъ вышло какъ-то стихійно, воспользоваться благопріятными условіями данной мѣстности или даннаго момента для видоизмѣненія плана аттаки и проч. Въ то же время это оживленіе мѣстной работы не приводило бы къ тому отчаянному „предсмертному" напряженію *всѣхъ* силъ и постановкѣ ребромъ *всѣхъ* людей, каковымъ является зачастую теперь всякая демонстрація или всякій номеръ мѣстной газеты: съ одной стороны, полиціи гораздо труднѣе добраться до „корней", разъ неизвѣстно, въ какой мѣстности надо искать ихъ; съ другой стороны,

регулярная общая работа пріучала бы людей сообразовать силу *данной* аттаки съ даннымъ состояніемъ силъ такого-то отряда общей арміи (сейчасъ о такомъ сообразованіи почти никто никогда и не думаетъ, ибо аттаки случаются на девять десятыхъ стихійно) и облегчала бы „перевозку" изъ другого мѣста не только литературы, но и революціонныхъ силъ.

Теперь эти силы истекаютъ въ массѣ случаевъ кровью на узкой мѣстной работѣ, а тогда являлась бы возможность и постоянно были бы поводы перебрасывать сколько-нибудь способнаго агитатора или организатора изъ конца въ конецъ страны. Начиная съ маленькой поѣздки по дѣламъ партіи на счетъ партіи, люди привыкали бы переходить цѣликомъ на содержаніе партіи, дѣлаться профессіональными революціонерами, вырабатывать изъ себя настоящихъ политическихъ вождей.

И если бы намъ дѣйствительно удалось достигнуть того, чтобы всѣ или значительное большинство мѣстныхъ комитетовъ, мѣстныхъ группъ и кружковъ активно взялись за общее дѣло, мы могли бы въ самомъ недалекомъ будущемъ поставить еженедѣльную газету, регулярно распространяемую въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всей Россіи. Эта газета стала бы частичкой громаднаго кузнечнаго мѣха, раздувающаго каждую искру классовой борьбы и народнаго возмущенія въ общій пожаръ. Вокругъ этого, самого по себѣ очень еще невиннаго и очень еще небольшого, но регулярнаго и въ полномъ значеніи слова *общаго* дѣла систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армія испытанныхъ борцовъ. По лѣсамъ или подмосткамъ этой общей организаціонной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы изъ нашихъ революціонеровъ соціаль-демократическіе Желябовы, изъ нашихъ рабочихъ русскіе Бебели, которые встали бы во главѣ мобилизованной арміи и подняли весь народъ на расправу съ позоромъ и проклятьемъ Россіи.

Вотъ о чемъ намъ надо мечтать!

* * *

„Надо мечтать!" Написалъ я эти слова и испугался. Мнѣ представилось, что я сижу на „объединительномъ съѣздѣ", противъ меня сидятъ редакторы и сотрудники Рабочаго Дѣла. И вотъ встаетъ товарищъ Мартыновъ и грозно обращается ко мнѣ: „А позвольте васъ спросить, имѣетъ-ли еще автономная редакція право мечтать безъ предварительнаго опроса комитетовъ партіи?" А за нимъ встаетъ товарищъ Кричевскій и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубилъ товарища Плеханова) еще болѣе грозно продолжаетъ: „Я иду дальше. Я спрашиваю, имѣетъ-ли вообще право мечтать марксистъ, если онъ не забываетъ, что по Марксу человѣчество всегда ставитъ себѣ осуществимыя

задачи и что тактика есть процессъ роста задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей?“

Отъ одной мысли объ этихъ грозныхъ вопросахъ у меня морозъ подираетъ по кожѣ, и я думаю только — куда бы мнѣ спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

„Разладъ разладу рознь“ — писалъ по поводу вопроса о разладѣ между мечтой и дѣйствительностью Писаревъ. — „Моя мечта можетъ обгонять естественный ходъ событій, или же она можетъ хватать совершенно въ сторону, туда, куда никакой естественный ходъ событій никогда не можетъ придти. Въ первомъ случаѣ мечта не приноситъ никакого вреда; она можетъ даже поддерживать и усиливать энергію трудящагося человѣка.... Въ подобныхъ мечтахъ нѣтъ ничего такого, что̀ извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсѣмъ напротивъ. Если бы человѣкъ былъ совершенно лишенъ способности мечтать такимъ образомъ, если бы онъ не могъ изрѣдка забѣгать впередъ и созерцать воображеніемъ своимъ въ цѣльной и законченной картинѣ то самое твореніе, которое только что начинаетъ складываться подъ его руками, — тогда я рѣшительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человѣка предпринимать и доводить до конца обширныя и утомительныя работы въ области искусства, науки и практической жизни.... Разладъ между мечтой и дѣйствительностью не приноситъ никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно вѣритъ въ свою мечту, внимательно вглядываясь въ жизнь, сравниваетъ свои наблюденія съ своими воздушными замками и вообще добросовѣстно работаетъ надъ осуществленіемъ своей фантазіи. Когда есть какое-нибудь соприкосновеніе между мечтой и жизнью, тогда все обстоитъ благополучно.“

Вотъ такого-то рода мечтаній, къ несчастью, слишкомъ мало въ нашемъ движеніи. И виноваты въ этомъ больше всего кичащіеся своей трезвенностью, своей „близостью“ къ „конкретному“ представители легальной критики и нелегальнаго „хвостизма“.

в) Какого типа организація намъ нужна?

Изъ предъидущаго читатель видитъ, что наша „тактика-планъ“ состоитъ въ отрицаніи немедленнаго *призыва* къ штурму, въ требованіи устроить „правильную осаду непріятельской крѣпости“, или иначе въ требованіи направить всѣ усилія на то, чтобы собрать, съорганизовать и *мобилизовать* постоянное войско. Когда мы осмѣяли Рабочее Дѣло за его прыжокъ отъ экономизма къ воплямъ о штурмѣ (раздавшимся въ *апрѣлѣ* 1901 г. въ № 6 Листка Р. Дѣла), оно обрушилось, разумѣется, на насъ съ обвиненіемъ въ „доктринерствѣ“, непониманіи революціоннаго долга, въ призывѣ къ осторожности и т. п. Насъ нисколько не удивили, конечно,

эти обвиненія въ устахъ людей, не имѣющихъ никакихъ устоевъ и отдѣлывающихся глубокомысленной „тактикой — процессомъ“, какъ не удивило и то, что такія обвиненія повторилъ Надеждинъ, питающій вообще самое величественное презрѣніе къ прочнымъ программнымъ и тактическимъ устоямъ.

Говорятъ, что исторія не повторяется. Но Надеждинъ изо всѣхъ силъ старается повторить ее и усердно копируетъ Ткачева, разнося „революціонное культурничество“, крича о „набатѣ вѣчевого колокола“, объ особой „точкѣ зрѣнія кануна революціи“ и т. п. Онъ забываетъ, повидимому, извѣстное изреченіе, что если оригиналъ историческаго событія представляетъ изъ себя трагедію, то копія съ него является лишь фарсомъ. Подготовленная проповѣдью Ткачева и осуществленная посредствомъ „устрашающаго“ и дѣйствительно устрашавшаго террора попытка захватить власть — была величественна, а „эксцитативный“ терроръ маленькаго Ткачева просто смѣшонъ и особенно смѣшонъ, когда дополняется идеей организаціи середняковъ.

„Если бы Искра — пишетъ Надеждинъ — вышла изъ своей сферы литературщины, она увидѣла бы, что это (такія явленія, какъ письмо рабочаго въ Искрѣ, № 7 и т. п.) симптомы того, что очень-очень скоро начнется „штурмъ“ и говорить теперь (sic!) объ организаціи, тянущейся нитками отъ общерусской газеты, — это плодить кабинетныя мысли и кабинетную работу.“ Посмотрите же, какая это невообразимая путаница: съ одной стороны, эксцитативный терроръ и „организація середняковъ“ наряду съ мнѣніемъ, что „гораздо ближе“ собраться вокругъ „болѣе конкретнаго“ вродѣ мѣстныхъ газетъ, — а съ другой стороны, „теперь“ говорить объ общерусской организаціи значитъ плодить кабинетныя мысли т. е., говоря прямѣе и проще, „теперь“ уже поздно! А „широкая постановка мѣстныхъ газетъ“, это не поздно, почтеннѣйшій Л. Надеждинъ? И сравните съ этимъ точку зрѣнія и тактику Искры: эксцитативный терроръ — пустяки, говорить объ организаціи именно середняковъ и о *широкой* постановкѣ мѣстныхъ газетъ значитъ открывать настежь дверь экономизму. Надо говорить о единой общерусской организаціи революціонеровъ, и говорить о ней не поздно до тѣхъ самыхъ поръ, когда начнется настоящій, а не бумажный штурмъ.

„Да, насчетъ организаціи у насъ обстоятъ дѣла крайне не блестяще“; продолжаетъ Надеждинъ — „да, Искра совершенно права, говоря, что главная масса нашихъ военныхъ силъ — добровольцы и повстанцы... Это хорошо, что вы трезво представляете себѣ положеніе нашихъ силъ, но зачѣмъ же при этомъ забывать, что *толпа вовсе не наша* и что поэтому *она у насъ не спроситъ*, когда открывать военныя дѣйствія, и пойдетъ „бунтоваться“... Когда выступитъ сама толпа съ ея стихійной разрушительной силой, вѣдь она *можетъ* смять, оттереть „постоянное войско“, въ которое все собирались, да не *поспѣли* вносить чрезвычайно систематическую организацію“ (Курсивъ нашъ).

Удивительная логика! *Именно потому*, что „толпа не наша“, неразумно и неприлично кричать о „штурмѣ“ сію минуту, ибо штурмъ есть аттака постояннаго войска, а не стихійный взрывъ толпы. Именно потому, что толпа *можетъ* смять и оттереть постоянное войско, намъ обязательно необходимо „поспѣвать“ за стихійнымъ подъемомъ со своей работой „внесенія чрезвычайно систематической организаціи“ въ постоянное войско, ибо чѣмъ больше „поспѣемъ“ мы внести такой организованности, тѣмъ болѣе вѣроятно, что постоянное войско не будетъ смято толпой, а встанетъ впереди и во главѣ толпы. Надеждинъ путается потому, что воображаетъ, будто это систематически организуемое войско занято чѣмъ-либо отрывающимъ его отъ толпы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно занято исключительно всесторонней и всеобъемлющей политической агитаціей т. е. именно работой, *сближающей и сливающей во-едино* стихійно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организаціи революціонеровъ. Вѣдь вы, господа, валите съ больной головы на здоровую, ибо именно группа „Свобода“, внося *въ программу* терроръ, тѣмъ самымъ зоветъ къ организаціи террористовъ, а такая организація дѣйствительно отвлекла бы наше войско отъ сближенія его съ толпой, которая еще, къ сожалѣнію, не наша, которая еще, къ сожалѣнію, не спрашиваетъ или мало спрашиваетъ насъ о томъ, когда и какъ открывать военныя дѣйствія.

„Мы проглядимъ самое революцію, — продолжаетъ Надеждинъ пугать Искру — какъ проглядѣли нынѣшнія событія, свалившіяся намъ словно снѣгъ на голову.“ Эта фраза, въ связи съ приведенными выше, наглядно показываетъ намъ нелѣпость сочиненной „Свободою“ особой „точки зрѣнія кануна революціи“.*) Особая „точка зрѣнія“ сводится, если прямо говорить, къ тому, что „теперь“ поздно уже разсуждать и готовиться. Если такъ, о почтеннѣйшій врагъ „литературщины“, — то къ чему же было писать на 132 печатныхъ страницахъ „о вопросахъ теоріи**) и тактики“? Не находите-

*) Стр. 62 „Канунъ революціи“.

**) Впрочемъ по вопросамъ теоріи въ своемъ „обозрѣніи вопросовъ теоріи“ Л. Надеждинъ почти-что ничего не далъ, если не считать слѣдующаго, весьма любопытнаго съ „точки зрѣнія кануна революціи“ пассажа: „Бернштейніада въ ея цѣломъ теряетъ для нашего момента свой острый характеръ точно такъ же, какъ докажетъ ли г. Адамовичъ, что г. Струве уже заслужилъ пряжку, или, наоборотъ, г. Струве опровергнетъ г. Адамовича и не согласится на выходъ въ отставку — это рѣшительно все равно, ибо настаетъ слушный часъ революціи“ (стр. 110). Трудно было бы рельефнѣе изобразить безконечную беззаботность Л. Надеждина на счетъ теоріи. Мы провозгласили „канунъ революціи“ — *поэтому* „рѣшительно все равно“, удастся ли ортодоксамъ окончательно сбить съ позиціи критиковъ!! И не замѣчаетъ нашъ мудрецъ, что именно во время революціи понадобятся намъ результаты теоретической борьбы съ критиками для рѣшительной борьбы съ ихъ *практическими* позиціями!

ли вы, что „точкѣ зрѣнія кануна революціи“ болѣе приличествовало бы изданіе 132 тысячъ листковъ съ краткимъ воззваніемъ: „бей ихъ!“

Проглядѣть революцію всего менѣе рискуетъ именно тотъ, кто ставитъ во главу угла всей своей и программы и *тактики и организаціонной работы* всенародную политическую агитацію, какъ дѣлаетъ Искра. Люди, занятые по всей Россіи витьемъ нитей организаціи, тянущейся отъ общерусской газеты, не только не проглядѣли весеннихъ событій, а дали намъ, наоборотъ, возможность предсказать ихъ. Не проглядѣли они и тѣхъ демонстрацій, которыя описаны въ № 13 и 14 Искры: напротивъ, они участвовали въ нихъ, живо сознавая свою обязанность идти на помощь стихійному подъему толпы и помогая въ то же время, чрезъ посредство газеты, ознакомляться съ этими демонстраціями и утилизировать ихъ опытъ всѣмъ русскимъ товарищамъ. Не проглядятъ они, если живы будутъ, и революціи, которая потребуетъ отъ насъ прежде всего и больше всего опытности въ агитаціи, умѣнья поддерживать (по-соціаль-демократически поддерживать) всякій протестъ, умѣнья направлять стихійное движеніе, оберегая его и отъ ошибокъ друзей и отъ ловушекъ враговъ!

Мы подошли такимъ образомъ къ послѣднему соображенію, которое заставляетъ насъ особенно настаивать на планѣ организаціи вокругъ общерусской газеты, посредствомъ совмѣстной работы надъ общей газетой. Только такая организація обезпечитъ необходимую для соціаль-демократической боевой организаціи *гибкость* т. е. способность приспособляться немедленно къ самымъ разнообразнымъ и быстро мѣняющимся условіямъ борьбы, умѣнье „съ одной стороны уклониться отъ сраженія въ открытомъ полѣ съ подавляющимъ своей силою непріятелемъ, когда онъ собралъ на одномъ пунктѣ всѣ силы, а, съ другой стороны, пользоваться неповоротливостью этого непріятеля и нападать на него тамъ и тогда, гдѣ всего менѣе ожидаютъ нападенія.“*) Было бы величайшей ошибкой строить партійную организацію въ разсчетѣ только на взрывъ

*) Искра, № 4, „Съ чего начать?“ — „Революціонныхъ культурниковъ, не стоящихъ на точкѣ зрѣнія кануна революціи, долгота работы ничуть не смущаетъ“ — пишетъ Надеждинъ (с. 62). Мы замѣтимъ по поводу этого: если мы не сумѣемъ выработать такой политической тактики, такого организаціоннаго плана, которые были бы непремѣнно разсчитаны на *весьма долгую работу* и въ тоже время обезпечивали бы *самымъ процессомъ этой работы* готовность нашей партіи оказаться на своемъ посту и выполнить свой долгъ при всякой неожиданности, при всякомъ ускореніи хода событій, — то мы окажемся просто жалкими политическими авантюристами. Только Надеждинъ, со вчерашняго дня начавшій себя называть соціаль-демократомъ, можетъ забывать о томъ, что цѣль соціаль-демократіи — коренное преобразованіе условій жизни всего человѣчества, что поэтому соціаль-демократу не позволительно „смущаться“ вопросомъ о долготѣ работы.

и уличную борьбу или только на „поступательной ходъ сѣрой текущей борьбы“. Мы должны *всегда* вести нашу будничную работу и всегда быть готовы ко всему, потому что предвидѣть заранѣе смѣну періодовъ взрыва періодами затишья очень часто бываетъ почти невозможно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этимъ предвидѣніемъ для перестройки организаціи, ибо смѣна эта въ самодержавной странѣ происходитъ поразительно быстро, будучи иногда связана съ однимъ ночнымъ набѣгомъ царскихъ янычаръ. И самое революцію надо представлять себѣ отнюдь не въ формѣ единичнаго акта (какъ мерещится, повидимому, Надеждинымъ), а въ формѣ нѣсколькихъ быстрыхъ смѣнъ болѣе или менѣе сильнаго взрыва и болѣе или менѣе сильнаго затишья. Поэтому основнымъ содержаніемъ дѣятельности нашей партійной организаціи, фокусомъ этой дѣятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна какъ въ періодъ самаго сильнаго взрыва, такъ и въ періодъ полнѣйшаго затишья, именно: работа политической агитаціи, объединенной по всей Россіи, освѣщающей всѣ стороны жизни и направленной въ самыя широкія массы. А эта работа *немыслима* въ современной Россіи безъ общерусской, очень часто выходящей газеты. Организація, складывающаяся сама собою вокругъ этой газеты, организація ея *сотрудниковъ* (въ широкомъ смыслѣ слова т. е. всѣхъ трудящихся надъ ней) будетъ именно готова *на все*, начиная отъ спасенья чести, престижа и преемственности партіи въ моментъ наибольшаго революціоннаго „угнетенія“ и кончая подготовкой, назначеніемъ и проведеніемъ *всенароднаго вооруженнаго возстанія*.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ очень обычный у насъ случай полнаго провала въ одной или нѣсколькихъ мѣстностяхъ. При отсутствіи у *всѣхъ* мѣстныхъ организацій *одного* общаго регулярнаго дѣла такіе провалы сопровождаются часто перерывомъ работы на много мѣсяцевъ. При наличности же общаго дѣла у всѣхъ, — достаточно было бы, при самомъ сильномъ провалѣ, нѣсколькихъ недѣль работы двухъ-трехъ энергичныхъ людей, чтобы связать съ общимъ центромъ новые кружки молодежи, возникающіе, какъ извѣстно, весьма быстро даже теперь; — а когда это общее дѣло, страдающее отъ провала, у всѣхъ на виду, то новые кружки могутъ возникать и связываться съ нимъ еще быстрѣе.

Съ другой стороны, представьте себѣ народное возстаніе. Въ настоящее время, вѣроятно, всѣ согласятся, что мы должны думать о немъ и готовиться къ нему. Но *какъ* готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентовъ по всѣмъ мѣстамъ для подготовки возстанія! Если бы у насъ и былъ Ц. К., онъ такимъ назначеніемъ ровно ничего не достигъ бы при современныхъ русскихъ условіяхъ. Наоборотъ, сѣть агентовъ,*) складывающаяся сама собой на работѣ по постановкѣ и распространенію общей газеты, не должна была бы „сидѣть и ждать“ лозунга къ возстанію, а дѣлала бы именно такое регулярное дѣло, которое гарантировало бы ей наибольшую вѣроятность успѣха въ случаѣ возстанія. Именно такое дѣло закрѣпляло бы связи и съ самыми широкими массами рабочихъ и со всѣми недовольными самодержавіемъ слоями, что̀ такъ важно для возстанія. Именно на такомъ дѣлѣ вырабатывалась бы способность вѣрно оцѣнивать общее политическое положеніе и, слѣдовательно, способность выбрать подходящій моментъ для возстанія. Именно такое дѣло пріучало бы *всѣ* мѣстныя организаціи откликаться одновременно на одни и тѣ же волнующіе всю Россію политическіе вопросы, случаи и происшествія, отвѣчать на эти „происшествія“ возможно энергичнѣе, возможно единообразнѣе и цѣлесообразнѣе, — а вѣдь возстаніе есть, въ сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый цѣлесообразный „отвѣтъ“ всего народа правительству. Именно такое дѣло, наконецъ, пріучало бы всѣ революціонныя организаціи во всѣхъ концахъ Россіи вести самыя постоянныя и въ тоже время самыя конспиративныя сношенія, создающія *фактическое* единство партіи, — а безъ такихъ сношеній невозможно коллективно обсудить планъ возстанія и принять тѣ необходимыя подготовительныя мѣры наканунѣ его, которыя должны быть сохранены въ строжайшей тайнѣ.

Однимъ словомъ, „планъ общерусской политической газеты“ не только не представляетъ изъ себя плодъ кабинетной работы лицъ, зараженныхъ доктринерствомъ и литературщиной (какъ это показалось плохо вдумавшимся въ него людямъ), а, наоборотъ, онъ является самымъ практическимъ планомъ начать со всѣхъ сторонъ и сейчасъ же готовиться къ возстанію, не забывая въ тоже время ни на минуту своей будничной насущной работы.

*) Увы, увы! Опять сорвалось у меня это ужасное слово „агентъ“, такъ рѣжущее демократическое ухо Мартыновыхъ! Мнѣ странно, почему это слово не обижало корифеевъ 70-хъ годовъ и обижаетъ кустарей 90-хъ годовъ? Мнѣ нравится это слово, ибо оно ясно и рѣзко указываетъ на *общее дѣло*, которому всѣ агенты подчиняютъ свои помыслы и дѣйствія, и если нужно замѣнить это слово другимъ, то я бы могъ остановиться только развѣ на словѣ „сотрудникъ“, если бы оно не отзывалось нѣкоторой литературщиной и нѣкоторой расплывчатостью. А намъ нужна военная организація агентовъ. Впрочемъ тѣ многочисленные (особенно за границей) Мартыновы, которые любятъ заниматься „взаимнымъ пожалованіемъ другъ друга въ генералы“, могли бы говорить вмѣсто „агентъ по паспортной части“ — „главноначальствующій отдѣльной частью по снабженію революціонеровъ паспортами“ и т. п.

Заключеніе.

Исторія русской соціаль-демократіи явственно распадается на три періода.

Первый періодъ обнимаетъ около десяти лѣтъ, приблизительно 1884—1894 гг. Это былъ періодъ возникновенія и упроченія теоріи и программы соціаль-демократіи. Число сторонниковъ новаго направленія въ Россіи измѣрялось единицами. Соціаль-демократія существовала безъ рабочаго движенія, переживая, какъ политическая партія, процессъ утробнаго развитія.

Второй періодъ обнимаетъ три-четыре года, 1894—1898 гг. Соціаль-демократія появляется на свѣтъ божій, какъ общественное движеніе, какъ подъемъ народныхъ массъ, какъ политическая партія. Это — періодъ дѣтства и отрочества. Съ быстротой эпидеміи распространяется повальное увлеченіе интеллигенціи борьбой съ народничествомъ и хожденіемъ къ рабочимъ, повальное увлеченіе рабочихъ стачками. Движеніе дѣлаетъ громадные успѣхи. Большинство руководителей — совсѣмъ молодые люди, далеко не достигшіе того „тридцатипятилѣтняго возраста", который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными къ практической работѣ и поразительно быстро сходятъ со сцены. Но размахъ работы у нихъ большей частью былъ очень широкій. Многіе изъ нихъ начинали революціонно мыслить какъ народовольцы. Почти всѣ въ ранней юности восторженно преклонялись передъ героями террора. Отказъ отъ обаятельнаго впечатлѣнія этой геройской традиціи стоилъ борьбы, сопровождался разрывомъ съ людьми, которые во что бы то ни стало хотѣли остаться вѣрными Народ. Волѣ и которыхъ молодые соціаль-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальныя произведенія всякихъ направленій, заниматься усиленно вопросами легальнаго народничества. Воспитанные на этой борьбѣ соціаль-демократы шли въ рабочее движеніе, „ни на минуту" не забывая ни о теоріи марксизма, озарившей ихъ яркимъ свѣтомъ, ни о задачѣ низверженія самодержавія. Образованіе партіи весной 1898 года было самымъ рельефнымъ и въ то же время *послѣднимъ* дѣломъ соціаль-демократовъ этой полосы.

Третій періодъ подготовляется, какъ мы видѣли, въ 1897 году и окончательно выступаетъ на смѣну второго періода

въ 1898 году (1898—?). Это — періодъ разброда, распаденія, шатанія. Въ отрочествѣ бываетъ такъ, что голосъ у человѣка ломается. Вотъ и у русской соціаль-демократіи этого періода сталъ ломаться голосъ, сталъ звучать фальшью, — съ одной стороны, въ произведеніяхъ гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, съ другой стороны — у В. И—на и Р. М., у Б. Кричевскаго и Мартынова. Но брели розно и шли назадъ только руководители: само движеніе продолжало расти и дѣлать громадные шаги впередъ. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочихъ и распространялась по всей Россіи, вліяя въ то же время косвенно и на оживленіе демократическаго духа въ студенчествѣ и въ другихъ слояхъ населенія. Сознательность же руководителей спасовала передъ широтой и силой стихійнаго подъема; среди соціаль-демократовъ преобладала уже другая полоса — полоса дѣятелей, воспитавшихся почти только на одной „легальной" марксистской литературѣ, а ея было тѣмъ болѣе недостаточно, чѣмъ большей массы сознательности требовала отъ нихъ стихійность массы. Руководители не только оказывались позади и въ теоретическомъ отношеніи („свобода критики") и въ практическомъ („кустарничество"), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренними доводами. Соціаль-демократизмъ принижался до трэдъ-юніонизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа „credo" начинала осуществляться, особенно когда „кустарничество" соціаль-демократовъ вызвало оживленіе революціонныхъ несоціаль-демократическихъ направленій.

И вотъ если читатель упрекнетъ меня за то, что я черезчуръ подробно занимался какимъ-то Раб. Дѣломъ, я отвѣчу на это: Р. Дѣло пріобрѣло „историческое" значеніе потому, что всего рельефнѣе отразило въ себѣ „духъ" этого третьяго періода.*) Не послѣдовательный Р. М., а именно флюгерствующіе Кричевскіе и Мартыновы могли настоящимъ образомъ выразить разбродъ и шатанія, готовность идти на уступки и передъ „критикой", и передъ „экономизмомъ", и передъ терроризмомъ. Не величественное пренебреженіе къ практикѣ со стороны какого-нибудь поклонника „абсолюта" характерно для этого періода, а именно соединеніе мелкаго практицизма съ полнѣйшей теоретической беззаботностью. Не столько прямымъ отрицаніемъ „великихъ словъ" занимались герои этого періода, сколько ихъ опошленіемъ: научный соціализмъ пересталъ быть цѣлостной революціонной теоріей, а превра-

*) Я могъ бы также отвѣтить нѣмецкой пословицей: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по русски: кошку бьютъ, невѣсткѣ повѣтки даютъ. Не одно Раб. Дѣло, а *широкая масса* практиковъ *и теоретиковъ* увлекалась модной „критикой", путалась въ вопросѣ о стихійности, сбивалась съ соціаль-демократическаго на трэдъ-юніонистское пониманіе нашихъ политическихъ и организаціонныхъ задачъ.

щался въ мѣщанину, къ которой „свободно“ добавляли жидкости изъ всякаго новаго нѣмецкаго учебника; лозунгъ „классовая борьба“ не толкалъ впередъ къ все болѣе широкой, все болѣе энергичной дѣятельности, а служилъ средствомъ успокоенія, такъ какъ вѣдь „экономическая борьба неразрывно связана съ политической“; идея партіи не служила призывомъ къ созданію боевой организаціи революціонеровъ, а оправдывала какую-то „революціонную канцелярщину“ и ребяческую игру въ „демократическія“ формы.

Когда кончается третій и начинается четвертый періодъ (во всякомъ случаѣ предвѣщаемый уже многими признаками), — мы не знаемъ. Изъ области исторіи мы переходимъ здѣсь въ область настоящаго, отчасти будущаго. Но мы твердо вѣримъ, что четвертый періодъ поведетъ къ упроченію воинствующаго марксизма, что изъ кризиса русская соціаль-демократія выйдетъ окрѣпшей и возмужавшей, что „на смѣну“ арьергарда оппортюнистовъ выступитъ дѣйствительный передовой отрядъ самаго революціоннаго класса.

Въ смыслѣ призыва къ такой „смѣнѣ“ и сводя вмѣстѣ все изложенное выше, мы можемъ на вопросъ: что дѣлать? дать краткій отвѣтъ:

Ликвидировать третій періодъ.

Приложеніе.

Попытка объединенія Искры съ Рабочимъ Дѣломъ.

Намъ остается обрисовать ту тактику, которую приняла и послѣдовательно проводила Искра въ организаціонныхъ отношеніяхъ къ Раб. Дѣлу. Тактика эта выражена вполнѣ уже въ № 1 Искры, въ статьѣ о „Расколѣ въ загран. союзѣ рус. соц.-дем.“. Мы сразу встали на ту точку зрѣнія, что *настоящій* „Союзъ русскихъ соціаль-демократовъ заграницей“, который былъ признанъ на первомъ съѣздѣ нашей партіи ея заграничнымъ представителемъ, *раскололся* на двѣ организаціи; — что вопросъ о представительствѣ партіи остается открытымъ, будучи только временно и условно рѣшенъ тѣмъ, что на парижскомъ международномъ конгрессѣ въ постоянное международное соціалистическое бюро было выбрано отъ Россіи два члена, по одному отъ каждой части расколовшагося союза. Мы заявили, что по существу Раб. Дѣло *неправо*, мы рѣшительно встали въ принципіальномъ отношеніи на сторону Группы Осв. Труда, но отказались въ тоже время входить въ подробности раскола и отмѣтили заслугу союза въ области чисто-практической работы.*)

Такимъ образомъ наша позиція была до извѣстной степени выжидательная: мы сдѣлали уступку господствовавшему среди большинства русскихъ соціаль-демократовъ мнѣнію, что рука объ руку съ „Союзомъ“ могутъ работать и самые рѣшительные враги экономизма, ибо „Союзъ“ не разъ заявлялъ о своемъ принципіальномъ согласіи съ Группой Осв. Труда, не претендуя, будто-бы, на самостоятельную физіономію въ коренныхъ вопросахъ теоріи и тактики. Правильность занятой нами позиціи косвенно была подтверждена тѣмъ, что почти одновременно съ выходомъ перваго номера Искры (декабрь 1900) отъ „Союза“ отдѣлились три члена, которые образовали такъ называемую „группу иниціаторовъ“ и обратились къ 1. заграничному отдѣлу организаціи Искры, 2. къ революціонной организаціи „Соціаль-демократъ“ и 3. къ „Союзу“ съ предложеніемъ посредничества въ веденіи переговоровъ о примиреніи. Первыя двѣ организаціи сразу отвѣтили согласіемъ, *третья — отказомъ*. Правда, когда одинъ ораторъ изложилъ эти факты на „объединительномъ“ съѣздѣ прошлаго года, членъ администраціи „Союза“ заявилъ, что ихъ отказъ былъ вызванъ *исключительно* тѣмъ, что Союзъ былъ недоволенъ составомъ группы иниціаторовъ. Считая своимъ долгомъ привести это объясненіе, я не могу однако не замѣтить съ своей стороны, что считаю его неудовлетворительнымъ: зная о согласіи двухъ организацій на переговоры, „Союзъ“ могъ обратиться къ нимъ и черезъ другого посредника или непосредственно.

Весной 1901 г. съ прямой полемикой противъ Р. Дѣла выступила и Заря (№ 1, апрѣль) и Искра (№ 4, май). Послѣдняя особенно напала на „Историческій поворотъ“ Р. Дѣла, которое въ своемъ *апрѣльскомъ* листкѣ, слѣдовательно, уже послѣ весеннихъ событій, проявило неустойчивость по отношенію къ увлеченію терроромъ и „кровавыми“ призывами. Не-

*) Въ основѣ такой оцѣнки раскола лежало не только ознакомленіе съ литературой, но также и данныя, собранныя за границей нѣкоторыми побывавшими тамъ членами нашей организаціи.

смотря на эту полемику, „Союзъ" отвѣтилъ согласіемъ на возобновленіе переговоровъ о примиреніи при посредствомъ новой группы „примирителей". Предварительная конференція изъ представителей отъ трехъ вышеназванныхъ организацій состоялась въ іюнѣ и выработала проектъ договора на базисѣ подробнѣйшаго „принципіальнаго соглашенія", напечатаннаго „Союзомъ" въ брошюрѣ „Два съѣзда" и Лигой въ брошюрѣ: „Документы объединительнаго съѣзда".

Содержаніе этого принципіальнаго соглашенія (или резолюцій іюньской конференціи, какъ его чаще называютъ) показываетъ съ полнѣйшей ясностью, что мы ставили непремѣннымъ условіемъ соединенія *самое рѣшительное* отрицаніе всѣхъ и всякихъ проявленій оппортунизма вообще и русскаго оппортунизма въ частности. „Мы отвергаемъ — гласитъ 1 п. — всякія попытки внесенія оппортунизма въ классовую борьбу пролетаріата, — попытки, выразившіяся въ такъ называемомъ экономизмѣ, бернштейніанствѣ, мильеранизмѣ и т. п." „Въ кругъ дѣятельности соціаль-демократіи входитъ... идейная борьба со всѣми противниками революціоннаго марксизма" (4, с); „Во всѣхъ сферахъ организаціонно-агитаціонной дѣятельности соціаль-демократія не должна ни на минуту упускать изъ виду ближайшую задачу русскаго пролетаріата — низверженіе самодержавія" (5, а) ...„агитація не только на почвѣ повседневной борьбы наемнаго труда съ капиталомъ" (5, b) ...„не признавая... стадію чисто экономической борьбы и борьбы за частныя политическія требованія" (5, с)... „считаемъ важной для движенія критику теченій, возводящихъ въ принципъ... элементарность... и узость низшихъ формъ движенія" (5, d). Даже совершенно посторонній человѣкъ, сколько-нибудь внимательно прочитавшій эти резолюціи, увидитъ изъ самой уже ихъ формулировки, что онѣ направлены противъ людей, которые были оппортунистами и „экономистами", которые забывали хотя на минуту о задачѣ низверженія самодержавія, которые признавали теорію стадій, возводили въ принципъ узость и пр. И кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ полемикой противъ Р. Дѣла Группы Осв. Труда, Зари и Искры, тотъ ни на минуту не усомнится въ томъ, что эти резолюціи отвергаютъ пунктъ за пунктомъ именно тѣ заблужденія, въ которыя впадало Раб. Дѣло. Поэтому когда на „объединительномъ" съѣздѣ одинъ изъ членовъ „Союза" заявилъ, что статьи въ № 10 Р. Дѣла вызваны не новымъ „историческимъ поворотомъ" „Союза", а чрезмѣрной „абстрактностью"*) резолюцій — то одинъ ораторъ имѣлъ полное право посмѣяться надъ этимъ. Резолюціи не только не абстрактны, — отвѣтилъ онъ — а невѣроятно конкретны: одного взгляда на нихъ достаточно, чтобы видѣть, что тутъ „кого-то ловили".

Это послѣднее выраженіе подало поводъ къ характерному эпизоду на съѣздѣ. Съ одной стороны, Б. Кричевскій ухватился за слово „ловили", рѣшивъ, что это — обмолвка, выдающая дурной умыселъ съ нашей стороны („подставить ловушку"), и патетически воскликнулъ: „Кого же именно, кого тутъ ловили?" — „Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, кого?" иронически спросилъ Плехановъ. — „Я помогу недогадливости товарища Плеханова — отвѣчалъ Б. Кричевскій — я объясню ему, что тутъ ловили *редакцію Рабочаго Дѣла* (общій хохотъ). Но мы не дали себя поймать!" (замѣчанія слѣва: тѣмъ хуже для васъ!) — Съ другой стороны, членъ группы „Борьба" (группы примирителей), говоря противъ поправокъ „Союза" къ резолюціямъ и желая защищать нашего оратора, заявилъ, что выраженіе „ловили", очевидно, нечаянно сорвалось въ пылу полемики.

Что касается меня, то я думаю, что отъ такой „защиты" не поздоровится оратору, употребившему разбираемое выраженіе. Я думаю, что слова „кого-то ловили" „въ шутку сказаны, да въ серьезъ задуманы": мы всегда обвиняли Р. Дѣло въ неустойчивости, въ шатаніяхъ, и потому, естественно, *должны были* постараться *поймать* его, чтобы сдѣлать впредь шатанія невозможными. О дурномъ умыслѣ не могло тутъ быть и рѣчи, ибо дѣло шло о принципіальной неустойчивости. И мы сумѣли „поймать" „Союзъ"

*) Утвержденіе это повторено въ „Двухъ съѣздахъ", стр. 25.

настолько по-товарищески,*) что іюньскія резолюціи подписалъ самъ Б. Кричевскій и еще одинъ членъ администраціи „Союза".

Статьи въ № 10 Р. Дѣла (наши товарищи увидѣли этотъ номеръ только тогда, когда пріѣхали на съѣздъ, за нѣсколько дней до начала засѣданій) ясно показали, что съ лѣта по осень въ „Союзѣ" произошелъ новый поворотъ: экономисты опять взяли верхъ, и редакція, послушная всякому „вѣянію", принялась опять защищать „самыхъ отъявленныхъ бернштейніанцевъ" и „свободу критики", защищать „стихійность" и проповѣдывать устами Мартынова „теорію суженія" сферы нашего политическаго воздѣйствія (въ видахъ, будто-бы, осложненія самаго воздѣйствія). Еще разъ подтвердилось мѣткое замѣчаніе Парвуса, что оппортуниста трудно поймать какой бы то ни было формулой: онъ легко подпишетъ *всякую* формулу и легко отступитъ отъ нея, такъ какъ оппортунизмъ состоитъ именно въ отсутствіи сколько нибудь опредѣленныхъ и твердыхъ принциповъ. Сегодня оппортунисты отвергли *всякія* попытки внесенія оппортунизма, отвергли *всякую* узость, обѣщали торжественно „ни на минуту не забывать о низверженіи самодержавія", вести „агитацію не только на почвѣ повседневной борьбы наемнаго труда съ капиталомъ" и пр. и пр. А завтра они мѣняютъ способъ выраженія и принимаются за старое подъ видомъ защиты стихійности, поступательнаго хода сѣрой, текущей борьбы, превознесенія требованій, сулящихъ осязательные результаты, и т. п. Продолжая утверждать, что въ статьяхъ № 10 „Союзъ не видѣлъ и не видитъ никакого еретическаго отступленія отъ общихъ принциповъ проекта конференціи" (Два съѣзда, с. 26), „Союзъ" обнаруживаетъ этимъ только полную неспособность или нежеланіе понять суть разногласій.

Послѣ № 10 Р. Д. намъ оставалось сдѣлать только одну попытку: начать общую дискуссію, чтобы убѣдиться, солидаренъ ли весь „Союзъ" съ этими статьями и съ своей редакціей. „Союзъ" особенно недоволенъ нами за это, обвиняя насъ въ попыткѣ посѣять рознь въ Союзѣ, въ вмѣшательствѣ не въ свое дѣло и проч. Обвиненія явно неосновательныя, ибо при выборной редакціи, „поворачивающей" при самомъ легкомъ вѣтеркѣ, все зависитъ именно отъ направленія вѣтра, и мы опредѣляли это направленіе въ закрытыхъ засѣданіяхъ, на которыхъ кромѣ членовъ собравшихся объединяться организацій никого не было. Внесеніе отъ имени „Союза" поправокъ къ іюньскимъ резолюціямъ отняло у насъ и послѣднюю тѣнь надежды на соглашеніе. Поправки документально засвидѣтельствовали новый поворотъ къ экономизму и солидарность большинства „Союза" съ № 10 Р. Д. Изъ круга проявленій оппортунизма вычеркивался „т.-наз. экономизмъ" (въ виду якобы „неопредѣленности смысла" этихъ трехъ словъ, — хотя изъ такой мотивировки вытекаетъ лишь необходимость болѣе точно опредѣлить сущность широко распространеннаго заблужденія), вычеркивался и „мильеранизмъ" (хотя Б. Кричевскій защищалъ его и въ Р. Д. № 2—3, стр. 83—4 и еще прямѣе въ Vorwärts'ѣ.**) Несмотря

*) Именно: мы сказали во вступленіи къ іюньскимъ резолюціямъ, что русская соціаль-демократія въ цѣломъ всегда стояла на почвѣ принциповъ Группы Осв. Тр. и что заслугой „Союза" была въ особенности его издательская и организаціонная дѣятельность. Другими словами, мы выражали полную готовность предать забвенію все прошлое и признать полезность (для дѣла) работы нашихъ товарищей изъ „Союза" *подъ условіемъ* того полнаго прекращенія шатаній, которое мы преслѣдовали „уловленіемъ". Всякій безпристрастный человѣкъ, прочитавъ іюньскія резолюціи, именно такъ только и пойметъ ихъ. Если же „Союзъ" теперь, послѣ того какъ онъ *вызвалъ* разрывъ своимъ новымъ поворотомъ къ экономизму (въ статьяхъ № 10 и въ поправкахъ), обвиняетъ насъ торжественно въ *неправдѣ* (Два съѣзда, с. 30) за эти слова о его заслугахъ, то такое обвиненіе способно вызвать, конечно, только улыбку.

**) Въ Vorwärts'ѣ началась полемика по этому поводу между теперешней редакціей его, Каутскимъ и „Зарей". Мы не преминемъ познакомить русскихъ читателей съ этой полемикой.

на то, что іюньскія резолюціи опредѣленно указали задачу соціаль-демократіи — „руководить *всякими* проявленіями борьбы пролетаріата противъ *всѣхъ* формъ политическаго, *экономическаго* и соціальнаго угнетенія", требуя тѣмъ самымъ внесенія планомѣрности и единства во всѣ эти проявленія борьбы, — „Союзъ" добавлялъ еще совершенно лишнія слова, что „экономическая борьба является могучимъ стимуломъ массоваго движенія" (сами по себѣ эти слова безспорны, но при существованіи узкаго „экономизма", они не могли не дать повода къ лжетолкованіямъ). Мало того, въ іюньскія резолюціи вносилось даже прямое *суженіе* „политики" какъ посредствомъ удаленія словъ „ни на минуту" (не забывать о цѣли низверженія самодержавія), такъ и посредствомъ добавленія словъ, что „экономическая борьба есть *наиболѣе широко* примѣнимое средство для вовлеченія массы въ активную политическую борьбу". Понятно, что послѣ внесенія такихъ поправокъ всѣ ораторы нашей стороны стали одинъ за другимъ отказываться отъ слова, находя совершенно безполезнымъ дальнѣйшіе переговоры съ людьми, опять поворачивающими къ экономизму и обезпечивающими себѣ свободу шатанія.

„Именно то, что Союзъ считалъ условіемъ sine qua non прочности будущаго соглашенія, т. е. сохраненіе самостоятельной физіономіи Р. Д. и его автономіи, — именно это Искра считала камнемъ преткновенія для соглашенія" (Два съѣзда, стр. 25). Это очень неточно. На автономію Р. Дѣла мы никогда не посягали.*) Самостоятельность его физіономіи мы дѣйствительно *безусловно отвергали*, если понимать подъ этимъ „самостоятельную физіономію" въ принципіальныхъ вопросахъ теоріи и тактики: іюньскія резолюціи именно и содержатъ въ себѣ безусловное отрицаніе *такой* самостоятельности физіономіи, ибо эта „самостоятельность физіономіи" на практикѣ всегда означала, повторяемъ, всяческія шатанія и поддержку этими шатаніями господствующаго у насъ и невыносимаго въ партійномъ отношеніи разброда. Статьями въ № 10 и „поправками" Рабочее Дѣло ясно показало свое желаніе сохранить за собою именно эту самостоятельность физіономіи, а такое желаніе естественно и неизбѣжно повело къ разрыву и объявленію войны. Но мы всѣ готовы были признать „самостоятельную физіономію" Р. Д. въ смыслѣ сосредоточенія его на опредѣленныхъ литературныхъ функціяхъ. Правильное распредѣленіе этихъ функцій напрашивалось само собою: 1. научный журналъ, 2. политическая газета и 3. популярные сборники и популярныя брошюры. Только согласіе Р. Д. на такое распредѣленіе доказало бы *искреннее* желаніе его свести окончательно счеты съ тѣми заблужденіями, противъ которыхъ направлены іюньскія резолюціи, только такое распредѣленіе устранило бы всякую возможность треній и обезпечило на самомъ дѣлѣ прочность соглашенія, послуживъ въ тоже время базисомъ для новаго подъема нашего движенія и новыхъ успѣховъ его.

Теперь ни одинъ русскій соціаль демократъ не можетъ уже сомнѣваться въ томъ, что окончательный разрывъ революціоннаго направленія съ оппортунистическимъ вызванъ не „организаціонными" какими-либо обстоятельствами, а именно желаніемъ оппортунистовъ упрочить самостоятельную физіономію оппортунизма и продолжать вносить въ умы путаницу разсужденіями Кричевскихъ и Мартыновыхъ.

---

*) Если не считать стѣсненіемъ автономіи тѣ редакціонныя совѣщанія въ связи съ учрежденіемъ общаго верховнаго совѣта объединенныхъ организацій, на которыя согласилось въ іюнѣ и Раб. Дѣло.